

ВИЗАНТИЯ



из варяг в греки





Новгород

Киев

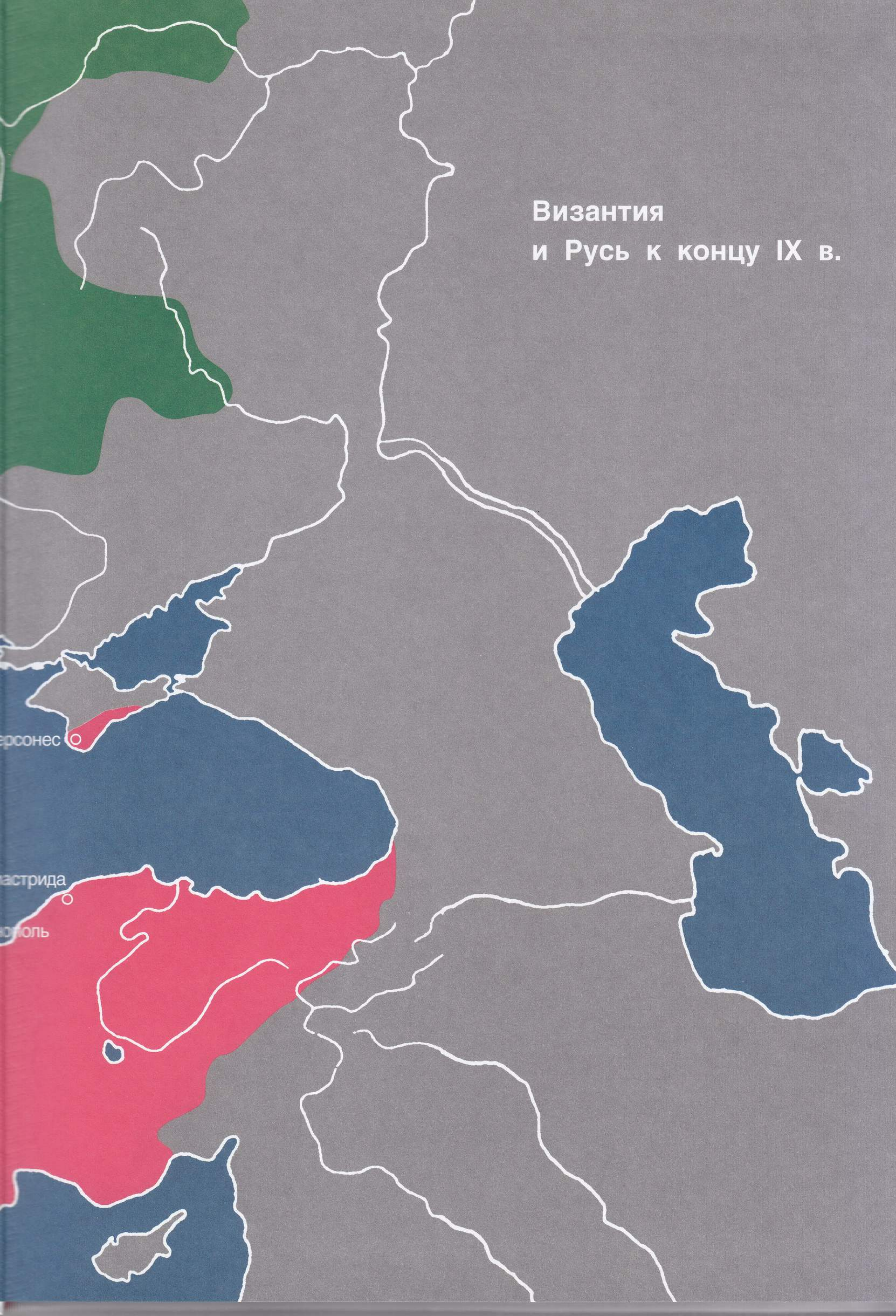
Доростол

Херсон

Амастри

Константинополь

Византия
и Русь к концу IX в.



ВИЗАНТИЯ

из варяг в греки



«Рейтар»
Санкт-Петербург
2010

ПРОЕКТ «ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ»

Ранее опубликовано:



«ВИЗАНТИЯ — ЩИТ ЕВРОПЫ»
АРАБО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XI ВВ.



«ВИЗАНТИЯ — ОРЕЛ И ЛЕВ»
БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XIV ВВ.



«ВИЗАНТИЯ — РИМСКАЯ МЕЧТА»
ЗАПАДНЫЕ ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ VI–XIV ВВ.



«ВИЗАНТИЯ — ГРОЗА НАД ДУНАЕМ»
СЕВЕРНЫЕ ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ V–XIV ВВ.



В. Н. Шиканов

ВИЗАНТИЯ из варяг в греки



Русско-
византийские
войны
IX-XII вв.

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2010

УДК 82.
ББК 63.3(4)
Ш-59

Шиканов В. Н.

Ш-59 Византия. Из варяг в греки: Русско-византийские войны IX—XII вв. / Шиканов В. Н. — СПб.: «Рейтар», 2010. — 120 с.: ил.

ISBN 978-5-8067-0053-4

Россия. Огромная, многонациональная держава, которую веками скрепляет жесткая властная вертикаль. В этом наша страна похожа на великую православную империю Востока. И в XXI веке Россию часто сравнивают с Византией. Настолько близки их судьбы и уникально место в истории человеческой цивилизации. Даже враги на протяжении веков были у нас общие, а друзей очень часто не хватало.

Но и между собой нашим предкам — ромеям и русичам не раз приходилось меряться силой оружия и отвагой своих воинов. Ведь Константинополь манил к себе не только паломников и купцов, но также любителей наживы. Империя и на этот раз оказалась победителем. Но победа была одержана Византией не одной лишь сталью мечей и мощью огнемётных батарей. Сыны Севера оказались навсегда пленены величием, духовной мощью и сладостной, поистине неземной красотой Византийской цивилизации.

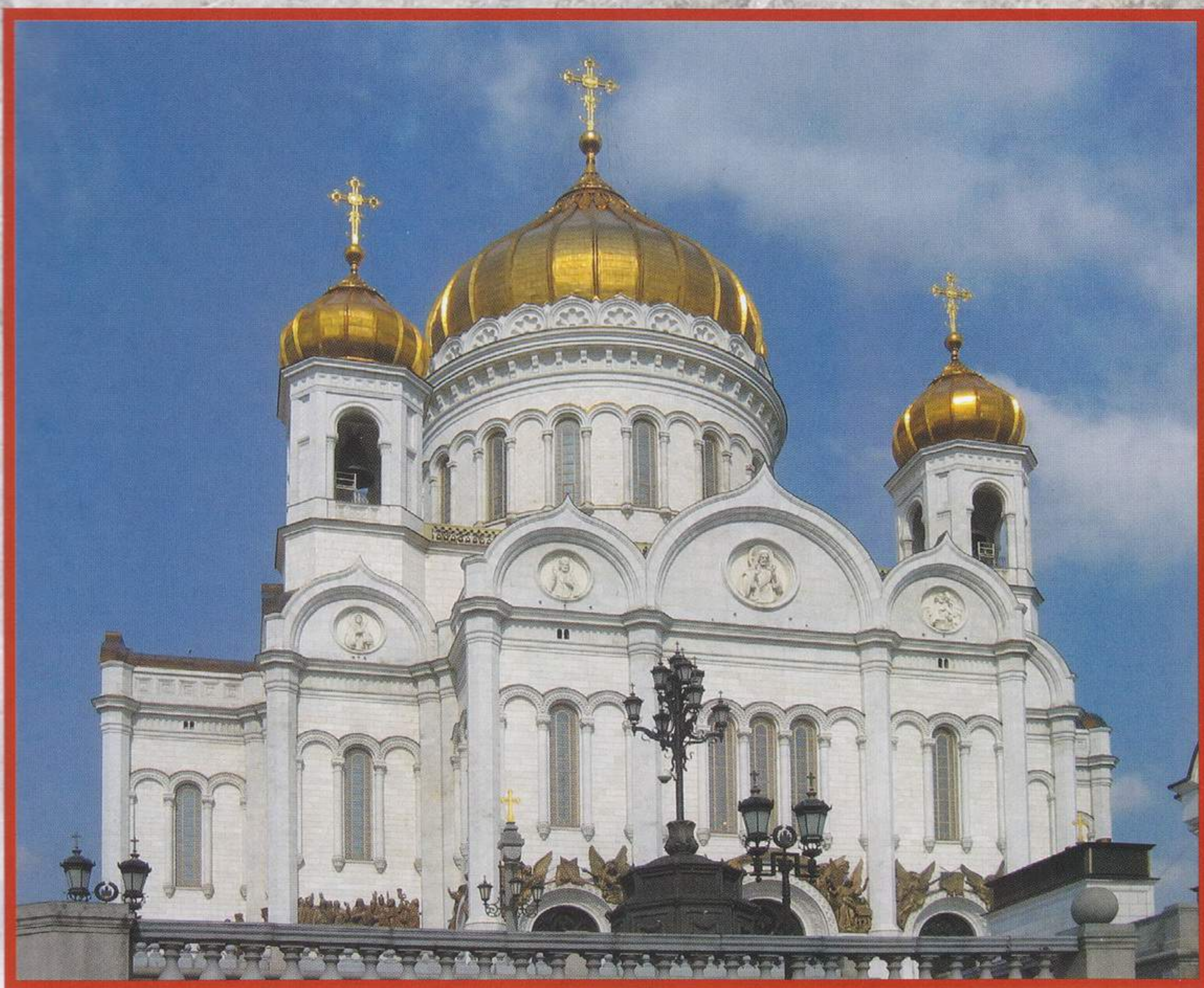
*Автор выражает искреннюю признательность
Петру Александровичу Васину
за участие в работе над этой книгой.*

Художник: Евгений Емельянов.

ISBN 978-5-8067-0053-4

УДК 82.
ББК 63.3(4)

© Шиканов В. Н. Текст, подбор иллюстраций, 2010.
© Васин П. А. Текст главы «Основание ратных сил», 2010.
© Панкевич А. В. Дизайн, верстка, 2010.
© Издательство «Рейтар», 2010.



Храм Христа Спасителя в Москве. Современная фотография

*Когда бы град Петров стоял на Черном море,
Когда бы царь в слезах прорвался на Босфор,
Мы б жили без тоски и холода во взоре,
По милости судьбы и к ней попав в фавор.*

А.С. Кушнер

Москва XXI век. Храм Христа Спасителя. Россия прощается с патриархом. Негнущиеся от сплошного золота ризы митрополитов и архиепископов. Зычные голоса дьяконов. Мрамор, отражающий пламя свечей ярого воска. И люди, бесконечные вереницы православных людей. Одни тщетно пытаются сдерживать искренние, рвущиеся из глубины души слезы (по президентам так не плачут). Другие строго и торжественно склоняют головы у тела покойного. И все крестятся. Скромно и истово, размашисто и словно стесняясь дать волю чувствам. Выглядит как-то не современно. Даже на фоне в одночасье ставших «верующими» официальных лиц в до-

рогих, но таких обезличенно унифицированных «под случай» костюмах (ладно хоть не малиновых пиджаках). И все это, несмотря на внушаемые в недавние времена хамоватые заповеди новой жизни: «Бери от жизни все», «Оттянись по полной», «Оторвись со вкусом» и, пожалуй, наиболее циничное, достойное лишь обитателей джунглей: «Никто никому ничего не должен».

Новоделный собор, отлитый из бетона, странным образом переключается с этими «истинами», но общая атмосфера вызывает совсем другие ассоциации. Будто видишь Константинополь, Византию. Суетливые реалии нашей эпохи остались снаружи, а здесь, как и тысячу лет назад, неспешно совершается великое таинство общения

людей с Богом, когда торопиться некуда, потому что впереди вечность.

Впрочем, участие или неучастие в подобных церемониях для каждого вопрос совести и личной веры. Гораздо большие страсти недавно вызвало художественно-публицистическое произведение. Формально видеофильм «Гибель империи. Византийский урок» посвящен истории Ромейской державы и ее трагической участи. Но почему же тогда он породил нешуточное кипение страстей в и без того неумиротворенном российском обществе? Либералы-западники, вопреки вольтеровским декларациям, не пожелали «отдать жизнь» за то, чтобы их оппоненты могли излагать свои взгляды, а потребовали запретить этот «гадкий, очень гадкий фильм». Для них единственный урок византийской истории заключается в том, что ни в коем случае нельзя идти ее путем. Это дорога в никуда. «Быть ближе к Западу» — вот их символ веры.

Другие — назовем их почвенниками — утверждают, что Византия являла собой образец и высший оплот духовности. Ее потенциал не был исчерпан и нужно лишь избегать ошибок, допущенных ромеями. Тем более что становится все более очевидно — Западная цивилизация ведет человечество в тупик и неспособна дать адекватный ответ на важнейшие вызовы современности (ибо не может быть гамбургер, т. е. бутерброд с котлетой, главной жизненной ценностью).

В любом случае, параллели между судьбами Византии и России лежат на поверхности, и не заметить их может только ленивый. Почему же так получилось? Нравится это кому-то, или нет, но слишком многое пришло на Русь из Константинополя, чтобы оставить особый неповторимый оттенок во всех сферах русской жизни. Ромейское царство погибло пять с половиной веков назад, а византизм в России и Россия в византизме живут и в наши дни.

Когда-то с берегов Босфора нами была заимствована политическая идеология, остававшаяся неизменной на

протяжении столетий — прямое управление государя (как бы он не назывался) всеми без исключения подданными. Подобное мировоззрение пережило века, феодальную раздробленность и татарское иго. Со временем Россия превратилась в настоящую империю — огромное, многонациональное государство с жестко централизованной вертикалью власти, каковым и остается поныне, несмотря на внешне республиканские атрибуты. Более того, в отличие от человека Запада, наш народ именно в государстве (но не в управленческом аппарате!) видит одну из высших личностных ценностей.

Вне зависимости от конъюнктурных колебаний и перемены знаков в отношениях двух наших цивилизаций, русские интуитивно, а иногда и вполне осознанно усвоили, что культурно и духовно они являются составной частью более широкой общности — вселенского православия, центром которого на протяжении целого тысячелетия являлась Византия. Не случайно имя византийского императора поминалось в богослужении на Руси так же, как и во всех храмах Ромейской державы.

Это чувство объясняется тем, что из Константинополя исходила русская церковная традиция. Наша церковь оставалась единой даже в эпоху периодически возникавших центробежных тенденций (чему мы являлись свидетелями в совсем уже недавние дни). Если государственность Ромейской державы давно рухнула, то православный универсализм, исходивший из Византии и перенесенный на русскую землю, сохранился в полной мере, и несколько столетий спустя, именно на этой духовной основе, было создано поистине бескрайнее и могущественное единое культурно-политическое пространство — Россия.

С учетом исторического опыта и трудного пути, пройденного нашей Родиной и ее народом, вполне естественно воспринимается исключительное положение русского церковного предстоятеля. В наши дни патриарх Московский и всея Руси, формально занимая лишь пятое место среди про-

чих православных первоиерархов, сам, несомненно, является главой вселенского православия¹.

Вслед за священниками, несшими слово Божье, на Русь из Византии потянулись дипломаты, купцы, ремесленники, иконописцы и многие другие, одаренные в различных областях знания люди. На днепровских кручах, в скитах, затерявшихся во владимирских лесах и в обителях, смотревшихся в неспешные реки Московской земли, переводились и настойчиво изучались произведения византийской богословской, исторической и юридической литературы. Значит, русским людям было что взять из неисчерпаемой кладези мудрости, сохраненной греками и через века пронесенной ими для потомков.

При этом Византия не заставляла вновь обращенных учить ее язык. Богослужение велось на всем понятном славянском наречии. Недаром трудились великие учителя равноапостольные братья Кирилл и Мефодий.



Святые Кирилл и Мефодий.
Миниатюра русской летописи

Далеко не всегда русичи принимали византийские ценности с благоговением неофитов. Источники документально засвидетельствовали не менее шести русско-византийских войн (не говоря уже о мелких или откровенно легендарных конфликтах). Но именно Россия, в конечном итоге, ока-

залась самой верной и последовательной преемницей идей Ромейского царства. И главным сокровищем Византии для наших предков был Бог Единый. Так внешне аскетичные, подчеркнута лишенные снаружи отделки православные храмы Константинополя внутри оказывались частью иного, невыразимо прекрасного мира, сплошь залитого золотом мозаик, главными действующими лицами которых были какие-то особые люди. В своей земной жизни они много страдали, но искренне веровали и значит спаслись, оставшись навсегда в памяти народной.

Принятие христианства оказалось для России путем из варяг в греки. Став католиками, скандинавские викинги стали неотъемлемым компонентом западноевропейской цивилизации. Те же из них, которые отправились на восток, слились со славянами и приняли из Константинополя православие. В дальнейшем именно вера породила глубочайшие культурные и мировоззренческие различия между западом и востоком Европы, сделав Россию политической и духовной наследницей Византии, не желающей, да и не способной раствориться в плавильном котле атлантизма. Вся последующая история подтверждает, что именно тогда пути России и Европы разошлись *навсегда*, несмотря на неоднократные последующие попытки (от Петра Великого до Гайдара) вернуть нашу страну в русло мировой (т. е. исключительно англосаксонской) цивилизации. С другой стороны, Запад и поныне воспринимает Россию именно как «византийскую», т. е. загадочную, темную и мощную сущность, неизменно несущую в себе прямую угрозу².

Русские же по разному относятся к своему византийскому наследию. Одни им гордятся. Другие ненавидят

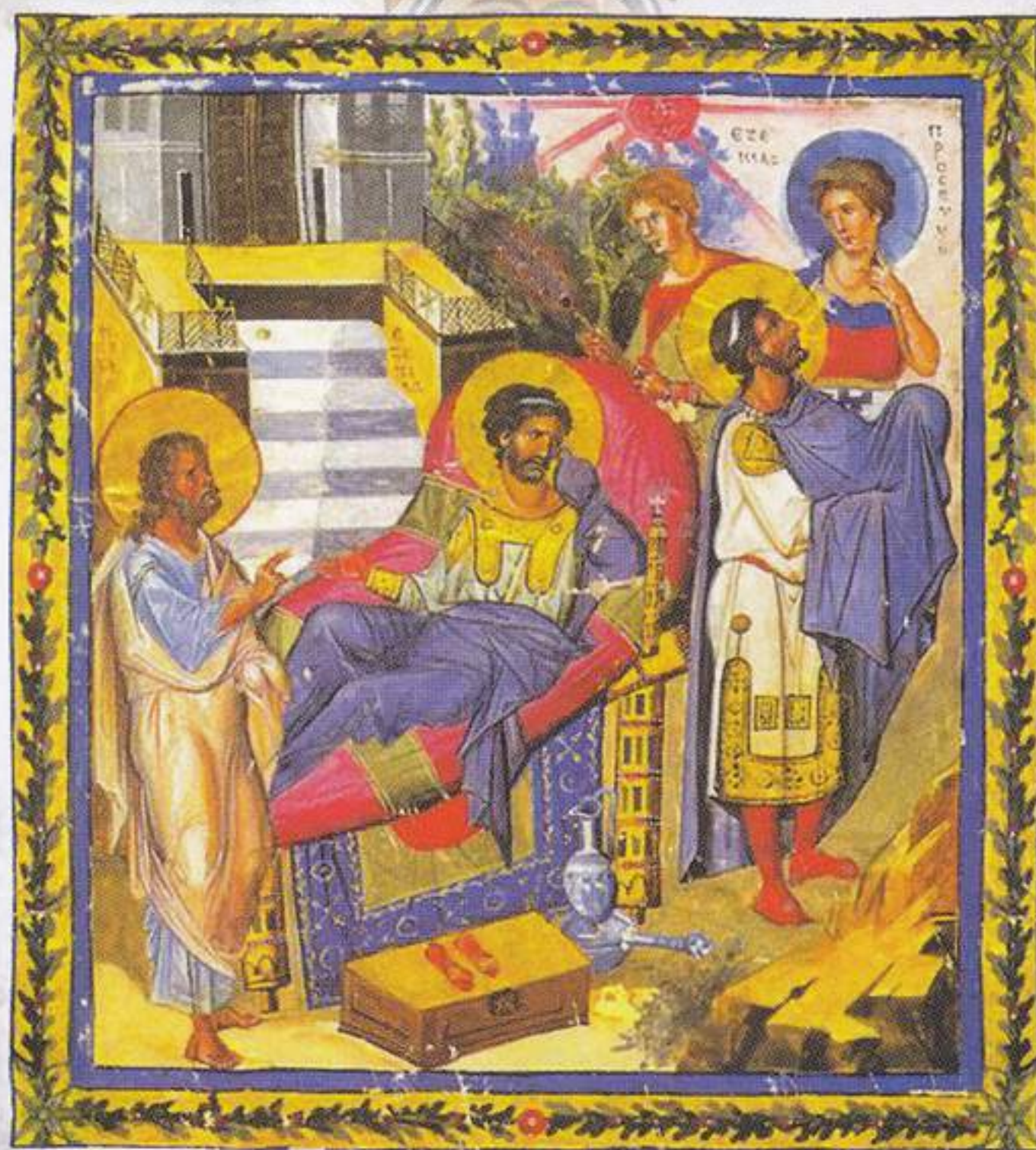
¹Не случайно в рамках именно имперской традиции, опиравшейся на победу в Великой Отечественной войне, И. В. Сталин намеревался провести в Москве очередной православный Вселенский собор.

²И при всем этом, странным образом считая ее символами совсем не ромейских матрешек, водку и медведя.

и презирают. Большинство — безразличны, ибо не ведают, чем владеют. Эта книга предназначена, прежде всего, тем, кто любит Византию и сопереживает ее судьбе. Людям со сложившимся негативным отношением к этому государству стоит читать другие книги: например, В. Д. Иванова (хоть про *великую*, хоть про *изначальную*). В его высокомерно-пристрастном представлении держава ромеев источает миазмы страха и испражнений. Впрочем, история человечества свидетельствует, что подобные «ароматы» свойственны не только империям, но и вполне респектабельным демократиям. Для нас Византия, при всех ее не только странных, но и страшных реалиях, остается «прекрасно украшенной землей», увидеть которую мечтали бесчисленные мири-

ады обитателей со всего белого света. Хотя приходили они не только с миром, но часто и с мечом. Далекие предки современных россиян в этом отношении исключения не составляли.

Это обстоятельство создало дополнительные трудности при написании данной книги, поскольку в общественном сознании укоренилось мнение, что «наши всегда правы». Получается, что историк идет по своеобразному «минному полю», где любой неверный шаг чреват самыми неприятными последствиями. Но добросовестный исследователь неизменно и принципиально должен ставить во главу угла поиск истины, даже если она нелицеприятна, и «патриоты» готовы выпустить в него острые (а зачастую и отравленные) стрелы критики.





ИСТОКИ



П



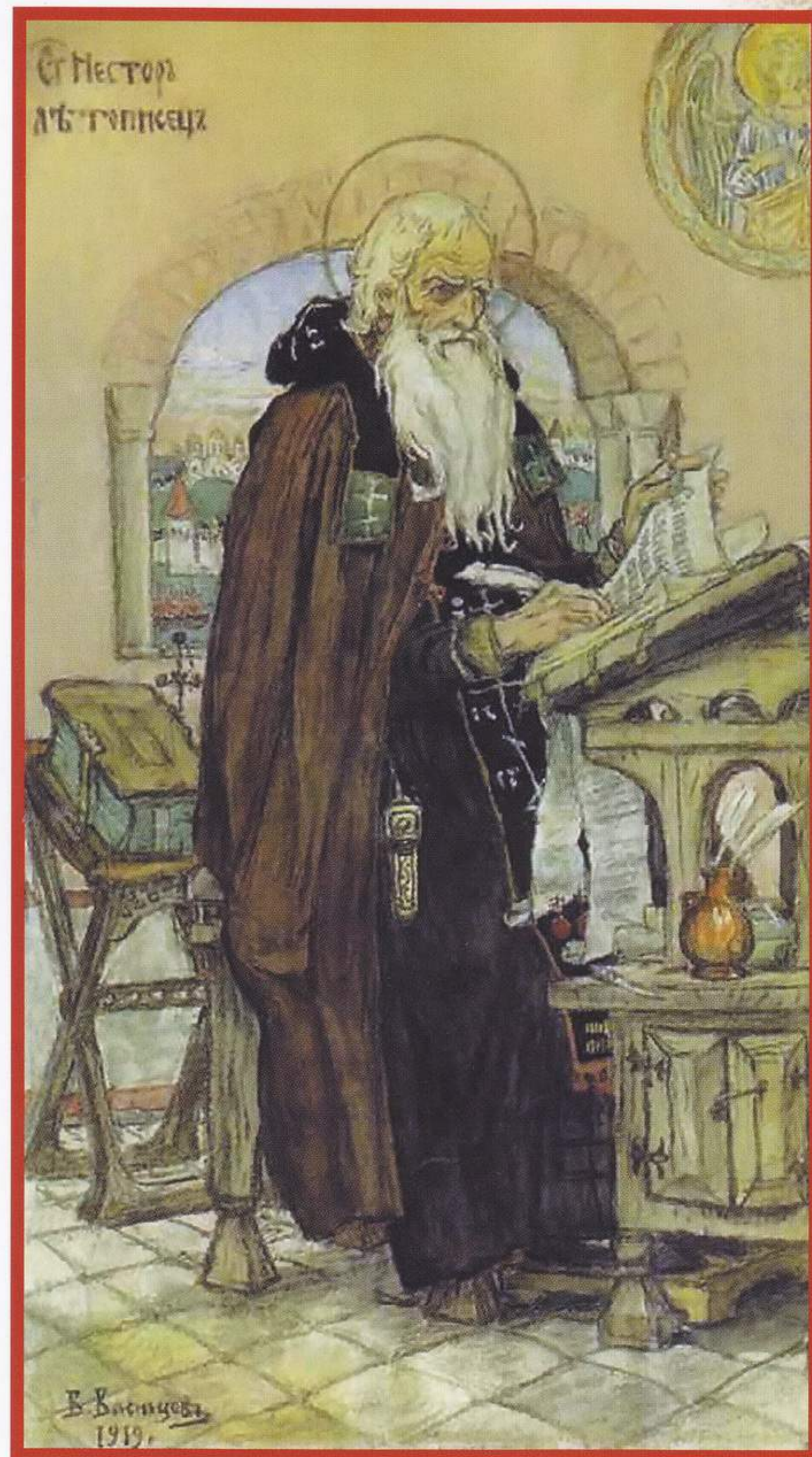
оистине во глубине веков незнанных теряются исторические корни нашего Отечества. У русского народа не было своих Геродота, Полибия и Тацита. Некому было заниматься и составлением отечественного варианта «Больших анналов». С другой стороны, уважающие себя и свою аудиторию исследователи не могут всерьез воспринимать и использовать одиозные фальшивки типа «Велесовой книги», описывающей «события» истории славян, начиная с VII века до н. э.

Даже основной источник по ранней истории Древней Руси «Повесть временных лет» создавался спустя два с половиной века после официальной даты основания Русского государства. Ее автор, полуполюгендарный Нестор, не имея возможности изучить сложнейшие исторические процессы, давал им собственную, подчас весьма далекую от истины интерпретацию. Отыскивал параллели между никак не связанными между собою событиями, либо, наоборот, не владея информацией, упрощал и умалчивал, разрывая причинно-следственные связи. А ведь эта летопись еще и подгонялась под конъюнктурные взгляды тогдашних правителей, которым некоторые факты из прошлого казались неудобными или просто невыгодными.

Конечно, еще задолго до Нестора наших предков интересовал вопрос «откуда есть пошла Русская земля», но писали тогда мужи словенские какими-то «чертами и резами». До нас эти документы не дошли, или не были поняты даже ближайшими современниками. И после того, как «святый Константин писмена сотвори и книги преложи в малых летех», в русских летописях остались немалые лакуны, так что многим годам соответствовала единственная фраза: «В лето... не бысть ничего», или «В лето... бысть тишина».

В подобной ситуации задача исследователя превращается в непосильную ношу. Все здесь зыбко, шатко, ненадежно и неуловимо. Не опирающаяся на твердую почву фактов, мысль увлекается в трясину предположений, догадок, допущений и вскоре уже не может вырваться из тьмы легенд и заурядных вымыслов.

Ученые сходятся во мнении, что славяне, первоначально обитавшие в бассейне Карпат, со временем расселились. Сначала на север и юг, а затем (начиная, примерно с VII века) и на Восточно-Европейскую равнину. Оседая на землях, пригодных для ведения сельского хозяйства, занятий охотой и рыболовством, их роды и общины послужили ядром для формирования племен, не слишком сильно связанных между собой. Жили они по-разному. Одни «зверским образом, по-скотски, убивая друг друга, ели все нечистое, и брака у них не бывало, но умыкали у воды девиц». Да еще имели по две и по три жены и «срамословили при отцах и при снохах». Другие же, напротив: «своих отцов обычай имели тих и кроток. И брачный обычай имели — не ходил



Летописец Нестор.
Эскиз худ. В. М. Васнецова

жених за невестой, но приводили ее вечером, а наутро приносили за ней, что давали». А еще они мылись в банях и парились вениками, что производило на иноземцев неизгладимое впечатление. «Разденутся они, — говорится в летописи, — и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье».

Но каким образом все эти поляне, древляне, дреговичи, полочане, северяне, вятичи, радимичи, уличи, тиверцы и прочие иные превратились в русичей, а затем и в русских? Без ответа на этот вопрос невозможно объяснить происхождение и значение современного названия нашего государства.

В разное время корни русского этноса возводили к людям, жившим вдоль днепровского притока — реки *Рось*, и даже еще проще — вдоль речных *русел*. Существуют и более научнообразные, замысловатые версии. Оказывается, предками русских могли быть такие племена, как росомоны, роксаланы, боруски, пруссы, руги и т. д.

Фонетическое сходство обманчиво, а основанные на нем выводы ведут прямиком в тупик. Поскольку подобный, на первый взгляд, простейший подход основан на пристрастном, или, хуже того, ангажированном мнении. Именно эти причины уже как две сотни лет разделили этнографов и историков Древней Руси на два непримиримых лагеря.

Вот и нас обсуждение поднятого вопроса неизбежно выводит к замшелым и давно утратившим монолитность, но все еще грозно высящимся бастионам нормнистов и антинормнистов. Автор этих строк честно признается, что

если уж такие titаны мысли как М. В. Ломоносов, с одной стороны, и Н. М. Карамзин, с другой, не смогли убедить своих оппонентов, то трудно рассчитывать в наше время на окончательное решение данной проблемы. Тем более что она давно утратила чисто научное значение и приобрела ярко выраженную политическую окраску. Вместе с тем, поскольку мы ведем рассказ, прежде всего, об истории взаимоотношений Ромейского царства и Руси, то ограничимся, в основном, обзором и интерпретацией византийских источников по этому вопросу.

Для начала, сошлемся на хрестоматийное известие так называемых Бертинских анналов, свидетельствующих, что в 839 г. ко двору императора франков Людовика Благочестивого прибыло посольство василевса Феофила, при котором находились и некие представители народа *Рос*, которые при более тщательной проверке оказались свеонами (т. е. шведами). Ранее эти самые росы были направлены своим каганом в Константинополь для ведения дипломатических переговоров, а затем заявили, что



Расселение восточных славян в середине IX в.

не могут вернуться назад тем же путем, поскольку он проходил «среди варваров и племен величайшей дикости», вследствие чего им пришлось добираться домой через Западную Европу.

Историки до сих пор спорят, выясняя, являлись ли эти люди посланниками хазарского кагана, или существовал так называемый Русский каганат? Вместе с тем, их принадлежность к одному из скандинавских этносов является несомненной, также как и тот факт, что вернуться они хотели не в Швецию, а в Восточную Европу.

В византийских источниках этноним рос (Ῥώς) впервые упоминается также в IX веке. В них речь идет о варварах росах — народе, «как все знают, диком и жестоком». Именно из-за военных зверств, византийцы ассоциировали вторгшихся в пределы империи откуда-то с севера пришельцев с упомянутым в Ветхом завете этим страшным племенем. В 860-х гг. Константинопольский патриарх Фотий писал, что так называемый народ рос «превосходит всех жестокостью и склонностью к убийствам».

Тогда жители Европы в полной мере испытали на себе ярость норманнских набегов. Продвигаясь вверх по течению рек на узких и быстроходных кораблях, они проникали далеко вглубь континента. Западноевропейские хроники той поры полны свидетельств о неистовствах свирепых иноземцев, когда гулящие ватаги предавали огню и мечу прибрежные области.

На востоке континента, как мы уже знаем, пока не было письменных источников, способных сохранить и донести до потомков драматизм тех давних событий. Да и городов здесь было поменьше, чем на Западе, так что варяги (как здесь называли норманнов) не могли рассчитывать на столь же богатую добычу. Тем не менее, их дружины регулярно наведывались в озеро Нево (Ладожское), через реку Волхов в озеро Ильмень, а затем, через реку Ловать и сухопутные волоки, освоили дорогу в Днепр и далее вниз по этой главной водной артерии Восточно-Европейской равнины. Впоследствии этот маршрут называли *Путем из*

варяг в греки. И пошли по нему купцы, воины, а затем и паломники (да, примерно в такой последовательности).



«Волокут волоком».
С картины худ. Н. К. Рериха

Со временем конунги со своими дружинами стали устанавливать с племенной верхушкой славян деловые и даже взаимовыгодные отношения. Варяги оседали в прибрежных поселениях и за дань защищали их от алчности, как новых гостей с севера, так и неприятных соседей. Автор «Повести временных лет» прямо указывает, что «звались те варяги *русь*, как другие зовутся свеи, другие же урмане, англяне, а еще иные готы»¹.

Столь же четко различали славян и росов в Константинополе. Ярким примером тому служат приводимые василевсом Константином Багрянородным (913-959 гг.) славянские и «росские» названия днепровских порогов. При этом этимология последних носит отчетливо выраженный скандинавский характер. Согласно царственному автору, росы и славяне это различные этнические группы. Столь же определенно высказывался современник Порфиrogenета Лиутпранд Кремонский, в 949 г. побывавший с дипломатической миссией при византийском дворе: «В северных краях есть некий народ который греки называют *Ровσιος* (*русиос* — В. III.), мы же их по

¹То есть шведы, норвежцы, жившие в Ютландии англы и обитатели острова Готланд.

месту жительства зовем Nordmannos». Правда, итальянское ухо вновь смешивает «русов» и «росов», но в данном случае важно, что и этот автор не считает русов славянами.

Но *рус*, при всем кажущемся подобии, это все-таки не *рос*. Что ж, попробуем разобратся и с этой странной загогулиной.

К сожалению, у автора Ветхого завета не спросишь, каково значение этнонима *Рос*. Просто византийцы ждали нашествия этого страшного народа, как кару Божию. И когда неведомые по прежним контактам пришельцы внесли ужас в пределы империи, их нарекли библейским именем.

Что же касается русов, то большинство серьезных исследователей сходятся во мнении, что это наименование первоначально было заимствовано славянами из финского языка, где имеется слово *ruotsi* (*rootsi*)¹ скандинавского происхождения. Означало же оно «*гребцы*». Именно так могли называть себя ватаги налетчиков, приходившие на драккарах с запада и грабившие берега Балтики.

Воспользовавшись весьма популярным в наши дни тезисом о том, что преступность не имеет национальности, можно предположить, что со временем этнический состав разбойников становился все более пестрым, так как в поисках веселой жизни и легкой наживы их ряды пополняли наиболее лихие и отчаянные жители тех мест, где они появлялись: финны, чудь, водь и сами славяне. Теперь уже всех их без различия стали называть *русами* (подобно тому, как слово *викинг* обозначает не этническую принадлежность, а образ жизни и род занятий).

Итак, русами считались представители привилегированной военной верхушки скандинавских отрядов, а затем и полиэтнические дружины вождей своеобразного симбиоза, сложившегося в IX веке на пространствах Восточно-Европейской равнины. Позднее (очевидно в X веке) скандинавский элемент почти полностью растворился в массе славян, и образовался единый этнос *русь*.

Именно в варианте *рус* интересующий нас этноним употребляется в восточных (арабских) источниках. Противники норманистской теории выводили его происхождение из чисто славянских и даже более того, индо-арийских корней, полагая, что

rukhs значит светлый (т. е. светловолосый и светлокожий человек). Таким образом, выходило, что *росы* и *русы* два разных народа. Первые были скандинавами и пришли на Днепр (и уже оттуда в Византию) с севера. Вторые обитали в этих местах с незапамятных времен (т. е. всегда). Их взаимные контакты, сначала враждебные, а затем и взаимопользные привели в X веке к образованию нового этноса и государства Руси. Данная версия на протяжении почти трех столетий ласкает душу некоторых отечественных патриотов, но политические мотивы явно преобладают в ней над научными, так что специалисты практически не принимают ее всерьез.

Дело в том, что скандинавы-*ruotsi* освоили речные пути не только на юг по Днепру, но и на восток — по Волге. Недаром Нестор писал, что обе реки начинаются «в Оковском лесу». Это, конечно, упрощенное представление. Путешественникам приходилось использовать несколько сухопутных волоков, но в целом картина передана верно. Из озера Ильмень при желании действительно можно было попасть в Волгу. Именно здесь с русами познакомились арабы, которые всегда отличали их от славян.

В 921-922 гг. русов, прибывших на Волгу «по торговым делам», видел и общался с ними арабский дипломат Ахмед Ибн-Фадлан. Согласно его описанию, «они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом».

Трудно отделаться от впечатления, что вышеприведенная цитата взята из современного приключенческого романа из времен Древней Руси, где сплошь действуют добры-молодцы, да красны-девицы. Но не стоит обольщаться. Их повседневные привычки и характерные черты быта были отвратительны! Передавая их с шокирующим натурализмом, Ибн-Фадлан выносит русам убийственный приговор: «Грязнейшие из творений Аллаха». Позавидовать можно лишь «царю русов», который «не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться с девушками, пить и предаваться развлечениям».

Итак, основное движение варягов-русов осуществлялось с севера на юг и юго-восток. По их прозвищу вся эта земля стала зваться Русью. Но в дальнейшем за нашей

¹До сих пор в финском языке Швеция называется *Ruotsi*, а шведы — *Ruotsalainen* (соответственно, по-эстонски, *Roots* и *rootslane*).



Похороны знатного руса на Волге.
С картины худ. Г. Семирадского

страной закрепился именно византийский вариант названия — **Россия**, а не **Русия**. Мы же в своем рассказе будем именовать варягов, пришедших в Восточную Европу, и сложившуюся здесь позднее новую этническую общность, как *русами*, так и *росами*. В зависимости от того, чьи отзывы оценивают их действия. Византийцы считали их росами, а местное население — русами. Впоследствии возник единый славянский по языку народ, в котором растворились варяги. Его представителей можно считать русичами, а затем просто русскими.

Отголоски легендарных событий, свидетельствующих о первом контакте росов с Римейским царством, зафиксированы в относящемся к X столетию византийском «Житии св. Стефана». Согласно этому источнику, некий предводитель росов Бравлин с дружиной, прибыв с севера по речному пути, спустился на ладьях в район уже существовавшего Киева. Обитавшее здесь славянское племя полян платило дань хазарам. Назревавший конфликт удалось уладить миром. Бравлин получил право сбора дани на этих землях в пользу хазарского кагана и беспрепятственно продолжил свой путь вниз по Днепру.

Достигнув Черного моря, рать росов повернула на Крым. Ромеи никак не ожи-

дали нападения на свои владения с моря, так что вскоре пришельцы опустошили все южное побережье полуострова — от Херсонеса до Боспора¹. Кульминацией похода стали штурм и взятие Бравлином города Сугдея², где была захвачена богатая добыча, после чего росы повернули назад. Произошло это (если, конечно, имело место на самом деле) в самом конце VIII века.

На первый взгляд, приведенный нами рассказ носит откровенно мифический характер. Имя Бравлина более не встречается в исторических источниках, так что неизвест-

но, куда делся он сам и его лихая дружина. Вместе с тем, ряд косвенных признаков позволяют сделать вывод, что продвижение росов вдоль Днепра к Киеву и далее на юг, сделало их важной военно-политической силой, значение и вес которой в дальнейшем не могли не учитывать в Константинополе.

Осев в районе Киева, являвшегося военным и торговым форпостом хазар на западе их державы, и взяв под покровительство жившее здесь славянское племя полян, росы исправно собирали с них дань для уплаты Хазарскому каганату. Формально так строятся отношения вассалов с сюзереном, на деле же все обстояло гораздо сложнее. Росы были слишком воинственны и сильны, чтобы безропотно подчиняться далекому Итилю, и очень скоро стали проявлять очевидную самостоятельность. Выступив вместе с полянами, они наголову разбили другое славянское племя — древлян, претендовавших на земли по правому берегу Днепра. Тогда обеспокоенные хазары, предвидя немалые осложнения от столь бойких соседей, обратились в Константинополь с просьбой прислать специалистов для укрепления рубежей своего государства.

Станный это был союз. Православная империя считала стратегическим партнером

¹То есть от современного Севастополя до Керчи.

²Современный Судак.

некий этнический симбиоз, в состав которого входили последователи ислама, христианства и языческих верований, а правящая верхушка на рубеже VIII-IX вв. по неизвестным причинам обратилась в иудаизм. Наверное, будь хазарские владения чуть поближе, Византия рассматривала бы хазар как наиболее непримиримых идеологических противников, но лежавший в степях к северу от кавказских гор между Черным и Каспийским морями каганат сдерживал экспансию арабов на север и мог оттягивать на себя кочевников, обычно приходивших на Дунай и доставлявших массу проблем Ромейской державе.

Около 840 г. флот росов беспрепятственно подошел к северному побережью Малой Азии и разграбил Амастриду — административный центр фемы Пафлагония. Этот город оказался на острие удара, потому что здесь находилась крупная международная торговая ярмарка, где бывали и славянские купцы. По Днепру и вдоль черноморского побережья они везли сюда меха и, самое главное, рабов. Действительно, рабочие руки всегда нужны, а христианами торговать православным ромеям совсем негоже. Но за морем жили язычники, и когда речь шла об их «трудоустройстве», совесть никого не беспокоила.

Скорее всего, именно торговцы и «навели» дружину своего князя на это место, рассказав о прибывающих сюда со всех сторон света богатствах. Недаром писал византийский автор: «О, Амастрида, око Пафлагонии, а лучше сказать — почти всей Вселенной! В нее стекаются, как на общий рынок, скифы¹, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары».

На этот раз обитатели заморья не совладали с соблазном и решили не выторговать приглянувшееся им добро, а взять его силой.

«И было нашествие варваров Рос, народа, как знают все, крайне жестокого и безжалостного и не несущего никаких признаков человеколюбия. Звероподобные по поведению, бесчеловечные по делам, самым видом обнаруживающие убийство, ничему другому, что свойственно людям, не радующиеся, кроме смертоубийства, это поистине губительное и по делам и по имени племя, начав разорение с Пропонтиды² и опустошив прочее побережье, дошло и до отечества святого». Храмы были разрушены, святыни осквернены. Жертвами стали жены и девы, старцы и младенцы. Никто не избежал резни.



«Собирают дань». С картины Н. К. Рериха

Вероятно, с учетом этих обстоятельств, император Феофил (829-842 гг.) направил к хазарам спафарокандидата Петрону и группу византийских инженеров, сведущих в искусстве фортификации. Под их руководством на реке Танаис (Дон) в 833-834 гг. была выстроена крепость Саркел, где постоянно нес службу хазарский гарнизон. Судя по месту расположения, этот «блокпост» должен был прикрывать каганат с запада от русов (хазары использовали восточный вариант данного этнонима), а позднее и от печенегов. Однако первой под их удар попала территория самой Византии.

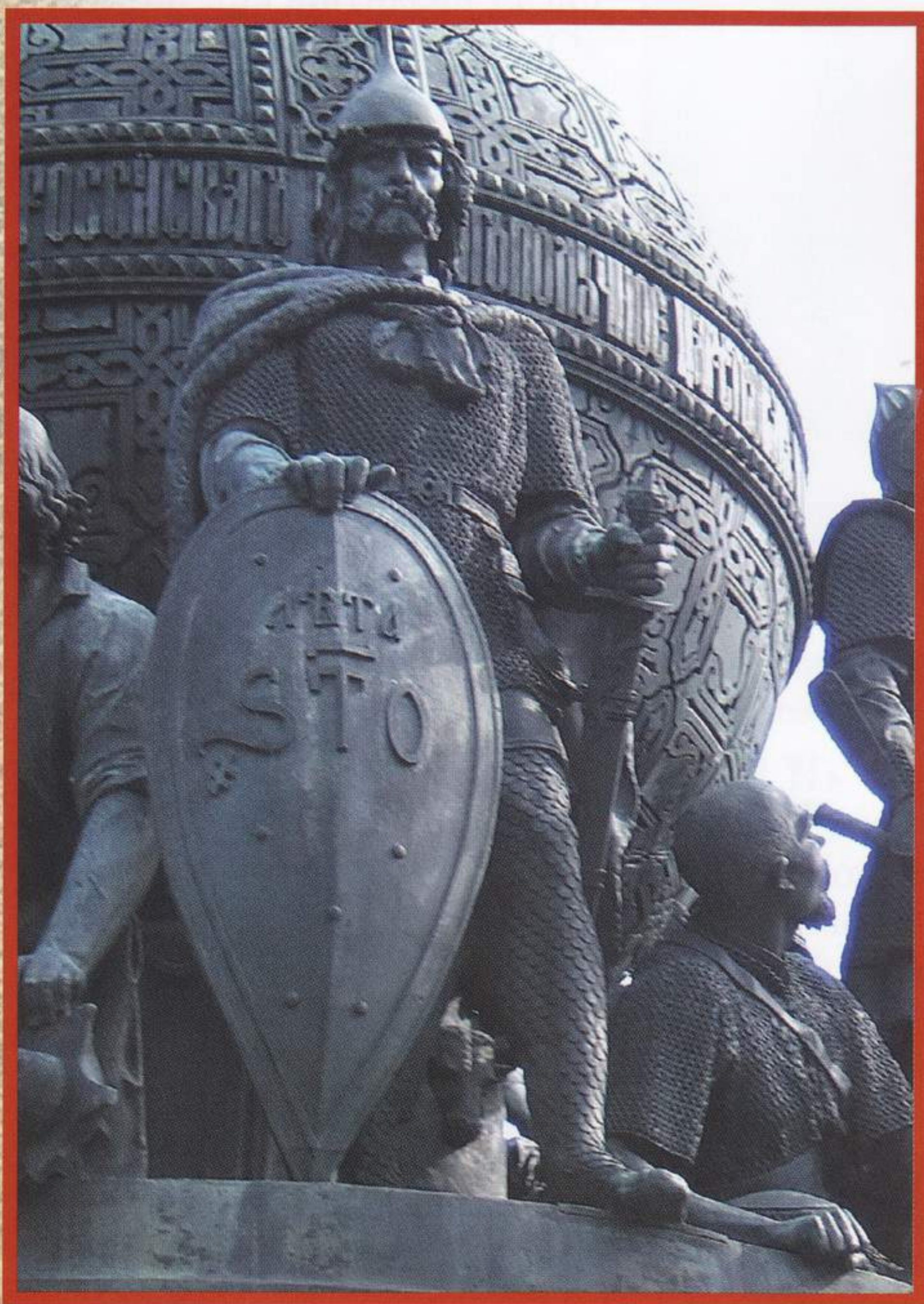
¹Гордившиеся своей ученостью ромеи часто использовали антикизированные понятия для обозначения этносов, с которыми им приходилось иметь дело. Скифами, или тавроскифами византийцы именовали народы, жившие к северу от Черного моря (Эвксина).

²Мраморного моря.

Дальнейшее усиление давления «тавроскифов» на империю связано с изменением политической обстановки в далеком северном краю.

По-видимому, события развивались следующим образом. Где-то в самом начале 850-х гг. на Волхов прибыла очередная команда *ruotsi*. Одним из этих «гребцов» (или, если более точно следовать избранной терминологии, их «кормчим») был Рюрик, с именем которого в течение долгого времени было принято связывать основание русской государственности. Недаром этот деятель является ключевым персонажем знаменитого памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде.

Не будем настаивать, что Рюрик и его дружина были специально призваны из-за моря, чтобы научить славян уму-разуму. Скорее всего, они появились здесь вовсе без приглашения и осели сначала в Ладоге¹



Рюрик. Фрагмент памятника «1000-летие России». Новгород Великий

на берегу Волхова, а затем захватили власть в Новгороде. Как писал А. К. Толстой:

*Хоть вишивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal².*

Заняв Новгородский стол, Рюрик рассылал отсюда своих приближенных в другие города. Но были и недовольные его правлением. С такими конунг расправлялся беспощадно. Уцелевшие бежали. Согласно летописи, двое его «не родственников, но бояр» — Аскольд (Хаскульд) и Дир отправились вниз по Днепру и, добравшись до Киева, выяснили, что обитатели этого места платят дань хазарам. Отряд русов остался в городке, и если его предводители не порвали вассальных отношений с Итилем, то, очевидно, лишь потому, что эта зависимость, носила откровенно номинальный характер. Во всяком случае, задумав столь серьезное предприятие, как нападение на Византию, Аскольд и Дир вряд ли согласовывали с кем-нибудь свои намерения.

В 860 г. боевые ладьи русов, пройдя вниз по Днепру и преодолев его грозные пороги: *Не сти, Островной, Шумящий, Ненасытец, Волнистый, Кипящий, На стрежне*, вышли в ласковое синее море и двинулись вдоль западного берега напрямик на столицу Ромейского царства — Константинополь.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о ходе подготовки данной экспедиции и не можем судить, случайно, или нет, для нее было выбрано именно это, наиболее удачное время. Император Михаил III (842-867 гг.), встав во главе основных сил армии, отправился в поход против арабов. Не оказалось в Золотом Роге и быстролетных царских дромондов. Их эскадра действовала против агарян в Эгейском море. Поэтому царственный город остался почти беззащитным перед яростью варваров.

Одновременность этих событий не похожа на простое совпадение. Скорее всего, в Киеве знали о предстоящей восточной кампании ромеев. Не забудем, что скандинавы служили в гвардии василевсов. И очень похоже, что кто-то из высокопоставленных варягов (ведь он должен был быть осведомлен о точных сроках начала операции), передал весточку с торговым попутным кораблем, шедшим из Константинополя в Хер-

¹Поселение возникло в середине VIII в.

²«Мы справимся, давайте попробуем» (нем.).

сонес. Ну а оттуда верный человек мог доставить ее и в Киев. В результате появление 200 боевых ладей тавроскифов у стен Царьграда 18 июня 860 г. было воспринято византийцами подобно удару грома. «Где император христолюбивый? — Воскликнул патриарх Фотий. — Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы?» И не было ответа ни на один из этих вопросов...

**Василевс
Михаил III
со своей
матерью
императрицей
Феодорой.
Византийская
золотая монета**



Молодой автократор Михаил был человек своеобразный. В истории за ним закрепилось не самое лестное прозвище «пьяница». Любивший жизненные, а тем более царские удовольствия во всех, самых разнообразных проявлениях, он не желал, чтобы ему портили настроение. В рамках столь конкретного кредо, он, оберегая себя от неприятных известий, упразднил знаменитый огненный телеграф, связывавший столицу с восточными рубежами державы¹. Поэтому, городской епарх Орифа послал гонцов с известиями о вражеском нападении, но как ни быстры кони на станциях государственной почты, они не могут лететь со скоростью света, и пройдут несколько долгих суток, прежде чем тревожные депеши доберутся до царской ставки у Черной реки — Мавропотамона².

Современный человек может долго рассуждать, взвешивая, достаточной ли преградой для нападающих были в сложившейся ситуации крепостные укрепления столицы, но сами константинопольцы пребывали в неколебимой уверенности, что находятся под покровительством Пресвятой Богородицы, которая укрепит, защитит и спасет чад своих. Вместе с тем, на жителей окрестных городов и сел чудесный Покров ее, по-видимому, не распространялся.

К середине IX века Византия была уже древним государством, история которого насчитывала несколько столетий. К этому времени империя погасила не одну волну варварских нашествий, а ее, так сказать, текущие враги были вполне понятны и предсказуемы. Арабский халифат представлял собой высокоразвитую политическую систему, и его культурные достижения ни у кого не вызывали сомнения. По пути строительства цивилизованной державы шла и Болгария. Тем более неприятной оказалась для ромеев встреча с незваными гостями из-за моря, чье поведение не укладывалось в рамки привычных представлений. Они явились перед ромеями во всей первобытной жестокости.

Русский летописец кратко сообщает, что воины Аскольда и Дира убили множество христиан. Византийский современник описывает их «геройства» куда более художественно. «Кровопийственный народ скифов, так называемые росы, прибыв по Черному морю в Босфор и разграбив все селения и монастыри, опустошил и близко лежащие к Константинополю острова, расхитив все сосуды и имущество, и предавал смерти взятых в плен людей. С варварской жадностью и яростью устремившись на патриаршие монастыри, они захватили все их достояние; двадцать два верных служителя их были изрублены мечами».

Из приведенной цитаты следует, что моноksилы росов беспрепятственно проследовали по Босфору мимо объятый ужасом столицы в Мраморное море и разгромили божьи обители на Принцевых островах. Затем, повернув на север, они высадились в непосредственной близости от Царьграда и «оцепили город».

Наступала ночь, озаренная отблесками пожаров. Это пришельцы жгли и грабили окрестности, не пропуская ни имений знати, ни убогие деревни. «Эти люди свирепы, — проповедовал патриарх Фотий, — они не знают пощады; их голоса подобны ревущему морю». Они убивали, без различия пола и возраста. В самом граде священники служили литии, пытаясь умиловить Господа и умоливать Отца небесного защитить чад его. Люд же православный каялся в грехах тяжких. В тот момент жизнь человека, по выражению Фотия, «готова была закатиться вместе с закатом солнца».

¹См. об этой сигнальной системе в книге «Византия — щит Европы» (с.60).

²Вероятно, современная река Кара-су в Каппадокии.

Оставалось последнее средство. Патриарх с клиром вынес их храма ризу Богородицы, и крестный ход со священной реликвией под звуки гимнов двинулся вдоль крепостных стен. На всем этом не торжественном, а скорбном пути люди падали на колени, крестились, надеясь спасти хоть не себя, но, по крайности, детей малых, неповинных в грехах взрослых. Пение хоров набирало силу, летело к небесам, густели вслед за иерархами толпы народные. А потом случилось явление невероятное, но столь司空见惯ое страждущими и почти обреченными. «Как только девственная риза была обнесена по стене, — вспоминал Фотий, — варвары принялись снимать осаду города, и мы избавились от ожидаемого гнева и сподобились неожиданного спасения».

Как бы ни относиться к этим словам, ясно одно: вряд ли вожди славяно-русского набега рассчитывали справиться с могучими укреплениями Константинополя. Оставив за собой подчистую разоренные селения,



Патриарх Фотий опускает ризу Богородицы в воды Босфора. Настенная роспись церкви Ризположения Московского Кремля

и отягощенные добычей, они двинулись в обратный путь. Их никто не преследовал. Император с войсками просто не успел вернуться в столицу. «Нечаянно было нашествие врагов, — продолжает патриарх, — неожиданно совершилось и удаление их». Правда, ряд источников утверждает, что на обратном пути флот росов разметала буря, и «был великий плач в Киеве», но человек XXI века скорее поверит в естественный характер этого происшествия¹.

Тем не менее, история победоносного набега росов на Константинополь получила неожиданное продолжение. Не имея возможности противостоять северным варварам силой оружия, Византия, как это не раз бывало в ее истории, умягчила их словом. К тавроскифам направились духовная миссия, и вскоре Аскольд, Дир, их дружина и ближние приняли веру Христову. Фотий писал с гордостью: «Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится и который превосходит других грубостью и зверством, т.е. пресловутые росы. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю. Но теперь и они переменили эллинскую² и безбожную веру, в которой, прежде всего, содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них возгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды».

Это случилось около 867 г., и, возможно, первая христианизация Руси изменила бы ход дальнейшей истории нашего государства. Правда, крестившиеся незадолго до этого болгары почти непрерывно воевали против своих духовных восприемников. Однако не будем забывать, что интересы болгар и ромеев непосредственно сталкивались на Балканах, и тут уж какое единство веры не могло удержать политическую элиту обеих держав от жесткого противостояния. Другое дело — Византия и Русь. Их разделяло море, и народы этих

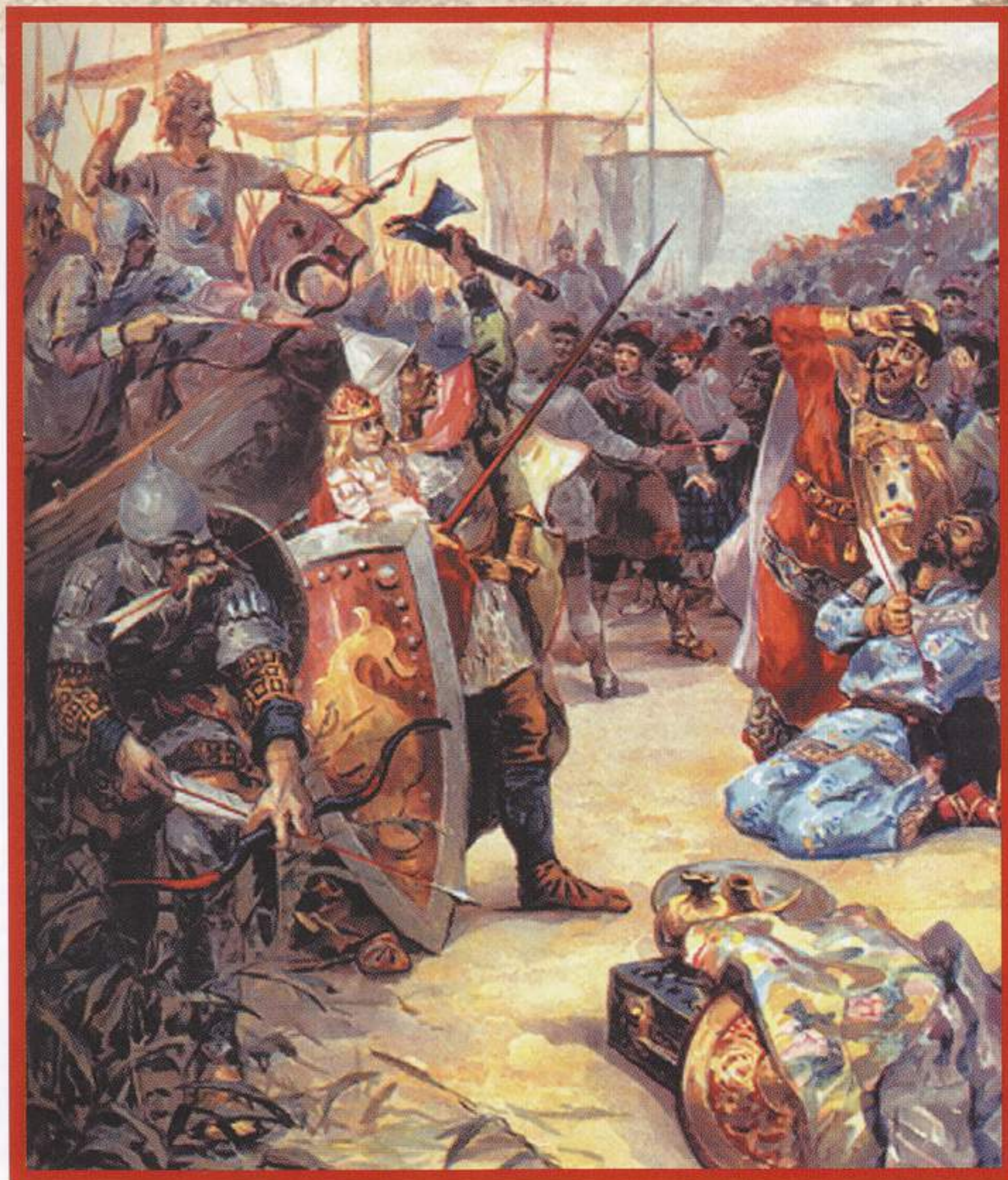
¹Западные источники также свидетельствуют об успехе совершенного налета. Римский папа Николай I в 865 г. писал императору Михаилу III, что, разорив окрестности Константинополя, рагани (язычники) удалились, избежав какой бы то ни было мести. «*Nortanorum gentes (в данном случае - русы) с триумфом вернулась восвояси*», - подтверждает «Венецианская хроника».

²То есть языческую.

стран (или, по крайней мере, их наиболее активные представители) чаще встречались не на бранном поле, а в торговых рядах. Представляется вполне реальным, что порядок таких взаимоотношений мог быть урегулирован соответствующими договорами и соглашениями. И все же, на протяжении всего X столетия язычники-росы приходили в Ромейское царство как враги и разорители. Случилось же это вот почему...

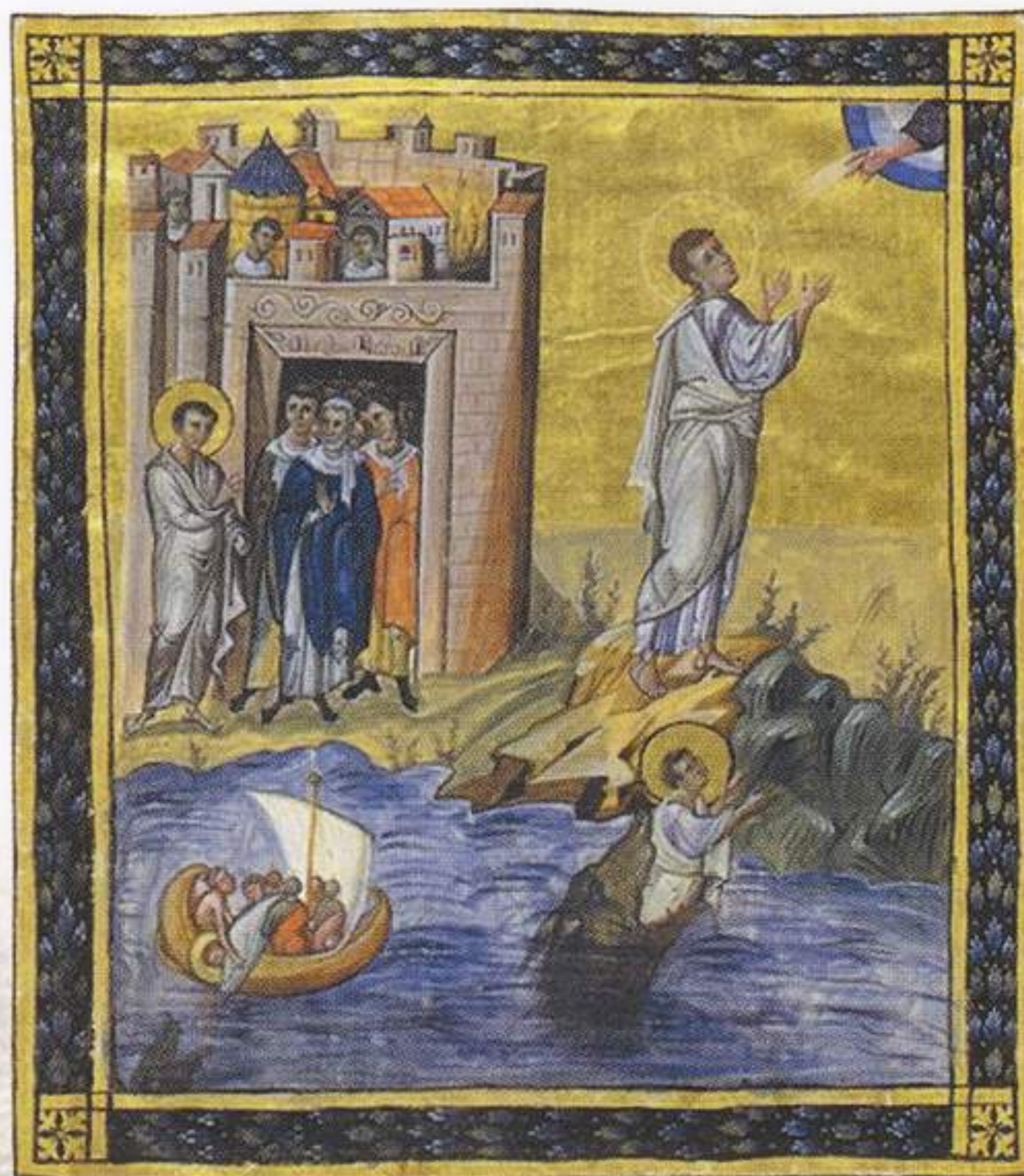
По-видимому, на рубеже 870-880 гг. умер Рюрик. К этому времени Киев практически отложился от власти Новгорода, так что сыну Рюрика малолетнему Игорю (Ингвар) предстояло упрочить свое положение. Ему помог старший родич и опекун Олег (Хельги). Укрепившись в Новгороде, он начал брать под свою руку все более отдаленные земли и племена. В 882 г. Олег захватил Смоленск. Затем, спустившись по Днепру, подошел на ладьях к Киеву. Вероятно, положение правивших здесь Аскольда и Дира было достаточно прочным, так как Олег не решился на прямой штурм города, а прибег к хитрости.

Он спрятал воинов недалеко от берега и послал известить правителей киевских о прибытии торгового каравана: «Придите к нам родичам своим». Тут надо заметить, что в те давние времена купцы разносили вести по миру, заменяя собой газеты и электронные средства массовой информации. Обитателям же днепровских круч было интересно, что произошло на севере, и куда дальше держат путь «гости-господа». Аскольд и Дир вышли из города навстречу Олегу, а тот, окруженный надежными бойцами, сказал: «Не князья вы и не княжеского рода». Показав же маленького Игоря, добавил: «А это сын Рюрика». Услышав грозное имя, поняли «бояре», что



Убийство Аскольда и Дира Олегом.
С картины худ. К. В. Лебедева

сама смерть пришла к ним, но было уже поздно. Аскольда и Дира хладнокровно зарезали. Очевидно, с их гибелью слабые ростки христианства на Руси оказались почти выкорчеваны. Язычник Олег вступил в Киев и стал править от имени младенца Игоря¹, обрушив жестокие гонения на последователей распятого бога. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что новый стольный град, названный «матерью городов русских» был лишь отправной точкой дальнейшей экспансии варягов на юг — к манящему и почти нереальному Царьграду-Константинополю.



¹Л. Н. Гумилев выстраивает исключительно смелую версию истории зарождения русской государственности, согласно которой Аскольд и Дир не прибыли из Новгорода, а являлись прямыми и законными наследниками первого киевского правителя Кия. Они смогли освободиться от вассальной зависимости по отношению к хазарам, и за это каган натравил на них Олега. К сожалению, убедительных доказательств такого развития событий нет, а летописным сведениям данная гипотеза прямо противоречит.



ОСНОВАНЬЕ
РАТНЫХ
СИЛ



В

лиявшаяся неотъемлемой частью государственного механизма, военная машина Древней Руси зародилась, развивалась и совершенствовалась в процессе взаимодействия

двух основных элементов: славянского и скандинавского, с определенной долей влияния боевого снаряжения кочевников причерноморских степей, а впоследствии и Византии.

Комплектование войска

Как и в любом родоплеменном обществе, боевой потенциал восточных славян изначально складывался из всех мужчин, способных носить оружие. Именно они прокладывали дорогу своему народу в ходе расселения из бассейна Карпат на Великую европейскую равнину. В дальнейшем они же отражали нападения воинственных соседей и вели междоусобные войны. С началом норманнских набегов выяснилось, что племенные ополчения неспособны эффективно противостоять небольшому, но отлично вооруженному и закаленному в постоянных схватках отрядам северных пришельцев. Сначала жители Новгорода, а затем и обитатели других мест вдоль рек, по которым продвигались варяги, стали приглашать (где

добровольно, а где и вынужденно) скандинавских конунгов в качестве обладателей реальной военной силы, как для защиты, так и для осуществления планов внешней экспансии.

В процессе взаимодействия оба этноса оказывали взаимное влияние. Славянская племенная верхушка уступила варягам часть административных полномочий, а конунги принимали славян на службу в свои отряды. Со временем эти профессиональные контингенты превратились в княжеские дружины, ставшие ядром вооруженных сил Древней Руси. Вместе с тем, хотя дружинники не являлись замкнутой кастой, и прием

Воины русы начала X в.

Слева скандинавский воин в полном вооружении, состоящем из характерного шлема типа «Гвермунд», кольчуги, меча, ножа скрамасакса и деревянного, обтянутого кожей щита с металлическими скобками. Обращает на себя внимание узкий наборный пояс с металлическими бляшками и сумкой. Второй воин вооружен боевым топором на длинной рукояти и мечом, но его защитное вооружение значительно слабее и ограничивается овальным щитом. Возможно, это славянин, примкнувший к варяжскому отряду.



Емельянов Е. 2009 г.

Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова,
© В. Н. Шиканов

в княжескую дружину оставался относительно доступен для подданных князя, но, в случае начала войны и выступления в поход, большая часть войска еще долго состояла из племенных, а с образованием древнерусской народности из территориальных (городских и сельских) ополчений. В летописях эти люди именуются *воями*. Они формировали основную часть армии и, помимо непосредственного участия в боевых действиях, обеспечивали на походе решение инженерных и транспортных задач. После окончания боевых действий вои распускались по домам.

С укреплением централизованного государства усиливается профессиональный подход к военному строительству. Дружина становится закрытой сословной группой, куда просто так не принимают. Местные ополчения также составляют не все мужчины соответствующего региона, а наиболее крепкие и опытные люди, отдающие боевой подготовке и умению владеть постоянно совершенствующимися видами вооружения значительную часть своей жизни.

С ростом боевого значения конницы, пехоту набирали из бедных слоев горожан,

так называемых *бобылей* (т. е. не имеющих семейного хозяйства). Из сельской местности брались обозники с возами (в зимнее время санями) и своими крестьянскими лошадками. Те же, кто не участвовал в ополчении, платили специальный денежный или натуральный взнос на содержание ратников и «мобилизованных».

В непосредственном подчинении у князя находились также наемники и вассалы, набравшиеся на одну военную кампанию, либо на определенный период. Таковыми в разное время были варяжские отряды, затем венгры и, наконец, степные кочевники (торки, печенеги, позднее половцы). Платили им звонкой монетой (часто византийской), либо бобровыми и собольими мехами. Такие «контракты» заключались на время военных кампаний, в ходе которых наемникам доставалась и определенная доля добычи.

В целом весь комплекс мобилизационных мероприятий позволял русским князьям регулярно выставлять для ведения боевых действий армии в несколько десятков тысяч человек.

Структура вооруженных сил

Первоначально княжеская дружина состояла из старшей и младшей. Старшая дружина — бояре, знать, «*мужи думающие*» образовывали совет князя — его ближайших сподвижников и товарищей. Решения совета определяли важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, войны и мира, сбора налогов и дани, исполнения дипломатических служб и посольских обязанностей, общей мобилизации войска, стратегии и тактики ведения боевых действий. Без их приговора князь не мог начать ни одной крупной кампании. Бояре имели немалую долю в военной добыче, получали в «кормления» села и земли, имели собственный двор, прислугу, а иногда даже личные дружины.

Младшая дружина, «*мужи хоробрствующие*», как правило, состояла из молодых людей, воинов более скромного происхождения, военных слуг князя, часто лично не свободных. Они жили при князе в одном тереме, сопровождали его на войне, в походах, а также в мирное время: на охоте, при сборе дани (*в полюдье*) и в других случаях.

Наиболее подготовленные бойцы младшей дружины формировали «*гридьбу*». Гриднями (т. е. «товарищами») называли личных телохранителей князя, которые выполняли, прежде всего, военные функции. В их обязанности входила охрана своего сюзерена, его семьи и княжеских покоев. Они же обеспечивали курьерскую связь, разведку, охрану и защиту княжьего боевого стяга, приводили в исполнение распоряжения судебного и фискального характера. Помещение в тереме, в котором проживали эти воины, и где хранилось их вооружение, именовалось гридницей.

Нельзя не упомянуть и о еще одной категории княжеских ближних людей. Это были *отроки*. И хотя не представляется возможным с полной уверенностью утверждать, входили ли они в состав дружины, вероятно речь идет о весьма молодых людях (юношах), проходивших начальное воинское обучение у своих старших товарищей. Они также прислуживали за столом, ухаживали за лошадьми и оружием, выполняли рутинные обязанности повседневного содержания княжеского стола. В походе от-

роки ставили шатры, готовили провиант, выполняли различные поручения.

По мере укрепления централизованного древнерусского государства в XII веке структура княжеской дружины усложняется. Она становится трехзвенной.

Старшая дружина теперь делится на две группы: *бояре бóльшие* и *бояре меньшие* (*княжьи* мужи, *милостники*). Меньшие бояре не имеют обширных поместий, часто живут при князе (пользуются его милостями), составляя его знатную свиту. Бояре большие — это уже высшая родовая знать, занимающая в феодальной иерархии место на одну ступень ниже великих и удельных князей. Они имеют свои земли, терема и укрепленные замки, а также собственные профессиональные конные дружины, которые приводят под княжеский стяг по зову сюзерена.

Между старшей и младшей дружиной образуется промежуточный слой — *детские*. Это выходцы из младшей дружины,

но за службу они жалуются земельными наделами и домами, часто занимают командные и боярские («придворные») должности.

Значительные изменения происходят и в младшей дружине. Помимо гридней и отроков, в составе этого воинского контингента появляются *пасынки*. Этот термин означает *опоясанные* и происходит от выражения «*пасти мечом*»¹. Так именовался особый ритуал инициации благородных молодых людей, во многом схожий с западноевропейским посвящением в рыцари.

Роль *отроков* остается прежней. В общем случае — это как раз *не опоясанные*, т. е. пока не принятые в воинское братство юноши, выполняющие роль обслуги и в будущем претендующие на вступление в дружину. Однако иногда их уже включают в состав воинских сил, из чего можно предположить, что, помимо обучения и услужения, наиболее подготовленным отрокам предоставлялась возможность на поле брани и с оружием в руках доказать свое право на опоясывание.

В течение долгого времени основным родом войск на Руси оставалась пехота. Данная особенность объясняется целым рядом факторов. В основном, их можно свести к следующему.

Подготовка всадника-воина связана с длительным обучением и требует постоянного

Князь и ратник второй половины X в.

Одевание князя сочетает боевые и парадные элементы. Стальной шлем с бармицей украшен золочением и налобными накладками, инкрустированными серебром. Подроспешная одежда и плащ богато расшиты орнаментами, игравшими роль оберегов. Поясная сумка восполняет отсутствие карманов. Снаряжение ратника — боевое и способно выполнять, как защитные (шлем с бармицей, кольчуга и щит), так и наступательные функции (короткое (до двух метров) копье и, по-видимому, меч, носимый, по византийской моде, на узкой чрезплечной портупее).

Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова,
© В. Н. Шиканов

¹Эти юноши как бы становились приемными детьми князя. Отсюда современный смысл слова *пасынок*.

совершенствования навыков владения конем и ведения боя в седле. У древних славян, как и у многих оседлых народов в ранний период развития не было ни возможности, ни необходимости развивать кавалерийскую подготовку. Они жили в лесах и вдоль русел рек, используя лошадей в качестве тягловой силы в занятиях земледелием и как транспортное средство для перевозки грузов, но не на поле битвы.

Бродяги морей — варяги перемещались на деревянных ладьях-драккарах и в коннице на поле боя также практически не нуждались. Поэтому славяне не могли позаимствовать у них кавалерию как род войск. Конечно, князья и конунги, равно как и бояре старшей дружины, садились в седло, но это свидетельствовало скорее об их личном статусе, а не боевой необходимости. Везти тысячи коней на судах за море, чтобы успешно противостоять многочисленной имперской коннице, также представлялось маловероятным.

В результате, практически все походы Руси на Византию осуществлялись пехотой, размещенной на судах: ладьях и «моноксилах». Даже если отдельные отряды двигались на марше верхом вдоль берега, ввиду предстоящего столкновения с противником, они спешивались и вставали в общий строй. Когда под Доростолом Святослав вывел для сражения подразделение всадников, византийский очевидец тех событий счел нужным особо отметить данный факт: «Скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях». Тогда как «прежде всегда шли в бой в пешем строю».

Приведенный пример вовсе не означает, что, не понимая значения конницы, русы обходились на войне без нее. Ударную силу войска традиционно представляли конные части союзников (наемников), о которых речь шла выше.

С развитием экономического потенциала государства, разделением труда, ростом товарного производства и доходов казны, у князей появилась возможность содержать конные дружины профессиональных (т. е. хорошо обученных и оснащенных) воинов, которые постоянно совершенствовали свои ратные навыки (причем не только индивидуальные, но и в составе подразделения) и не отвлекались на хозяйственные работы.

Помимо прежних воинских тренировок по совершенствованию умения владеть оружием, дружиннику приходилось долго и упорно учиться не только ездить верхом, но и сражаться, сидя в седле, управлять конем исключительно с помощью ног, правильно держать щит, действовать копьем и мечом, стрелять из лука на полном скаку и т. д. Зато в битве такой боец (к тому же снабженный полным комплектом, как защитного, так и наступательного вооружения) стоил десятка прежних крестьян-ополченцев.

Впрочем, аналогичные изменения происходят и в качественном составе земских ополчений. Теперь их костяк состоит из «огнищан¹, гридей, купьце вячьшее», т. е.



Святой Димитрий Солунский.
Мозаика из Михайловского
златоверхового собора в Киеве

¹Огнище это очаг, а огнищане, в данном случае, владельцы больших хозяйств.

городских бояр, их дружинников и наиболее состоятельных купцов или цеховых старшин также с собственными дружинами. Все они шли в бой конными, составляли городские полки, которые становились под своими стягами. Эти части формировались из отдельных боярских дружин, которые именовались «копьями».

Городскими полками командовали избранные на вече тысяцкие, которые, впрочем, подчинялись не своему городскому вечаству, а непосредственно князю, возглавлявшему поход. Более мелкие подраз-

деления — сотни и десятки возглавляли выборные сотские и десятские.

С конца XI столетия тяжелая конница становится на Руси основным родом войск, а княжеская дружина составляет ее элитное ядро. На полях сражений русские витязи, действуя слаженно и синхронно, почти неизменно берут верх над такими прирожденными наездниками как половцы.

Конечно, наряду с кавалерией, продолжали существовать и пехотные подразделения, но их значение резко упало. Теперь они играли в армии вспомогательную роль.

Вооружение

Летописные свидетельства и археологические находки подтверждают, что оружейное искусство на Руси имеет глубокие корни и достигло высокого уровня мастерства. К концу IX — середине X веков относятся захоронения воинов-русов в так называемых дружинных курганах. В них обнаружены кольчуги, украшенные позолотой сфероконические шлемы, искусно выделанные мечи с дамаскированными клинками и другие элементы военного снаряжения. Может сложиться впечатление, что все это принадлежало варягам, но этнический процент скандинавов тогда не превышал 3-12 % населения. С другой стороны известно летописное упоминание о дани, которую славянское племя полян выплатило хазарам мечами. В свою очередь, арабский автор начала X века сообщает о том, что у «царя русов» были «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги». Со временем насыщенность войска предметами вооружения неуклонно возрастала, совершенствовалась технология его изготовления, расширялась номенклатура, улучшалось качество и отделка.

Защитное вооружение

Его основным видом являлись **кольчуги**. Первоначально они доходили до бедер и имели достаточно короткие (до локтей) рукава. Они собирались из колец диаметром в 6-12 мм и 0,8-2,0 мм в сечении. При этом половина колец сваривалась, половина соединялась специальными коваными заклепками. Около XI в. появились кольчуги панцирного плетения, собиравшиеся из плоских колец толщиной в 0,7-0,9 мм.

Такие элементы изготавливались гораздо быстрее, имели меньший вес и обеспечивали гораздо более плотное плетение, покрывая значительно большую поверхность тела.

Кольчуги одевали поверх домотканых, либо кожаных рубах, что было необходимо для смягчения ударов. По-видимому, из Византии были заимствованы в качестве поддоспешной одежды толстые стеганки из набивной многослойной хлопчатобумажной или льняной ткани.

Металлическая и очень гибкая сетка кольчужного полотна в сочетании с мягкой подкладкой, абсолютно не стесняя движений, эффективно защищала бойца от колюще-режущего оружия. Один из немногих недостатков кольчуги заключался в том, что она не рассеивала силу ударно-дробящего воздействия. Зато его с успехом компенсировали **пластинчатые доспехи**.



Древнерусские кольчуги

Конструктивно их можно разделить на ламеллярные и чешуйчатые. Ламеллярные изготавливали из узких металлических пластинок, которые связывались между собой кожаными или матерчатыми шнурками, образуя длинные полосы. Они располагались горизонтальными рядами и подвешивались друг к другу с перекрытием на аналогичных ремешках. Таким образом формировалась достаточно гибкая и прочная металлическая поверхность, где скрепленные между собой пластинки без какой-либо подложки составляли кирасу доспеха, наплечники и «юбку» (подол). Чешуйчатый доспех также изготавливался из пластинок, но они нашивались внахлест на матерчатую основу наподобие рыбьей чешуи¹.

Встречаются также доспехи (впоследствии они получили название куяк), на которых пластинки нашиты не внахлест, а встык. Они были менее гибкими, зато гораздо менее трудоемкими в изготовлении и более дешевыми.

Шлемы, разнообразные по конструкции и технологии производства, были представлены сфероконическими и куполообразными образцами.



Образцы древнерусских шлемов

Первые собирались из четырех выпуклых и хорошо подогнанных друг к другу железных сегментов. Отдельные элементы соединялись вдоль волнистых краев крупными заклепками, а нижние кромки сегментов скреплял обод-венец. Имеющиеся исторические образцы щедро украшены золочеными, серебряными и медными накладками и деталями. Наносника на таком шлеме не было, зато к нижнему краю венца подвешивалась кольчужная бармица.

Куполообразные шлемы склепывались из двух половин, соединенных через вертикальную продольную стальную полосу, и также стянутых снизу железным венцом.

По-видимому, варяги принесли на Русь в X веке куполообразные наголовья со скругленным верхом из четырех или двух частей, с гребнем или коротким шпилем на макушке и с полумаской, закрывающей верхнюю часть лица.

Щиты, относящиеся к норманнскому периоду, изготавливались из деревянных дощечек толщиной около 0,6 см. и имели форму плоского круга с металлическим умбоном в середине. Поперек обратной стороны крепилась железная или металлическая планка, служившая рукоятью. Диаметр щита составлял примерно 80-100 см, обеспечивая защиту воина от плеч до колен.

По краю сгибалась и пришивалась узкая кожаная полоса, предохранявшая щит от раскалывания. В ряде случаев, внешняя, а иногда и внутренняя поверхности также имели кожаное покрытие. Внешняя сторона могла еще и раскрашиваться.

Наступательное вооружение

Копья были основным наступательным вооружением и поэтому наиболее распространенным его видом — оружием первого натиска наступательного боя. Среди найденных исторических артефактов встречаются наконечники копий ланцетовидной (характерной для викингов) и удлинненно-треугольной формы.

В бою копья могли служить, как колющим, так и метательным оружием, хотя в рассматриваемую эпоху копье, судя по всему, чаще именно метали. Иногда воины имели по два копья — одно для метания,

¹Археология дает примеры, когда ламеллярный доспех надевался поверх кольчуги.



Наконечники
копий и стрел

второе для рукопашного боя. С течением времени метательные копия стали отличаться от колющего оружия. Их стали делать более легкими и короткими для увеличения дистанции метания, с упрощенными черешковыми наконечниками. Такое оружие получило название *сулицы*.

Меч являлся одним из наиболее ярких и значимых элементов воинской материальной культуры. Помимо боевого применения, он служил наглядным показателем социального и имущественного положения владельца, а также наделялся сакральной силой.

С VIII по первую половину XI веков в Европе был распространен меч так называемого *каролингского* типа. Конструк-

тивно он представлял собой широкий рубящий клинок 70-90 см длиной с плавно закругленным концом. Каролингские мечи имели достаточно короткую рукоять, широкое, но не длинное перекрестье (иногда изогнутое) и очень массивное навершие. Такая конструкция обеспечивала прочное удержание оружия в бою и необходимый баланс между клинком и рукоятью.

По-видимому, именно о таких мечах упоминает арабский автор, сообщая об оружии русов, найденном у города Бердаа в Закавказье, что оно «имеет большой спрос и в наши дни по причине остроты и превосходства».

Особый вид меча представляет собой *ромфайя*. Это однолезвийное рубящее оружие с клинком длиной 70-80 см. и почти такой же длинной рукоятью носилось подвешенным за правым плечом. Оно входило в комплект «табельного» вооружения варяжских гвардейцев императоров Византии, но известна также археологическая находка ромфайи в Прибалтике.

Скрамасаксы¹, или боевые однолезвийные ножи, по-видимому, являлись вспомогательным оружием. Его длина составляла 35-55 см (в т. ч. рукоять примерно 10 см).

Ширина клинка была от 2 до 3 см, а толщина у рукояти от 0,6 до



Навершия русских мечей и сабля

¹От старогерманского *die Schramme* — «рана» и *der Saks* — «длинный нож», т. е. «длинный нож для нанесения ран».

0,9 см. Большая толщина клинка позволяла не только наносить мощные колющие удары, способные пробить кольчугу, но и, возможно, использовать скрамасакс для парирования ударов противника. При помощи ремешков, продетых через три кольца, скрамасакс подвешивался к поясу (скорее всего, с левой стороны).

Сабли являлись восточным изобретением, но уже в IX-X вв. были заимствованы и на Руси. Этот вид оружия в течение нескольких веков сосуществовал с мечом и применялся, в первую очередь, в борьбе с кочевниками Великой степи. Кроме чисто утилитарного значения, искусно украшенные и отделанные сабли — признак знатности и богатства своих владельцев.

Топоры и секиры пришли на Русь с Севера и Северо-запада. Памятники археологии позволяют свести это оружие к двум основным архетипам. К первым относятся образцы «с выемкой и опущенным лезвием», прямой верхней гранью и боковыми выступами-мысками с нижней стороны обуха.

Вторыми являются знаменитые варяжские широколезвийные секиры. Ими были вооружены скандинавские

высочайшая эффективность обеспечивали высочайшие боевые качества пешего войска. Секироносцы работали под прикрытием щитников, нанося удары двумя руками, что позволяло не только разбивать в щепы щиты и рассекать крепкие металлические доспехи, но даже заваливать вражеских всадников вместе с конями.

Помимо северных и общеевропейских типов рубящего оружия, на Руси получает распространение также и древнее изобретение евразийских кочевников — топорик-чекан. Легкоконный боец мог наносить им серии чрезвычайно быстрых и стремительных ударов в скоротечной круговерти конного степного боя, которые противник просто не успевал отбить, увернуться, или принять на щит. При этом незначительная сила удара этого легкого оружия компенсировалась большой пробивной способностью узкого, заточенного под углом «бронебойного» лезвия топорика.

Луки и стрелы нашли на Руси широчайшее применение. Они были основным средством стрелкового (дистанционного) боя и промысловой лесной охоты. Железные и костяные наконечники стрел обнаружены практически во всех древнерусских городищах и захоронениях воинов. Применение лука и стрел русичами неоднократно упоминается в летописях. Говорят о них и византийские писатели.

Сложносоставной лук — изобретение и характерное оружие степных всадников, но в отличие от последних, русские изготавливали луки, склеивая упругие деревянные стержни из древесины березы и можжевельника. Луковище оклеивали вываренной в масле берестой, концы плеч и центральную часть укрепляли костяными накладками.

Изогнутые и выдвинутые вперед плечи лука позволяли воздействовать на стрелу не только импульсно, в момент отпущания ее стрелком с тетивы, но и все время схода стрелы с луковища. При этом тетива как бы накатывается на разгибающееся плечо лука, увеличивая силу запуска стрелы. Таким образом, имея относительно незначительные размеры, сложный лук мог посылать стрелы достаточно далеко — за 400 шагов и далее.

Сами стрелы хранили в колчане, который делали в виде цилиндра из бересты и об-



Древнерусские боевые топоры

гвардейцы византийских василевсов, но находят их и на территории современной России. По-видимому, здесь их и производили.

Боевые топоры и секиры на длинных рукоятях были излюбленным оружием русских воев. Их широкая доступность и чрез-

справа, лук в кожаном налучье — слева.

Другие виды вооружения. К ним можно отнести булавы (их изысканный по своей конструкции вариант — **шестопер**) и кистени ударно-дробящего действия. Литая из бронзы или кованная из железа булава крепилась на деревянной рукояти с общей длиной 0,5-0,8 м. Кистень — тоже литая или кованная металлическая (иногда костяная)

гирька весом от 300 до 700 гр. подвешивалась на кожаном шнурке или цепочке, которая крепилась к короткой рукоятке или прямо наматывалась на руку.

С превращением конницы в основной род войск, меняется не только тактика действий войска на поле боя. Приблизительно с середины XI в. видоизменяется и само оружие. Кавалерийские копья удлиняются до 3,5-4 м. В начале XII в. у всадников появляются пики с узкими гранеными наконечниками. Такое бронебойное жало позволяет с легкостью прошить кольчугу, пробить стальные пластины панциря или доски щита.

Старые каролингские мечи с широким рубящим клинком сменяются более «стройными» (т. е. длинными и узкими) **романскими**. Традиционный круглый щит вытесняется удлинненным миндалевидным, закрывающим от ударов не только всадника, но и левый бок коня. Короткая кольчуга остается наиболее

Тяжеловооруженный конный дружинник и пеший ратник XI в.

Несмотря на то, что до середины XIII в. главным элементом защитного вооружения русских воинов была кольчуга, всадник дополнительно облачен в исключительно надежный ламеллярный доспех, набранный из узких стальных пластин. Это обстоятельство, наряду со шлемом, украшенным золочением и декоративными накладками, позволяют сделать предположение о принадлежности воина к одному из элитных подразделений. В вооружении пехотинца следует отметить шлем норманнского типа и миндалевидный щит, вошедший в обиход в описываемую эпоху. Интересно также нестандартное сочетание копья и топора (вместо меча) в арсенале ратника.



Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова,
© В. Н. Шиканов

Емельянов Е.
2009 г.

распространенным видом защитной брони, но зачастую ее подол несколько удлиняется, получая вертикальные разрезы спереди и сзади для удобства сидения в седле. В качестве возможного проявления европейского влияния используется *хауберг* — длинная кольчатая рубаха с удлиненными рукавами и кольчужным капюшоном, поверх которого надевается стальной шлем с мощным прямоугольным наносником. Одной из его разновидностей стал так называемый «хохлообразный» шлем, со сдвинутой вперед конической верхушкой. Однако восточная сфероконическая форма шлема остается доминирующей. При этом значительно усиливаются защитные функции наголовья — шлемы становятся глубже, снабжаются выкружками для глаз и мощным наносником, а впоследствии также стальной полумаской или личиной-забралом, выкованным в форме человеческого лица.

Постепенно в обиход конного воина входят кольчужные чулки и кольчужные рукава до кистей (поручи). Другой вариант защиты ног всадника — поножи из длинных и узких железных пластин мог иметь византийское происхождение. Также по византийскому об-

разцу формируется полный пластинчатый доспех: кираса (иногда снабженная дополнительной защитой плечей и горла — «ожерельем»), пристяжные «юбка» и наплечники, защищающие руки и плечи до локтя. Общим местом является также вариант ношения специального воинского пояса, перехватывающего доспех на груди (не исключено, что это был отличительный элемент представителей командного состава).

Меняется и конское снаряжение. Тяжеловооруженный всадник, руки которого заняты только орудиями войны — копьем и щитом, должен управлять конем исключительно с помощью шпор, а не плети. Это умение достигается с использованием прочного упора в стремянах с большой дужкой и значительно более широкой площадкой подножки, а также высоких луков седла. Стремяна боярско-княжеской верхушки являлись символом социального статуса — их покрывали позолотой¹. Таким же знаком достоинства витязя становятся *остроги* (шпоры). Инкрустированные серебром или золоченые и полученные в дар от сюзерена, они часто представляют собой настоящее произведение искусства.

Военное искусство

Со времени появления первых варяжских дружин на Восточно-Европейской равнине, варяжские конунги и сменившие их русские князья исповедовали активную, наступательную военную доктрину. Скандинавы почти никогда не оборонялись. Их жизнь проходила в постоянных агрессивных набегах. Правители Руси также осуществляли широкомасштабную стратегическую экспансию. Присоединение новых земель осуществлялось в целях расширения налогооблагаемой базы (в т. ч. и за счет соседних славянских племен). Когда (как правило, в силу отдаленности театра военных действий) это не представлялось возможным, территории противника подвергались тотальному разорению. Именно так велись все русско-византийские войны².

Такую задачу было можно решить, предварительно разгромив армию неприятеля, и сломив его вооруженное сопротивление. Поэтому вторжение в сопредельные владения, стремление захватить и удерживать боевую инициативу, уничтожение живой силы врага в полевом сражении являлись краеугольными камнями военной стратегии Древней Руси.

Эта привычка настолько укоренилась в сознании правящей элиты, что когда русичам пришлось отбиваться от кочевников Великой Степи (печенегов и особенно половцев), они довольно быстро перешли к превентивным или карательным ударам по противнику в ареале его собственного обитания³.

Подобный подход диктовал активный, решительный характер проведения кампа-

¹Отсюда выражение «Вступить ногой в злато стремя», т. е. выступить в поход.

²Из данного правила выпадают только балканские походы Святослава Игоревича, но автор этих строк склонен рассматривать их в качестве явной авантюры, призванной дать пример того, как нельзя вести войны.

³Как писал советский историк, «многие походы преследовали оборонительные цели, но осуществлялись стратегическим наступлением».

ний, перемещение крупных масс войск на сотни, а иногда и на тысячи километров, в отрыве от источников снабжения (армия кормила себя за счет ограбления местного населения) и коммуникационных линий¹.



Золотые ворота в Киеве. Современная реконструкция

Рать собиралась на сборном пункте и организовано выступала в поход. Впереди продвигалась *сторóжа* — боевое охранение, производившее разведку и прикрывавшее главные силы. Военные грузы перевозились на судах или повозках (в зимнее время на санях). При расположении на бивак войско окружало себя повозками или частоколом. При этом обязательно выставлялось сторожевое охранение.

Перед сражением войско выстраивалось единой массой — *стеной*. Такое название построение получило потому, что внешне этот строй выглядел как стена из плотно сдвинутых щитов, расположенных внахлест соседними воинами. Тем самым достигалась непроницаемость защиты, как при лучном обстреле, так и при таранном копейном ударе противника (даже кавалерийском). «Стена» обеспечивала большую

силу удара в атаке и стойкость в обороне. При этом основной натиск врага принимала на себя передовая шеренга, а последующие ряды подкрепляли ее из глубины. Кроме того, задние заступали место павших в передних шеренгах.

Наемная конница ставилась на флангах для предотвращения обходов, либо действовала самостоятельно, отвлекая на себя конные подразделения противника.

Бой мог начинаться с поединка самых сильных воинов. Затем начиналось сближение. Если неприятель первым переходил в наступление, то его войска подвергались обстрелу со стороны русских пеших лучников, рассыпавшихся перед строем, либо с флангов копейной фаланги. Даже в разгар рукопашного боя, оставаясь за стеной щитников, они осыпали градом стрел вторую линию врага и его резервы. Роль конных стрелков отводилась союзникам — венграм, а затем печенегам. Позднее на Руси появилась и собственная конница (как легкая, так и тяжелая).

Если русское войско само начинало битву, то, идя в атаку, русичи издавали боевой клич², наводивший на противника ужас. Наступая, они также обрушивали на врага град метательных снарядов. Кроме традиционного обстрела из луков, практически все пехотинцы метали сулицы, а также топоры, палицы и булавы. В ближнем бою рубились секирами и мечами.

Сеча велась до полного изнеможения. Хотя разгромленный противник обычно не преследовался (пока войско было пешим). Если же победа склонялась на сторону неприятеля, строй русичей не распадался. При отступлении воины закидывали щиты за спину и отходили, соблюдая строгий порядок и продолжая отражать атаки противника.

Предотвращение паники и последующего бегства, во время которого неизбежно несутся наибольшие потери, позволяло сохранить, как живую силу армии, так и ее боевой

¹Недаром, пока Святослав был на Балканах, печенеги едва не овладели Киевом.

²«Звериный рык», — писал византийский автор.

Русские воевода и ополченец начала XII в.

Военачальник облачен в ламеллярный доспех и вооружен мечом, подвешенным за кольцо к поясному ремню. Его головным убором является суконная шапка с собольей опушкой. В бою ее заменял стальной шлем, который в настоящее время подвешен к седлу с правой стороны. О высоком ранге всадника свидетельствует также плащ с вышитым по византийскому образцу ромбовидным украшением — тавлионом. Сбруя коня воеводы напоминает печенежскую. Пеший копейщик имеет на вооружении железный шлем, кольчугу, обеспечивающий максимально прикрытие длинный миндалевидный щит и, в качестве наступательного оружия, копье и топор. Ополчение на Руси формировалось из горожан, как правило, на время очередного похода. Эти ратники получали полный комплект снаряжения — простого и недорогого из городских арсеналов.

дух. Уже на следующий день войско снова было готово к жестокой сече. Именно так в упорных схватках под Доростолом воины князя Святослава, с полным самообладанием и не теряя боеспособности, неоднократно выходили из-под ударов тяжелой византийской кавалерии во фланги и даже в тыл.

С середины XI века русское войско из монолитной фаланги становится трехзвенным и действует в расчлененном боевом порядке. Оно делится на центральный полк (чело), а также полки правой и левой руки (крылья). Такое построение повышало управляемость частями, позволяя осуществлять маневр на поле сражения и, по мере необходимости, наращивать силы на нужных участках и направлениях. В этих условиях битва уже не обязательно сводилась к лобовому столкновению противников. Стало возможным широко применять охваты и обходы, засады, заманивание неприятеля притворным отступлением.

Все большую роль в составе армии играют конные подразделения, особенно в борьбе против степных кочевников половцев. Тяжелая копейная кавалерия обучалась действовать четко и слаженно — в сомкнутом строю. Так, чтобы каждый всадник касался стремянами стремян соседей справа



Емельянов Б. 2009 г.

Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова,
© В. Н. Шиканов

и слева. Когда в «Слове о полку Игореве» говорится: «храбрые русичи червлеными щитами поле дикое перегородили...», — это сказано именно о конном строе. Точно также летописное выражение «ударюша в конь» означает синхронную и стремительную атаку русских конников.

Самым распространенным построением кавалерии оставалась «фаланга» (хотя и расчлененная по фронту). Иногда использовалось построение клином. В боевых действиях против половцев князь Владимир Мономах строил бронированный кулак конных дружин в виде двух походных колонн, фланги и тыл которых прикрывали пешие щитники. В середине шел обоз. Такая конфигурация армии позволяла двигаться в любом направлении и, в случае необходимости, вести бой на марше, под непрерывным силовым воздействием противника.

Долгое время русичи практически не использовали осадной техники. Города брали либо *изгоном* (т. е. с налета), либо *измором* (блокадой), а чаще с полевого сражения, когда после разгрома вражеской армии город, оставшийся без защиты, сдавался на милость победителя. Неразвитость приемов правильного штурма и защиты населенных пунктов определялась отсутствием таковой практики у себя дома — на Руси. Русские города иногда подвергались нападению и осаде со стороны кочевников (сначала печенегов, потом половцев), но эти враги также никогда не использовали осадных технических средств. Различная осадная техника (тараны, баллисты и т. д.) стала применяться позже, когда русские вошли в боевое соприкосновение с немцами и шведами, и возникла необходимость атаковать не деревянные города, а замки

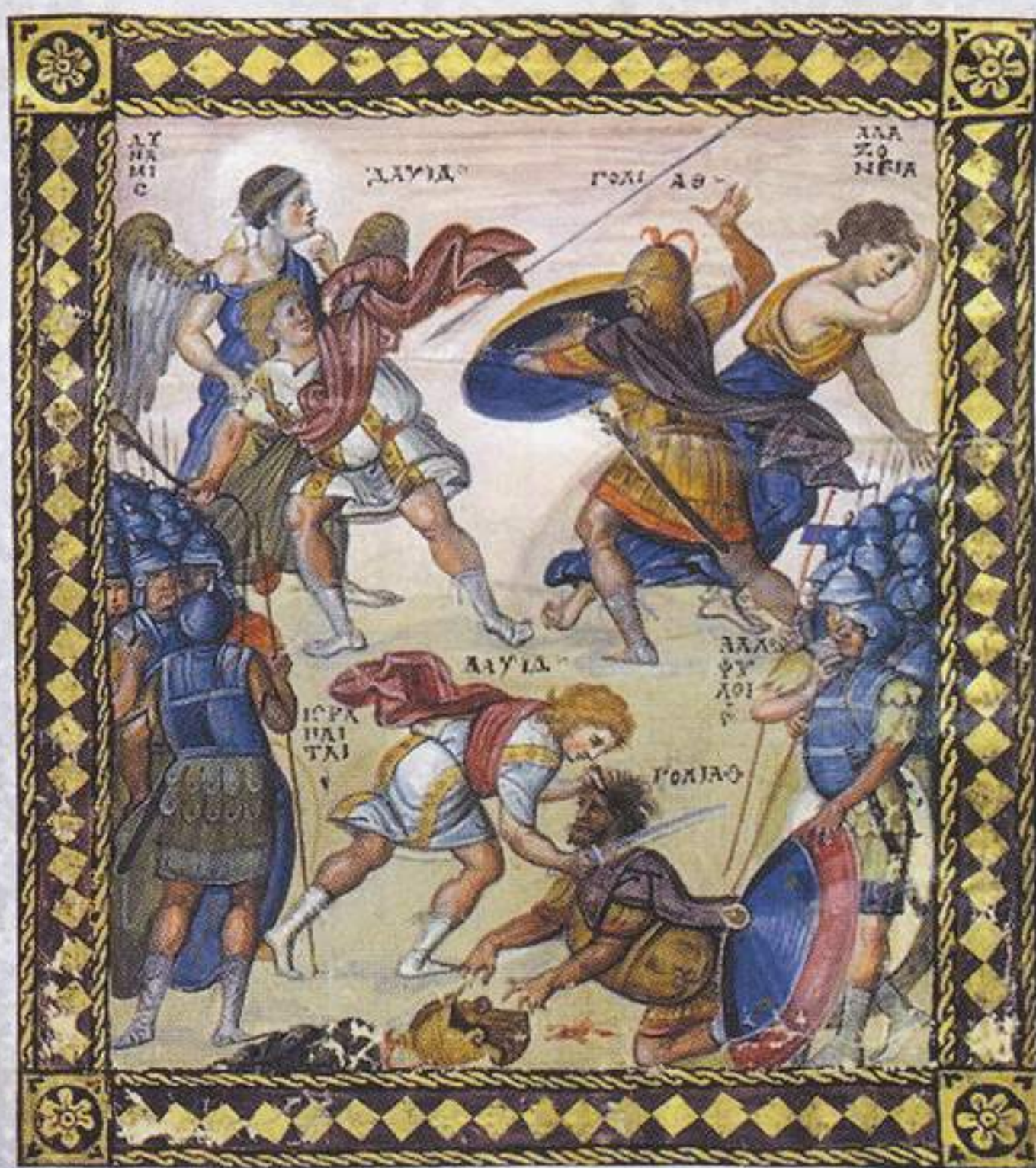
с мощными каменными защитными укреплениями.

Огромное значение в военном деле русичи придавали боевому духу войска, который традиционно поддерживался на самом высоком уровне.

Византийский очевидец Балканского похода Святослава событий признает мужество противников ромеев. «Тавроскифы никогда не сдаются, даже побежденные, — писал Лев Диакон, — когда уже нет надежды на спасение, они пронзают себя мечами и таким образом сами себя убивают».

Вожди неизменно подавали бойцам пример бесстрашия пламенным словом и личным участием в самых кровавых схватках. Тот же Владимир Мономах, когда во время страшной грозы ему пришлось вступить в бой со степняками, «ехал по полкам, увещевая всех, чтоб, видя половцев множество, не боялись, но паче, надеясь на милость божию, храбро наступали, ведая, яко сей гром и буря с тылу знак нам явной победы». Но число врагов лишь возрастало, и тогда князья в окружении своих ближних дружинников, «въезжая, секуще половцы, своих ободряли». И сам Мономах «жестоко начал противных побивать».

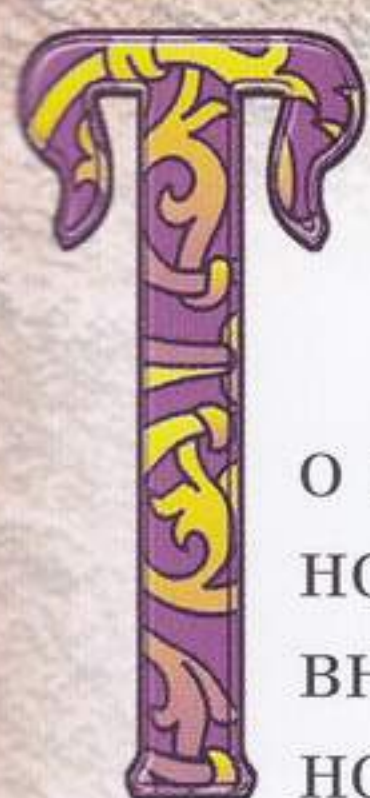
Конечно, русичи усердно старались привлечь покровительство высших сил. С этой целью в языческие времена приносились многочисленные жертвы (в т. ч. и человеческие). С принятием христианства, вера в то что истинный Бог всегда на стороне правого дела лишь укрепилась. Во время походов на половцев армию сопровождали священники с крестами и хоругвями, воодушевляя воинов пением священных гимнов и кондаков.





МЕЖВРЕМЕНЬЕ





То ли в силу географической отдаленности, или из-за несопоставимости внешнеполитических приоритетов, но Византия никогда не нападала на Русь. Зато наши предки навевались под стены Царьграда регулярно и отнюдь не с букетами цветов. Отечественным историкам, внушавшим нескольким поколениям гимназистов, школьников и студентов мысль о неизменно миролюбивом настрое русской души, приходилось демонстрировать чудеса формальной логики, чтобы разрешить противоречие между декларациями и реальными фактами.

Особенно забавно выглядит утверждение, что Русь стремилась поддерживать с империей равноправные отношения и всего лишь хотела «быть слышимой и знаемой». А так как коварные греки постоянно попирали это естественное стремление, то «все военные мероприятия Руси против Византии были необходимым приложением к дипломатическим усилиям для создания благоприятных условий торговли». Вот оно как! Ни больше, ни меньше. Это все равно, как если бы ваш сосед двумя этажами выше периодически ломился с топором к вам в квартиру, чтобы в следующий раз вы по первому требованию снабжали его спичками, солью, выпивкой и т. д.

Эпоха столь странной дипломатии получила особое развитие на рубеже IX-X веков. Иногда ее объясняют активизацией эмиграции из Скандинавии и увеличением численности варягов на Восточно-Европейской равнине. В любом случае, время было исключительно веселое. Как писал поэт:

*«Княжил тогда князь Игорь,
а правил им Олег,
Das war ein groser Krieger¹
и умный человек».*

Именно Олег был первым радетелем земли русской. Согласно отечественной исторической традиции, в 907 г. он, очевидно «в интересах обеспечения свободы торговли», совершил масштабный военный поход на Константинополь. И было у него 2000 людей, и в каждой размещались по 40 мужей. Предоставляем читателям самим судить, позволяли ли мобилизационные возможности тогдашней Руси собрать восьмидесятитысячную армию. Зато летописец с явным воодушевлением сообщает о методах, с помощью которых вождь русов убеждал «царей Леона и Александра»² дружить с ним. «И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви сожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги». Доходчиво, не правда ли? Ну и в результате появились знаменитые строки:

*Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Цареграда...*



Поход князя Олега на Константинополь.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

Вместе с тем, красочное описание, содержащееся в летописи, давно уже смущало серьезных исследователей. И дело даже не в том, могли ли воины Олега поставить свои корабли на колеса, чтобы с попутным ветром двинуться к городским стенам по

¹«Он был великий воин» (нем.).

²То есть императора Льва VI (886-912) и его брата-соправителя.



Емельянов Е. 2010г.

суше, яко по воде. Гораздо важнее, что ни один из византийских источников (а также восточные и западные) вообще не упоминает об этом походе архонта росов!? А ведь ромейские авторы не считали зазорным рассказывать и о куда более тяжелых поражениях империи. Что-то тут не так, и к чести наших историков, именно они смогли нарисовать более реалистичную картину событий одиннадцативековой давности.

к Константинополю подошли ладьи каких-то *русов-дромитов*. Византийский автор объясняет такое название тем, что эти люди «обладали способностью быстрого передвижения». В более поздних отечественных источниках этот термин переводится как «находники». Нам же, с учетом характера их занятий, правильнее будет сказать «живущие набегами», или еще проще — «налетчики».



Император Лев VI перед Иисусом Христом.
Мозаика Св. Софии Константинопольской

Достоверно известно, что летом 904 г. арабские пираты угрожали столице империи. Эта новость ввергла василевса Льва VI «в малодушие и страх». В конце концов, государь послал против агарян эскадру протасикрита Имерия, но они, не приняв сражения, повернули назад, оторвались от преследования и безжалостно разграбили Фессалонику¹. А в это время нагрянула беда худшая. По-видимому, узнав, что царственный город остался без прикрытия с моря,

Как бы то ни было, ромеи столкнулись с набегом некоей славяно-варяжской вольницы, прибывшей, скорее всего, от устья Днепра. Грабя фракийское побережье, дромиты предвкушали еще большую добычу в окрестностях Царьграда, но смелым надеждам не суждено было сбыться. В ту пору Византия была могучей державой, так что переброска даже значительных сил в Эгейское море не оставила Константинополь без защиты. Навстречу врагу вышли

¹См. подробнее «Византия — щит Европы» стр. 79.

огненосные корабли под командованием патрикия Иоанна Родина. Росам оставалось надеяться на свою «способность к быстрому передвижению», но у мыса Трикефал в Малой Азии их моноксилы были настигнуты и уничтожены жидким огнем, пущенным из медных труб-сифонов.

Потребовались два века, чтобы это поражение под пером автора «Повести временных лет» превратилось в победу. Тем более что его было весьма удобно и естественно связать с русско-византийским торговым договором, действительно заключенным в 911 г. Впрочем, даже это обстоятельство еще ни о чем не говорит. Древнерусское государство в начале X века было еще настолько слабым, что одни правители-конунги могли вступать с Византией в соглашения, а другие нападать на нее. Так, например, вышеупомянутые дромиты, скорее всего, являлись просто бандитами, не подчинявшимися никакой «центральной власти». Возможно, именно этим обстоятельством объясняется странное на первый взгляд утверждение василевса Константина VII об участии почти в то же самое время (910 г.) семисот воинов росов в византийской экспедиции на Крит, захваченный мусульманами. Ведь совершенно не факт, что они прибыли в распоряжение ромейских полководцев на основании неких договоренностей именно с киевским князем

За редкими исключениями, Византия не начинала войн против своих соседей. Разве что, стремясь вернуть ранее утраченные территории, некогда входившие в состав Римской империи. Тем более не было никаких оснований предпринимать какие-либо военные экспедиции против лежащей за морем Руси, географическое положение которой оставалось не вполне ясным. Другое дело — «подарки» тамошним архонтам и торговые соглашения, придававшие ходу дел с варварами более или менее предсказуемый характер. Вот и договор, подписанный 2 сентября 911 г. заложил основу взаимоотношений Византии с Русью на несколько веков вперед.

Этот документ регламентировал правила нахождения русских купцов в Константи-

нополе и порядок урегулирования различных правовых коллизий, проистекающих из факта такового пребывания (вроде наказаний за возможные убийства, телесные повреждения, воровство и иные преступления). По-видимому, именно для того, чтобы избежать их, купцам отводилась резиденция не в самом городе, а за его пределами — в предместье святого Маманта. На столичные рынки они могли попадать только через одни ворота. Даже такая, казалось бы, привилегия, как снабжение от казны продовольствием на шесть месяцев, имела обратную сторону. Из нее следовало, что через полгода торговым людям нужно или уезжать из Византии, либо питаться за свой счет, проедая заработанное. К тому же, росы подлежали обязательной переписи в полном составе, иначе им бы не выдали провиант. Правда, еще одна из статей особо оговаривала право русских гостей неограниченное количество раз ходить в баню, но, помимо свидетельства похвальной чистоплотности, она не сулила никаких реальных выгод. С другой стороны, греки, по-прежнему, с опаской смотрели на гостей с далекого севера. Иначе в договоре не появилось бы весьма характерное требование. «Пусть запретит архонт росов указом своим приходящим сюда росам творить бесчинства в селах и в стране нашей».

Как и предвидели византийские дипломаты, отношения империи с Русью не ограничились базарными сделками. В 912 г. Олег «принял смерть от коня своего», а киев-



Князь Олег у останков своего коня.
Илл. Худ. В. М. Васнецова

ским князем стал сын Рюрика, подросток Игорь. Поначалу все шло нормально. Еще в начале 920-х гг. императоры Константин VII и Роман I посылали «архонту Росии» грамоту с золотой печатью (*хрисовул*), рассматривая его в качестве союзника. Примерно тогда же, угрожая Болгарии войной сразу на нескольких фронтах, патриарх Николай Ми-

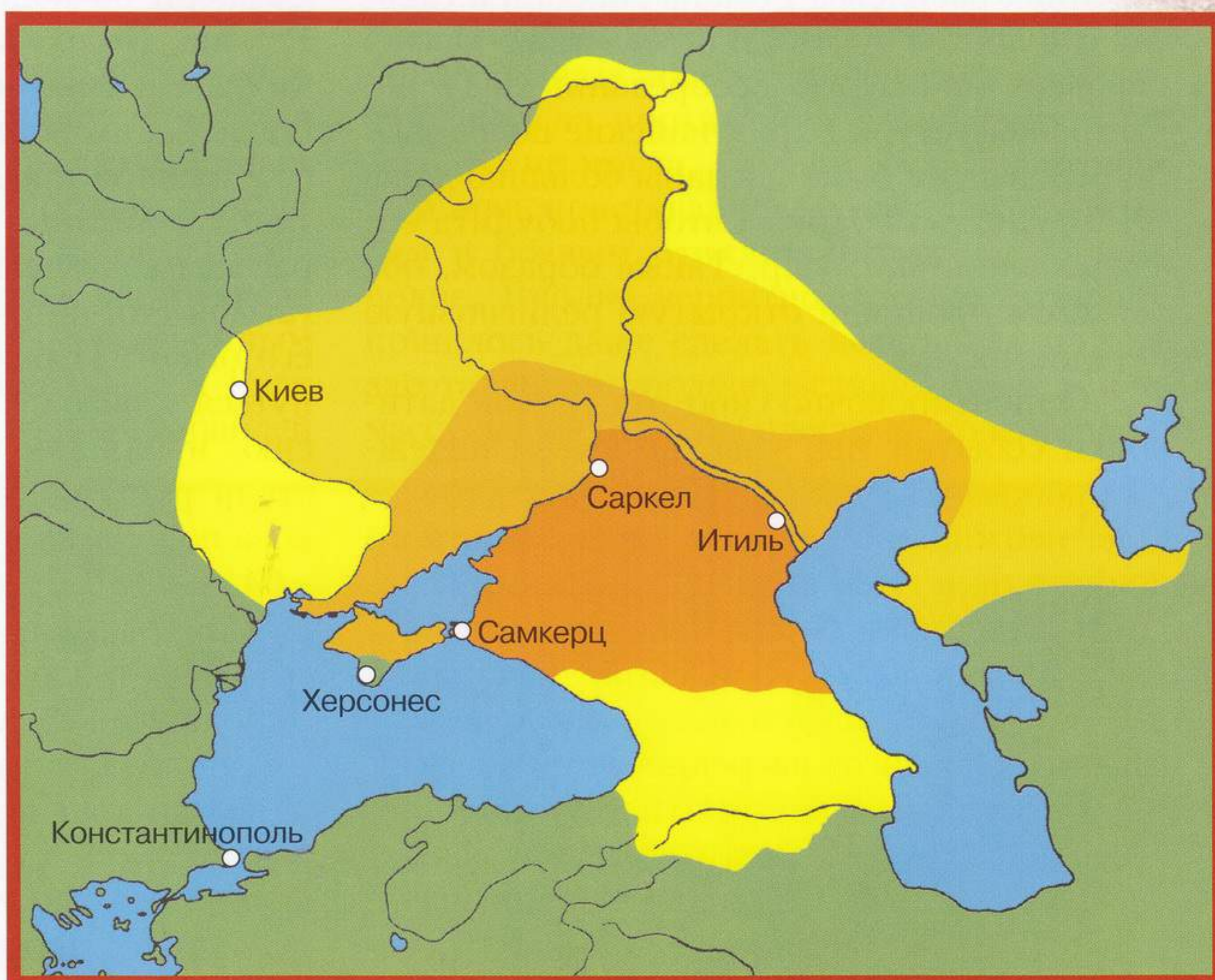
стик называл росов в числе врагов царя Симеона. Действительно, в ту пору русских купцов в Константинополе, по-прежнему, кормили, поили и водили в бани. Много бойцов-северян с оружием в руках служили василевсам¹. Затем ситуация резко изменилась, и в 941 г. боевые ладьи росов снова появились под стенами Константинополя.

Отмстить неразумным хазарам...

Несмотря на свою хрестоматийность (ведь опровергать мнение солнца русской поэзии просто неприлично), известная строка никак не может быть отнесена к деяниям Вещего Олега. А вот ее упоминание в рассказе о военной истории Византии вполне уместно. На протяжении VII-IX веков хазарский каганат оставался стратегическим партнером Ромейской державы, отвлекая на себя часть энергии арабской экспансии. Подобно тому, как мусульмане увязли в бесконечной войне на востоке Малой Азии, не прекращался и арабо-хазарский конфликт в Закавказье. Если бы не этот второй фронт, василевсам, скорее всего, пришлось бы крайне туго.

Как уже отмечалось выше, официальной религией правящей элиты хазар являлся иудаизм. Несмотря на это странное обстоятельство, в Хазарии существовала и значительная христианская община, управлявшаяся митрополитом. В конце 860 г. каганат посетила византийская духовно-политическая миссия во главе с будущими учителями словенскими — братьями Константином и Мефодием. Не исключено, что ее целью, помимо дел духовных, была координация усилий в борьбе с новым опасным врагом обеих держав — варягами. Не забудем, что незадолго до этого пришедшие

норманнские дружины изгнали хазар из Киева, а затем совершили опустошительный налет на предместья Константинополя. В результате переговоров каган писал императору Михаилу III: «Все мы друзья и приятели твоего царства и готовы идти на службу твою, куда захочешь».



Хазарский каганат

■ К 650 г. ■ К 750 г. ■ К 850 г. ■ Вассальные территории

Затем положение начало ухудшаться. На Северном Кавказе усилились предки современных осетин аланы, а в Причерноморье появилась новая влиятельная сила — воинственные печенеги. После этого византийская дипломатия, верная принципу «У империи нет вечных врагов или друзей,

¹Так, например, в 935 г. сильный русский отряд принимал участие в византийской экспедиции против лангобардских княжеств в Южной Италии.

а есть вечные интересы», сбросила прежних союзников со счета.

В начале 30-х гг. X века Византия поддержала царя православных алан, вступившего в войну против хазар. Однако *пех*¹ Аарон, наняв кочевников гузов, нанес им жестокое поражение. О последующем русские летописи умалчивают, хотя именно русы оказались втянутыми в большую геополитическую игру между империей и каганатом. Сложившуюся картину позволяют восстановить восточные источники.

В них почти в одних и тех же выражениях сообщается, что когда «злодей Арманус» обращал евреев своей страны в христианство силой и вообще «не любил их», большое число евреев бежало «из Рума в страну хазар». Речь здесь идет о религиозных гонениях василевса Романа Лакапина (920-944 гг.) против иудеев. В ответ «царь» Иосиф «низверг множество необрезанных» (говоря проще, устроил христианские погромы). А из Византии были посланы большие дары «Х-л-гу, царю Руси»², чтобы побудить его к нападению на хазар. Таким образом, обе державы проявили открытую религиозную нетерпимость.

Ориентировочно (ибо для точной датировки событий мы, увы, не имеем надежных оснований) в конце 939 г. этот *Хельг* — Олег неожиданно напал и, после яростного ночного приступа, овладел хазарским городом Самкерц на берегу Керченского пролива, поскольку городской начальник раб-Хашмонай отсутствовал там и ничего не сделал для защиты вверенного ему объекта.

В столице каганата Итиле отлично поняли, куда тянутся нити внезапно вспыхнувшего конфликта. Хазары собрали значительное (более 40 тысяч чел.) войско, ос-

нову которого составляли наемники из Хорезма. Во главе его встал «достопочтенный Песах», который выбил русов из Самкерца, а затем вторгся в Крым, где взял и разорил три греческих города и даже осадил Херсонес. Это было прямое нападение на Византию, но масштабных военных действий между империей и каганатом, все же, не последовало. Не сумев взять оплот ромеев в Таврике, Песах двинулся на север и, если верить хазарским источникам, дошел до Киева!³ Похоже, что город сдался. Во всяком случае, русы выдали победителям мечи, оговорив возможность вернуть оружие только в том случае, если хазарам потребуется направить их против врагов кагана.

Такой шанс представился очень скоро. Вынудив Х-л-га признаться, что он напал на Самкерц по подстрекательству императора Романа, Песах, в свою очередь, потребовал, чтобы тот совершил набег на Константинополь. Таким образом, русы заплатили дань собственной кровью. «И воевал Хельг против Кустантины четыре месяца. — завершает рассказ восточный автор. — И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар». Такова подоплека русского набега на Царьград в 941 г. Не забудем также, что византийские дипломаты заключали мирные договоры с соседями на тридцать лет. Так что именно в этом году истек срок действия соглашения, подписанного Вещим Олегом, и стороны более не имели друг перед другом ровно никаких обязательств (хотя мы знаем, что во все времена самые торжественные клятвы нарушались с легкостью необычайной).

¹Формально правителем хазарской державы являлся каган, но реально всей полнотой власти обладал его премьер-министр — *пех* (ср. тюркское *бек* — господин). В русской исторической литературе именно этот титул хазарских владык переводится как царь.

²С учетом того, что в еврейском алфавите не используются буквы для передачи гласных, становится ясно, что тут имеется в виду некий Олег. Это несколько странно, ведь согласно «Повести временных лет», в это время в Киеве княжил Игорь. Не претендуя на окончательные выводы, заметим лишь: «Хельг» мог быть не именем, а титулом правителя, либо, в данном случае, речь идет о каких-либо других, не киевских русах. Некоторые историки считают, что их владения находились в районе современной Тамани.

³Впрочем, Р. Г. Скрынников приводит более умеренную версию. По его мнению, Песах осадил и заставил сдаться русов в Таматархе (т.е. Тмутаракани). Именно отсюда, объединив силы с киевским князем Игорем, они и совершили позднее поход в Византию. Косвенным подтверждением такого варианта событий служит и упоминание Льва Диакона о том, что «Ингорь приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок». Из этого следует, что уцелевшие русы вернулись из похода не в Киев, а к Керченскому проливу.

О подлинных вдохновителях нападения Игоря на Византию, по-видимому, были хорошо осведомлены и в Константинополе. Недаром Константин Багрянородный поучал своего сына: «Знай, что может алан грабить и причинять великий ущерб хазарам». Согласно мнению царственного автора, эти меры нужны для того, чтобы

обеспечить длительный и глубокий мир для ромейских владений в Таврике, поскольку «хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты»¹. Пачинакиты также оказывают услуги василевсу и херсонитам «в Росии, Хазарии, Зихии (Адыгее — В. III.) и во всех тамошних краях».



Ну а теперь вернемся к общепринятому в историографии описанию обстоятельств похода, предпринятого русичами в 941 г. на столицу Византии. Его детали изложены в источниках, как с одной, так и с другой стороны. Тем не менее, даже такое, казалось бы, хорошо изученное событие, вызывает у современного читателя целый ряд вопросов.

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы», — так начинается свой рассказ ромейский хронограф. На первый взгляд здесь приведена запредельная, совершенно нереальная цифра, не имеющая никакого отношения к мобилизационным возможностям Киевского князя, да и Руси вообще. Ведь если одних только кораблей было десять тысяч, то сколько же на них помещалось воинов?² Но именно такую великую армаду в десять тысяч людей называет и автор «Повести временных лет». Неужели, два века спустя, Нестор имел в своем распоряжении столь мощную источниковую базу и просто позаимствовал соответствующие отрывки из летописи Продолжателя Феофана? Признаюсь, что у автора этих строк нет убедительного ответа на этот вопрос. Так что остается лишь принять приведенные выше данные к сведению.

Тот же Нестор отмечает, что «послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград». Дело в том, что

Болгарией правил тогда сын Симеона Великого Петр, являвшийся союзником Византии. Вполне естественно, что он считал своим долгом известить василевсов-соправителей о нашествии врагов.

Как обычно, флот, вышедший из Днепра, двигался вдоль берега Черного моря на веслах. Какими бы могучими (или вымуштровываемыми) не были гребцы, но поддерживать безостановочный крейсерский ход на протяжении нескольких дней эскадра не могла. Обычно суда шли днем, а на ночь приставали к берегу, давая командам и боевым отрядам отдых на твердой почве. Вполне вероятно, что за это время пришлось даже сделать несколько дневок, заготавливая продовольствие (иначе такую массу людей было бы просто не прокормить).



Нападение росов на Константинополь в 941 г.
Средневековая миниатюра

¹Название византийской фемы в Крыму.

²Обычно на ладье-однодревке плыли не менее 40 человек (при этом, воины должны были одновременно быть и гребцами). Выходит, что Игорь повел на Царьград, как минимум... 400 000 бойцов. Невероятная цифра!

Итак, предстоящее нападение росов не стало для империи неожиданностью. А вот были ли готовы к нему ромеи? Византийский автор сообщает, что назначенный командующим морскими силами патрикий Феофан¹ «снарядил и привел в порядок весь флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами». Затем он выступил «со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе».



«Корабли на Днепре». Картина худ. Н. К. Рериха

Казалось бы, подобная быстрота реакции властей свидетельствует о твердости исполнительной вертикали и адекватности ее решений. Действительно, в описываемый период трон Византии формально занимал молодой василевс Константин VII, но реальным «обладателем царства» являлся его тесть Роман I Лакапин. Профессиональный моряк, прошедший все ступени службы от матроса до друнгария (т. е. командующего) флота и обладавший, к тому же, немалым боевым опытом, он понимал роль морских сил в деле обеспечения безопасности империи с ее огромной береговой линией и уделял огромное внимание поддержанию военно-морской мощи державы.

И все же, в нашем распоряжении имеется документ, позволяющий гораздо более сдержанно оценивать возможности Ромейского царства перед лицом нападения росов. Дело в том, что как раз летом 941 г. в Константинополе находилась официальная делегация итальянского короля Гуго, которой было поручено согласовать совместную военную экспедицию против мусульманских пиратов, обосновавшихся не где-нибудь, а на лазурном берегу Лигурийского моря². Дипломаты не имели никаких оснований принижать боевой потенциал вероятного союзника, но по их словам император Роман «весьма встревожился, ибо отправил свой флот против сарацин и для защиты островов».

Получается, что подступы к столице остались беззащитными. Единственное, чем располагал василевс в тот момент, были «15 полуразрушенных хеландий». Таким образом, запечатленные стилем византийского историка «дромоны и триеры», на самом деле оказались грузовыми, да и то, весьма потрепанными судами. В такой ситуации государю оставалось полагаться не на стра-

тегические способности своих флотоводцев, а исключительно на административный ресурс. Он велел собрать по городу всех конопатчиков и приказал им в кратчайший срок отремонтировать имевшиеся в наличии корабли. Царское слово — крепкое. Дважды его не повторяют. Любой ромей знал, что бывает с ослушниками, так что мастера, не медля, принялись за дело.

Но как же могли пятнадцать, хотя бы заново проконопаченных и осмоленных транспортов одолеть упомянутые летописцем «десять тысяч судов», на которых росы приближались к Константинополю (пусть даже эта цифра многократно превышает реальное количество)? Об этом вновь рассказывают итальянские дипломаты. Они сочли

¹Вообще-то, этот вельможа занимал придворную должность протовестиария, т.е. заведующего царским гардеробом, и в его подчинении находились придворные евнухи.

²См. «Византия — римская мечта», стр. 95.

Важным особо отметить, что Василевс велел оснастить хеландии сифонами для метания жидкого огня. Послы короля Гуго, наверняка, были наслышаны об этом грозном оружии и, именно с ним связывая главные надежды в будущей борьбе с арабами, хотели убедиться в его эффективности.

Обычно византийские боевые дромоны вооружались тремя медными пусковыми установками, размещенными в носовой части корабля. На этот раз Роман потребовал поставить сифоны не только на носу, но также на корме и по обоим бортам. Получились целые огнеметные батареи, которые запросто уравнивали шансы противников в предстоящем сражении. К тому же, экипажи флотилии патрикия Феофана были укомплектованы «опытнейшими мужами». Немало побед за плечами имели и возглавлявшие их капитаны — *протокаравы*. Ну а самое главное, что ромеи уповали на Божье заступничество, ибо «добрый и милосердный Господь, желая не только защитить тех, кто почитает Его, поклоняется Ему, молится Ему, но и почтить их победой», укротил ветры, успокоив тем самым море. Последнее замечание имеет важное практическое значение, поскольку именно при отсутствии волнения огнеметы могли действовать с наибольшей точностью и, следовательно, максимально эффективно.

Встреча противников произошла на траверзе Иерона, недалеко от маяка, указы-

вавшего на вход из Черного моря в Босфор. Русичи были немало удивлены малым числом неприятеля. Уверенный в успехе, Игорь даже заранее велел не убивать греков, а брать их живьем. Вот тут-то и сказалось тактико-техническое превосходство византийской эскадры.

На флагманском корабле в середине боевого порядка царской флотилии взвились разноцветные вымпелы. Но то не были знаки приветствия варварам. Так особым кодом передавались приказы на другие суда, что позволяло всем им действовать скоординированно и осмысленно. Безошибочно прочитанные и понятые, сигналы привели в движение всю эскадру. Патрикий Феофан первым решительно атаковал противника и разрезал его фронт. За ним, подгоняемые мерными взмахами весел и держа равнение, двинулись остальные суда.

Русичи хотели взять их в кольцо и, навалившись разом, овладеть одним кораблем за другим, но сражение так и не успело превратиться в ряд отдельных схваток. Благодаря предусмотрительности василевса, сифоны могли действовать во всех направлениях, так что почти сразу византийские суда оказались в центре огненного круга из вспыхнувших моноксил росов, которые теперь пылали, словно охапки сухой соломы.

И снова предоставим слово документу: *«Русы увидев это, сразу стали бросаться с судов в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягченные кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, а другие, поплыв, даже в море продолжали гореть».*

Организованное сопротивление прекратилось, и ладьи, до сих пор не вступившие в схватку, начали разворачиваться, пытаясь достичь берега. Спаслись те, кому удалось оказаться на мелководье, благодаря неглубокой осадке судов. Недаром император Лев VI писал в своей «Тактике»: «ладьи у скифов малые и быстроходные». Тех же, кого выта-



Византийский огненосный флот в бою

щили из воды ромей, доставили в столицу и здесь прилюдно обезглавили на потеху толпе.

И все же те росы, которые выбрались на малоазиатский берег Босфора, не пали духом. Они несли зло ромеям с еще большей яростью. Византийцы не располагали в этом районе значительными сухопутными силами, и вскоре провинция Вифиния вплоть до Никомидии на юге познала на себе ярость вражеской мести. Окрестные земли были выжжены, а участь людей, имевших несчастье проживать здесь, оказалась настолько страшной, что можно было позавидовать воинам, которые в единый миг расставались с жизнью в ходе битвы.

По свидетельству летописца, пленных распинали, ударами дубин вколачивали в землю, или, привязав к столбам, расстреливали из луков. Особенно изощренно расправлялись с лицами духовного звания. Издавна по берегам Босфора стояло множество монастырей. Теперь, по неизъяснимому божьему попущению, для священников и монахов настал час мученической и страшной кончины. Прямо возле закопченных руин храмов им забивали гвозди в голову. Что и говорить, на славу умели повеселиться наши далекие предки...



Расправа росов над греками.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

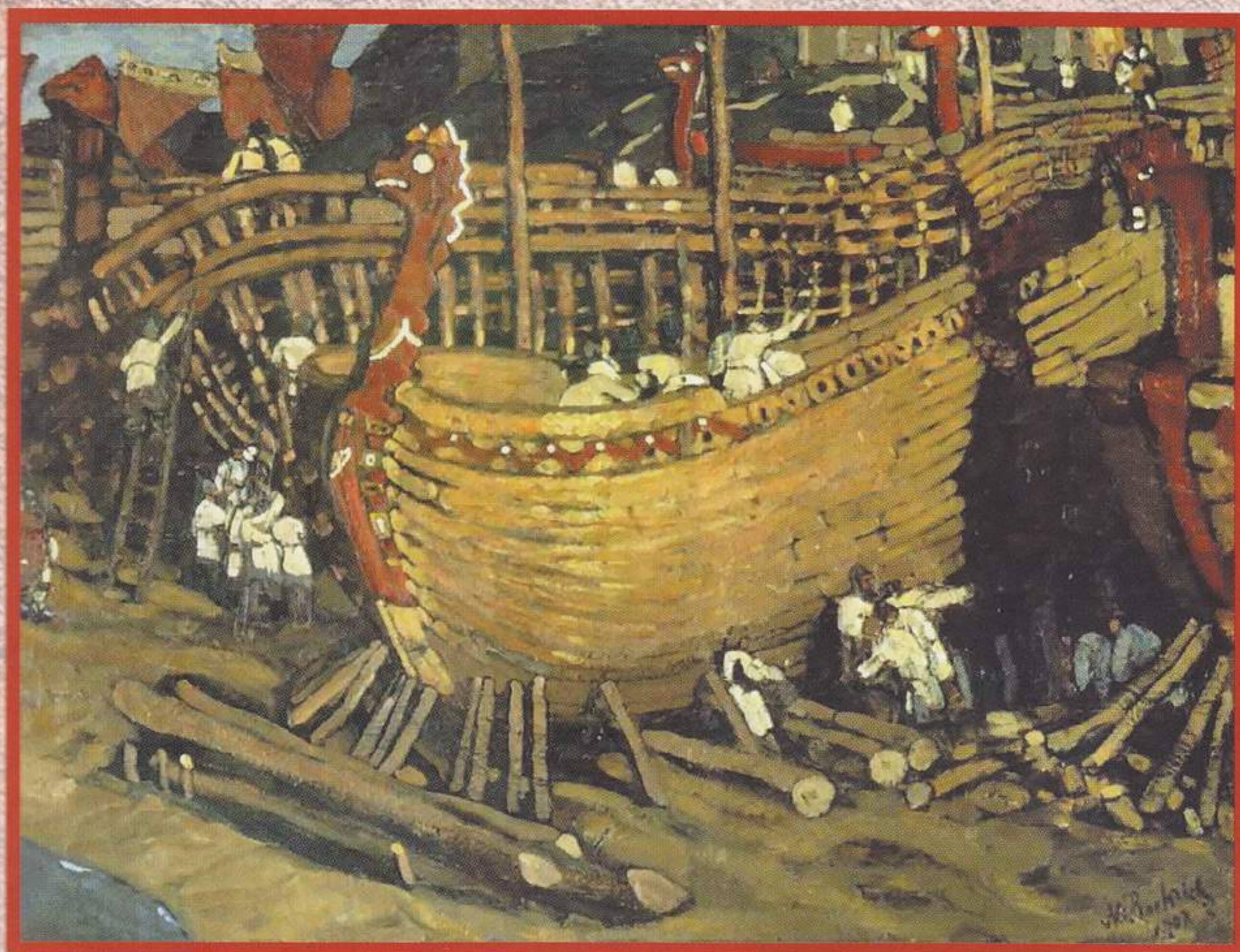
В Константинополе рассказы об этих зверствах, помимо непереносимого ужаса, вызывали глухое недовольство бездействием властей. Впрочем, в Священном дворце и без того понимали необходимость положить конец безобразиям, творимым варварами под боком у столицы. По повелению

императора в Вифинию перебрасывались македонские части патрикия Варды Фоки и фракийские войска стратига Феодора Спонгария. Чуть ли не с восточной границы спешил во главе закаленных тагм domestik схол Иоанн Куркуас, прославившийся в войнах с арабами.

С немалым трудом и в жестоких боях военачальникам василевса удалось оттеснить росов к побережью. Последовавшая затем попытка прорыва не удалась, хотя греки «едва одолели». Но даже теперь, византийцы не решались сбросить тавроскифов в море, ограничившись плотной блокадой. Лишь через два месяца, в сентябре, испытывая острый недостаток в продовольствии, воеводы Игоря смирились, наконец, с неизбежным и, в преддверии голодной зимы, стали грузить на ладьи свои, все еще многочисленные отряды. Ночью они отправились морем к фракийскому побережью, откуда лежал путь на родину. Во время этого перехода вновь сказалось подавляющее превосходство ромеев на море. Эскадра патрикия Феофана перехватила врага, и тогда снова побежало по однокревкам варваров жаркое пламя. «И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж», — писал о Феофане византийский хронист. Сам Игорь с немногими ратниками смог вырваться и с трудом добрался до Крыма, откуда затем вернулся в Киев. «Будто молнию небесную имеют у себя греки, — поведали уцелевшие воины родичам, — и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их».

Но даже такой жестокий урок не отбил у Киевского князя желания путешествовать в Византию. Он послал за море к варягам, призывая их совместно выступить против империи. Уже в 944 г. Игорь, «совокупив вои многи,

Варяги, Русь и Поляны, Словены и Кривичи, и Тверьце, и Печенеги, поиде на греки в ладъех и на конех, хотя мстити себе». Из приведенной цитаты, между прочим, следует, что вторая экспедиция против Византии была предпринята гораздо большими силами, чем три года назад.



«Строят ладьи». С картины худ. Н. К. Рериха

О новом нашествии тавроскифов Константинополь известили жители Херсонеса Таврического. «Вот идут росы, без числа кораблей их», — сообщали они василевсу. Неизвестно, проводил ли на этот раз автократор Роман Лакапин крупные мобилизационные мероприятия, но нельзя не учитывать, что главные силы византийской армии вели тогда тяжелую кампанию против арабов в Северной Сирии. С другой стороны, в Царьграде понимали, что даже крупный военный успех не гарантирует окончательной победы над далекими северными варварами. Ведь никому и в голову не приходило организовать военную экспедицию для покорения Киева.

С учетом этих соображений, было решено направить к Игорю дипломатическую миссию, чтобы щедрыми дарами умиротворить катархонта росов. По-видимому, послы прибыли в ставку князя где-то на Дунае, поскольку в источниках нет сведений о вторжении русского войска на земли империи.

В соответствии с традициями военной демократии, Игорь собрал дружинников на сходку, и решили они: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото и серебро, и паволоки (шелковые ткани — В. Ш.)». Послушал князь такие речи и согласился с ними. Войско вернулось в Киев. И все остались до-

вольны, кроме болгар. Поэтому что, в качестве расплаты за союз, Игорь позволил степнякам грабить землю болгарскую.

В отечественной историографии укоренилось мнение, что подобное завершение похода 944 г. явилось доказательством великого страха ромеев перед русичами. На самом деле все обстояло несколько иначе. Между Русью и Византией был заключен очередной мирный договор «на все годы, пока сияет солнце, и весь мир стоит». Условия этого соглашения оказались для русских не столь благоприятны, как тридцатью годами раньше. Князь должен

был особыми грамотами подтверждать полномочия купцов, прибывающих в Царьград. В противном случае их помещали под арест и содержали до выяснения личности. Вступать в город они могли безоружными и группами не более чем по пятьдесят человек, в сопровождении особого правительственного чиновника («царского мужа»). Лишались они и привилегии беспошлинной торговли. Особо оговаривалось, что русские торговые люди не могли оставаться на зиму не только в предместье столицы, но даже и в устье Днепра.

Чрезвычайно важными и выгодными для империи были статьи, подтверждавшие статус ее владений в Крыму. «Да не имеет права князь росов воевать в тех странах, — подчеркивалось в договоре, — во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам». Более того, русские обязывались вооруженной силой защищать «Херсонес и Климаты» от вторжений кочевников (как сказано в договоре: «*накостять стране его*»). Константинополь добился даже большего. Если раньше русские отряды могли поступать на царскую службу по собственному желанию, то теперь императоры имели право требовать присылки вспомогательных частей для участия в военных кампаниях империи, причем подчас на весьма удаленных театрах боевых действий. «Если же пожелаем

мы, цари¹, у вас воинов против наших противников, — гласила одна из статей договора, — да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и росы».

Не знаю, как насчет любви, но угрозу такой союз для врагов империи представлял немалую. И надо заметить, что эта статья реально работала и не раз была применена на практике. В 949 г. более 600 росов участвовали в очередной византийской экспедиции на Крит. В 954 г. росы дрались против арабов в ходе Восточной кампании полководца (и будущего императора) Никифора Фоки. В 960 г. внесли немалый вклад в окончательное покорение Крита. Наконец, в 968 г. два русских боевых корабля в составе императорского флота отправились в поход для поддержки итальянских владений василевса.

Для Киева выгоды русско-византийского договора 944 г. были далеко не столь очевидны. Русские историки согласны между собой, что в качестве правителя Игорь был далеко не столь удачлив, как Рюрик, или Олег. А конец его жизни оказался и вовсе трагическим. Из школьного курса истории мы помним, что, позарившись взять двойную дань с племени древлян, он был умерщвлен жителями городка Искоростень. Справедливо рассудив, что *«если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его»*, древляне разбили малую дружину Игоря, а самого его взяли в плен и, привязав к склонам к земле молодым деревцам, разорвали незадачливого князя надвое. Несмотря на столь страшную гибель, признаюсь откровенно: никакой симпатии у автора этих строк сей персонаж не вызывает.

Не менее драматические события произошли и в Константинополе. Оказавшийся на троне довольно традиционным для Ви-



Сбор дани князем Игорем.
С картины худ. К. В. Лебедева

зантии, но совершенно не легитимным путем, Роман Лакапин, стремясь свести на нет значение законного государя Константина VII (недаром он останется в истории под именем Порфирогенет или Багрянородный, т. е. рожденный в Священном дворце), сделал соправителями своих сыновей. Но именно эти *симвасилевсы*, прежде всех прочих, стали тяготиться необходимостью делить власть над Ромейской державой. Невзирая на почтенный возраст отца (Лакапину было далеко за семьдесят), его дети не пожелали ждать, когда царство естественным образом попадет к ним в руки. В декабре 944 г. старика вывезли на Принцевы острова, где насильно постригли в монахи.

Эта чисто византийская интрига² не принесла коварным Лакапинидам никакой

¹Множественное число употреблено здесь отнюдь не случайно. В 944 г. императорами Византии являлись сразу четыре человека: Константин VII, Роман I и два его сына: Стефан и Константин.

²В отличие от Древнего Рима, где свергнутых императоров, как правило, умерщвляли самыми замысловатыми способами, в Византии василевс, ставший жертвой заговора, мог сохранить жизнь, именно приняв монашеский постриг.

загоды. Возмужавший Константин Багрянородный (ему было уже около сорока лет) в свою очередь велел схватить Стефана и Константина, постричь их и сослать. Какое-то время царь продолжал чистку высшего государственного аппарата от выдвиженцев Лакапина, затем он предался своим излюбленным занятиям — составлению и написанию энциклопедических справочников по самым разным областям знаний: от агрономии до медицины и от политической географии до придворного этикета. Большинство из них впоследствии оказались утрачены. Дошедшие до наших дней являются важнейшим источником по истории Византии и окружавшего ее мира.

Поглощенный учеными изысканиями, красивый и утонченный в манерах, автократ отвлёкся лишь для наказания внутренних врагов, которые пытались (правда, безуспешно) плести заговоры в столице. На востоке он предоставил свободу действий полководцам, которые продолжали бесконечную войну с арабами в приграничных областях Малой Азии. И, похоже, вовсе никакого дела не было василевсу до событий в стране тавроскифов. Недаром в наставлении сыну и наследнику Роману Порфирогенет приводит о Руси лишь самые общие сведения: зимой архонты росов отправляются в полюдье, собирая дань с подвластных Киеву славянских племен, а летом посылают торговые караваны в Византию. Главными противниками этого народа являются пачинакиты (печенеги), с которыми он постоянно воюет. Таким образом, по мнению царственного автора, военная угроза, исходившая империи от тавроскифов, к середине X столетия практически утратила актуальность. К этому времени относится начало пусть и не очень продолжительного, зато важного по своим последствиям периода сближения Руси с Византией.

В Киеве тогда правила вдова Игоря — княгиня Ольга, хотя формально княжий стол занимал их малолетний сын Святослав. Можно было бы называть ее скандинавским именем *Хельга*, но в отсутствии

фактов, мы снова вступаем на зыбкую почву допущений. Летопись гласит, что была она родом из города Плескова (т. е. Пскова). А много ли скандинавских женщин в ту пору отправлялись за море вслед за своими отцами и братьями? И уж совершенно невероятным выглядит утверждение летописца, что Игорь женился на чьей-то вдове. Можно предположить, что матерью Ольги была славянка, а отцом какой-нибудь лихой варяг: *свей* или *урманин*. В общем — рус. Скорее всего, он и дал дочери скандинавское имя.

Став правительницей огромной страны, Ольга явила властный и решительный характер. Жестоко расправившись с убийцами мужа, она привела к покорности, отпавшие было, новгородские и псковские земли, а затем возвратилась в Киев к сыну, и там «пребывала с ним в любви». Вполне возможно, что со временем на Руси сложился бы эпос о некоей новой Брунгильде, однако дальнейшие события приняли совершенно иной оборот, придав облику этой незаурядной женщины новые и во многом неожиданные черты.



Месть Ольги древлянам.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

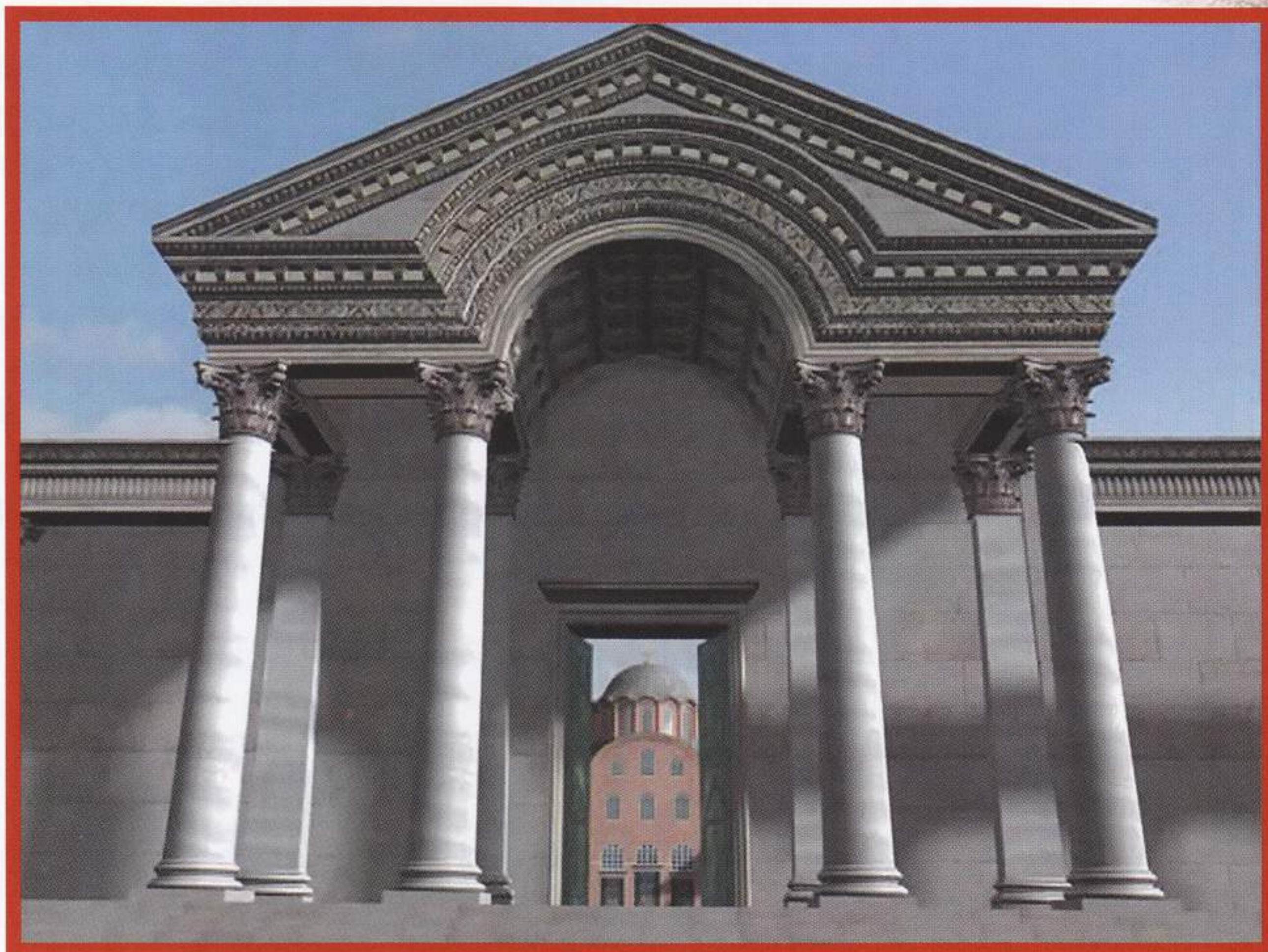
Историки сообщают, что, стремясь к установлению более тесных связей с Византией, Ольга решила креститься и с этой целью отправилась в Константинополь. Вместе с тем, эта фраза никак не объясняет, какие преимущества открывал столь радикальный шаг для княгини и русского государства? Тем более что ее сын Святослав, которому предстояло стать реальным правителем Руси, не собирался следовать примеру матери и откровенно презирал христиан, считая

их «юродивыми». Остается думать, что обращение Ольги к православию стало результатом ее личных размышлений о смысле жизни и путях к спасению души. Да возможно еще, что в сердце женщины теплилась надежда на то, что однажды и сын последует ее примеру. Что же касается «широких народных масс», то их мнением, похоже, никто и не интересовался. Во всяком случае, позднее внук Ольги Владимир крестил Русь не только крестом, но и мечом. Ну а пока что княгиню Ольгу ждал блистательный Константинополь. Хотя у нас нет уверенности даже в том, крестилась ли Ольга в Царьграде, или в Киеве, и уже потом, будучи христианкой, отправилась навестить свою духовную колыбель.

Не все просто оказывается и в свидетельствах самих ромеев о пребывании архонтииссы росов в столице империи. Датировки, имеющиеся у ряда авторов, относятся к хроникам более позднего периода и вызывают обоснованные сомнения. Наиболее близкий к этому событию источник — трактат Константина Багрянородного «О церемониях» не содержит даты пребывания Ольги в Константинополе. Ясно одно: в последние годы правления василевса Константина VII из Киева в Константинополь прибыла многочисленная делегация росов, которая вела там официальные переговоры.

Появлением столь ценного свидетельства, вышедшего из-под пера царственного автора, мы обязаны уникальному дипломатическому прецеденту. Со времен знаменитой Клеопатры римлянам, а затем и их наследникам византийцам, не доводилось принимать женщину в качестве главы иностранной державы. Даже изощренный протокол Священного дворца был бессильен дать какие-либо рецепты на этот случай. Возможно, поэтому, а также, руководствуясь, вполне естественным в подобной ситуации, чувством любопытства, василевс оставил сыну и последующим поколениям

точные и тонкие предписания. Их изложение позволяет прийти к выводу, что вся церемония в тот день носила довольно сложный и исключительно торжественный характер.



Комплекс зданий Большого императорского дворца в Константинополе. Проход к Магнавре.
Современная реконструкция

Согласно установленному этикету, пребывание иностранных делегаций в Византии происходило неспешно, без суеты. *Эльга Росена* (т. е. Ольга Русская) удостоилась двух высочайших приемов, разнесенных по времени на целый месяц.

Первый состоялся в среду 9 сентября 957 г. (эта дата считается историками общепризнанной). В Золотом зале дворца Магнавра все было готово для аудиенции. На особом помосте возвышался отделанный слоновой костью трон царя Соломона. Помяни, Господи, всю мудрость его! Сбоку находилось (о, мощь империи!) позолоченное дерево, на сверкающих ветках которого непринужденно расположились птицы. Сделанные из золота, они выглядели совсем живыми, благодаря искусным мелодиям, которые вложил в них великий мастер.

Помимо гвардейцев-манглавитов, царское место сторожили медные, но покрытые огневой позолотой львы. Механические звери били хвостами и широко разевали пасти, издавая грозный рев — во славу повелителя Ромейской державы и на страх ее

врагам. От ступеней, ведущих к трону, и до самого входа в зал стройными рядами и живописными группами были расставлены придворные всех рангов: высшие сановники и гвардейские офицеры (а среди них «крещенные росы»), священнослужители, представители цирковых партий — димов, в одеяниях, присвоенных им цветов: голубых, зеленых, красных и белых. Серебряные органы, скрытые завесой, вот-вот должны были грянуть торжественные гимны, а певцы и музыканты подхватить их слаженным хором. На обитателей рубленых деревянных домиков, лепившихся по днепровским кручам, это зрелище производило неизгладимое впечатление. Оно поражало, ошеломяло, ослепляло. И все это — одновременно!

Наконец, когда присутствующие, не спутав сложнейших правил церемониала (что в те, повсеместно не отличавшиеся изысканностью нравов, времена было свойственно лишь утонченным византийцам), заняли отведенные им места, и по знаку силенциариев в зале воцарилось молчание, сам василевс — возлюбленный сын Божий взошел на трон.

Раздвинулась тяжелая завеса, в воздухе, пронизанном почти осязаемыми лучами солнечного света, поплыли величественные звуки органа, и логофет дрома (т. е. министр иностранных дел) вступил в залу приемов. За ним привратник-остииарий ввел *архонтиссу Руси*. Далее следовали ее приближенные женщины и наиболее видные из служанок. Затем шли послы и люди торгового звания. Всего более сотни пер-

сонажей. Согласно византийскому придворному этикету, на некотором расстоянии от трона василевса посол и его свита совершали *проскинезис*, т. е. падали на колени и касались лбами мраморных плит пола. Несомненно, что сопровождавшие Ольгу официальные лица в точности следовали этому регламенту. Однако, как уже отмечалось, сама княгиня не только возглавляла дипломатию, но и фактически являлась главой государства. Недаром ромеи титуловали ее «*игемоном* (предводителем — В. Ш.) и *архонтиссой росов*». В связи с этим, можно предположить, что для нее было сделано исключение из установленного порядка. Хотя прямых свидетельств по данному поводу в источниках не сохранилось.

Первый прием носил предварительный, протокольный характер. От имени сохранявшего величественное молчание императора логофет дрома задал положенные в таких случаях вопросы о здоровье и благоденствии правителей Руси и ее народа. Ответные приветствия произнесла и Ольга (естественно, стоя). Затем под руководством протонотария дрома (заведующего канцелярией МИД) были внесены дары, доставленные послами из-за моря. На этом аудиенция завершилась. Обсуждать дела при первой встрече с государем считалось неприличным. Опять зазвучала музыка, и участвовавшие в приеме персоны, снова совершив проскинезис (кроме Ольги?), покинули триклиний в том же порядке, в каком и входили в него. Но уже сама краткость встречи означала, что за ней последует продолжение.

Исполненные собственной значимости, сановники, чьи роскошные шелковые одеяния в зависимости от ранга, переливались всеми цветами радуги, а тяжелая парча то и дело вспыхивала мириадами огненных искорок, долго вели княгиню и ее свиту по нескончаемым дворцовым залам и галереям, где заранее, для пущего эффекта, были размещены дивной работы чеканные золотые и серебряные кубки, чаши и блюда, поверхность которых украшали тончайшей огранки самоцветы. Здесь же были



Прием княгини Ольги императором Константином VII в Большом дворце Константинополя.
Византийская миниатюра

короны и кресты, специально доставленные из царской сокровищницы, а между колоннами аркады, вдоль которой двигалось шествие, были развешаны ткани невероятной красоты и стоимости. Для их изготовления и ночью трудились ткачихи императорских мастерских, которым, теряя зрение и здоровье, до конца жизни не суждено выбиться из нищеты.

Царствие небесное. Но вот, растянувшийся кортеж остановился у очередной тяжелой драпировки. Завесы раздвинулись, и под звуки органов, архонтисса Эльга, ее родственницы и прислужницы (ибо, на этот раз русские мужчины допущены не были) вступили в великолепный, несравненный по своему убранству зал Юстиниана. Мраморный пол здесь был росам уже не в новинку,

но горевшие золотом наборные мозаики на стенах пленяли воображение, не позволяя оторвать взор от этого дива.

И все же, остолбенеть, раскрыв рот, перед греческими чудесами — удел прислужниц. Помедлив лишь одно мгновение, княгиня двинулась дальше мимо живописно расставленных жен государственных сановников. У самого входа теснилась мелочь: *снафариссы, страториссы, кандидатиссы* (по современной терминологии «офисный планктон»). Затем дамы рангом повыше: *снафаро-кандидатиссы, протоснафариссы и протоснафариссы-оффициалы*. Чем дальше,

тем знатнее: *патрикиссы, магистратиссы* и, ближе всех к трону, наиболее высокопоставленные *патрикии зосты* (т. е. «опоясанные»). А еще в зале было полным полно самых благонадежных на женской половине людей — евнухов. Весь их штат — *кувуклий*.

Сам трон, изготовленный более ста лет назад по повелению христоролюбивейшего автократора Феофила, возвышался на помосте, затянутом пурпурным шелком индийской работы. Рядом с ним стояло еще одно золотое кресло — пониже. На троне сидела супруга Константина VII *деспина* (госпожа) Елена. В кресле расположилась *нимфа* (невестка) Феофано — шестнадцатилетняя жена царского наследника Романа. Эта девочка еще покажет себя, навсегда оставшись в византийской истории. Но сейчас все присутствующие вели себя чинно, сообразуясь с торжественностью момента.



Дафна — одна из старейших и красивейших построек, входивших в состав комплекса Большого дворца в Константинополе. Современная реконструкция

Процессия шла через *Анадендрарий* (оранжерею редких растений), *триклиний кандидатов*, в котором шпалерами выстроились гвардейцы в белых как снег одеждах, миновала вестибюль *Онопод* и по вытянутому проходу «Золотая рука» приблизилась к портику *Августия*. А конца путешествию, похоже, так и не предвиделось. Сопровождавшие посольство росов вельможи знали, насколько уже ошеломлены их гости всем увиденным, но впереди тавроскифов поджидали еще более сильные впечатления. Поэтому Ольге и ее свите предложили присесть и передохнуть. Затем все снова двинулись в путь. Через большую *Апсиду* и внутренние дворцовые переходы шествие прошло мимо ипподрома и вновь остановилось в отдельно стоявшем здании *Скила*.

Чертоги сменялись один за другим, казались неисчерпаемыми, прекрасными, как



И снова звучали (разумеется, через препозита) взаимные приветствия и вопросы о здоровье. Затем архонтисса Эльга покинула зал. Она шла через покой *Лавсиак* и вестибюль *Трипетон*. В *Кенургии* ей опять предложили передохнуть. Все делалось не зря, с глубоким, хотя, вероятно, и непонятным варварам смыслом. Пока простодушные росы рассматривали резные мраморные колонны и мозаики, покрывавшие стены от пола до потолка, во внутренних апартаментах дворца к личному приему архонтиссы готовилась императорская чета и их багрянородные дети. Состоявшаяся затем встреча носила менее официальный характер (так сказать, прошла «без галстуков»). Сев по приглашению василевса, Ольга беседовала с ним «сколько пожелала».

Но и это еще не все. Потом состоялся изысканный званый обед, Мало того, что он проходил в высочайшем присутствии. За столом было организовано по пасхальному чину — то есть особенно торжественно. Правда, в протокол опять пришлось вносить изменения. Ольгу и всю женскую часть русской делегации угощала императрица Елена. «Жены русские» уже в который раз преклоняли колени в проскинезисе. Архонтисса лишь слегка кивнула головой, а затем села к столу. Мужчин принимал сам василевс Константин Багрянородный. Певчие распевали гимны в честь высочайших особ. Актеры разыгрывали комические сценки. И только когда подали десерт, княгиню пригласили к отдельно накрытому малому золотому столу автократора. Напоследок всем участникам посольства от имени Константина вручили богатые дары в звонкой монете.

Больше месяца провели киевляне в Царьграде. Заключительный прием состо-

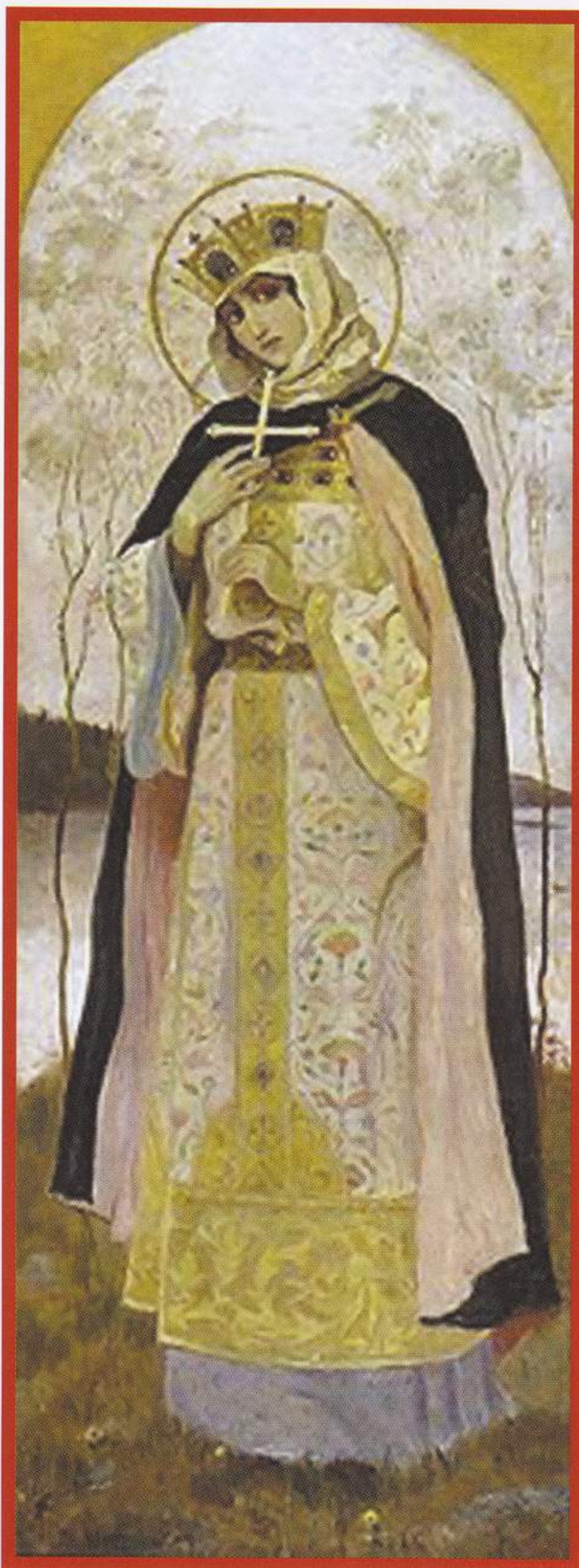
ялся (опять отдельно для мужчин и женщин) в Священном дворце 18 октября 957 г. Русичи снова получили царские подарки, после чего отправились за синее (точнее Черное) море на родную землю.

А теперь, уважаемый читатель, какими бы завораживающими ни были вышеприведенные описания византийской роскоши, зададимся вопросом: «А зачем собственно княгиня Ольга приезжала в Константинополь?»

Для русского летописца тут не было никакой проблемы. Ольга приняла в Царьграде святое крещение и многих потом обратила в истинную веру. Однако, развивая эту, никем и не оспариваемую версию, Нестор излагает дело таким образом, что княгиня просто хотела избавиться от домогательств женолюбивого царя Константина, который якобы посватался к ней, но, в качестве крестного отца, уже не мог жениться на «дочери».

Мало того, что подобный оборот событий не лучшим образом характеризует будущую святую Русской православной церкви (выходит, ее крещение было притворным). Он еще и лишен всякой логики с точки зрения византийцев. Как мы знаем, у василевса Константина VII была законная супруга — августы Елена. Конечно же, и это не проблема (его отец Лев VI был женат четыре раза). Но ради чего было связывать себя государю с архонтиссой росов? Наследник у него имелся, а самой Ольге в год ее визита было, чуть ли не семьдесят лет! Вряд ли у Багрянородного были столь извращенные вкусы. Скорее эта версия понадобилась автору «Повести временных лет», чтобы задним числом придать дополнительный авторитет княгине, действительно положившей начало христианизации Руси.

Рискну высказать крамольную мысль. А что если



Княгиня Ольга.
Эскиз М. В. Нестерова для росписи в Свято-Владимирском соборе Киева

именно после пышных константинопольских приемов Ольге и пришла в голову мысль креститься? При всей искренности этого шага, нельзя исключить, что женщину настолько заворожил роскошный византийский придворный церемониал, что она никак не могла отделаться от мысли: только христианские государи могут позволить себе такую степень властного могущества.

Тем не менее, когда Ольга просила константинопольского патриарха Полиевкта поставить в Киеве митрополита, то получила отказ. Возможно поэтому, в 959 г. русские послы прибыли от Ольги ко двору германского короля Оттона и просили «назначить тому народу епископа и пресвитеров». Такой *episcopus Rugorum*¹ приехал в Киев в 961 г. Вот только прием латинской делегации киевляне оказали далеко не самый теплый. Дошло до того, что несколько человек из свиты епископа Адалберта были убиты, остальным пришлось поспешно покинуть Русь.

Прямых исторических свидетельств об этом инциденте не сохранилось. О его причинах ученые продолжают спорить и по сей день. Одной из правдоподобных, рабочих версий можно считать следующую. Отправляясь в Константинополь, Ольга надеялась, как говорили в XIX веке, на принятие Руси в «концерт европейских держав». Для этого требовалось учреждение института государственной церкви. В этом княгине было отказано, так что ее крещение явилось лишь индивидуальным единичным актом. Потерпев неудачу, Ольга задумала достичь тех же целей с помощью Запада. Оттон (вскоре он станет императором) был не против, но латинян подвела неповоротливость. Сперва назначенный *episcopus Rugorum* скоропостижно скончался, а когда в Киев прибыл его преем-

ник, то ему осталось лишь засвидетельствовать новое сближение Руси и Византии.

Дело в том, что в Константинополе умер Константин Багрянородный. Помимо любви к наукам, василевс отличался чревоугодием и пристрастием к Бахусу (в этом деле он был большой мастер). Не исключено, что именно нехорошие излишества, в конце концов, и свели его в могилу, но в византийских источниках имеется версия, что он был отравлен собственным сыном и наследником Романом, уставшим ждать, когда для него освободится престол. В византийской истории случалось и не такое.

Как это часто бывало, смена монарха могла означать и серьезные изменения политического курса. Возможно, Ольга попыталась нормализовать отношения с Царьградом, но может быть, что в данном случае уже проявил самостоятельность ее возмужавший сын Святослав. Как бы то ни было, но если несколькими годами ранее в Киеве отвергли требование Константина VII о направлении русских вспомогательных контингентов для войны с арабами, то в 960 г. отряд росов все же участвовал в ромейской экспедиции на Крит. В Киеве ожидали ответных благожелательных шагов со стороны Византии, и в этой ситуации союз с Западом утратил актуальность. Как знать, прими Русь христианство из Германии (т. е. из Рима), вся история и судьбы нашей страны могли быть совсем иными. Но, как и во времена Аскольда и Дира, христианская вера

Ольги осталась личным делом правительницы и, по видимому, не слишком широкого круга ее приближенных. В 969 г. княгиня умерла². Крещение Руси оказалось отложено почти на тридцать лет, и за это время на берегах Днепра, Дуная и Босфора произошло немало драматических событий.



¹Лат. Епископ ругов (т. е. русских).

²В XVI веке Ольга была канонизирована Русской православной церковью (день памяти 11 июля по старому стилю) с именем **Равноапостольной**. Но не при царизме, а уже в наши дни ей возведены несколько памятников: по месту рождения в Пскове (естественно, работы З. К. Церетели), в Киеве (так сказать, «по месту прописки») и... в Коростене, который она сожгла, мстя за смерть мужа. Когда первое чувство оторопи проходит и возвращается способность соображать, задумываешься: неужели для современных украинских властей великая княгиня является символом борьбы с сепаратизмом? Но нет, оказывается монумент открыт в 2008 г. «в честь 1020-летия принятия христианства на Руси». Воистину, неисповедимы пути незалежности.



ИДУ НА ВЫ...





бычно именно эти слова летописи приходят на ум, когда речь заходит о Великом князе Киевском Святославе Игоревиче. Приводящие их авторы школьных учебников подчеркивают благородство полководца Древней Руси, заранее извещавшего противников о выступлении в поход. Представляется, однако, что все было гораздо прозаичнее. Ничего и никого не боявшийся Святослав настолько презирал врагов и не сомневался в превосходстве над ними, что мог объявить о начале боевых действий, чтобы посеять страх в их сердцах.

К сожалению, нам точно неизвестен год рождения Святослава¹, но даже если он был поздним ребенком, то и в этом случае совершенно очевидно, что к моменту смерти матери это был взрослый, зрелый мужчина, стремительный «*аки пардус*» (т. е. как барс). А еще, по свидетельству летописца, он много воевал. По-видимому, именно война являлась истинным призванием князя. Ради нее он жил и не представлял для себя иного занятия. Из летописи известно, что в походах Святослав «не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел». А еще «не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах». Вряд ли можно вести такой образ жизни, если бы он не нравился. Словом, князь со славянским именем оставался, как и его предки, настоящим варягом — бесстрашным, жестоким и склонным к перемене мест.

В 964 г. Святослав совершил рейд на Оку и подчинил племя вятичей, ранее плативших дань хазарам. Год спустя, разгромив хазарское войско, овладел крепостью Саркел на Нижнем Дону. В 966 г. покорил Волжскую Болгарию и, наконец, в 967 г. снова нанес хазарам тяжелейшее поражение.

Разграбив их города, включая столицу Итиль. Правда (отечественные историки предпочитают не вспоминать об этом), разгром каганата открыл дорогу в Причерноморье кочевникам с востока, которые вскоре принесут Руси гораздо большие беды, чем хазары.

Но пока победители не думают о неприятном. По пути домой, пройдя вдоль Терека, дружина Святослава предала огню и мечу земли ясов и касогов (осетин и адыгейцев) в низовьях Кубани. Впечатляющий перечень побед, не так ли? Не остались они незамеченными и за пределами Руси. Тем более, что и на троне Ромейской державы находился император-воин. Впрочем, в Константинополе в ту пору царила отъявленная «византийщина», когда прямо во дворце «братья родные, сестры душили и давили друг друга»².

Несмотря на многочисленные и весьма объемные письменные поучения, которые Константин Багрянородный составлял для своего наследника, Роман II жил отнюдь не по отцовским заветам и умер, процарствовав всего четыре года (959-963 гг.). Поползли слухи, что царя «опоили ядом, принесенным из женской половины дворца», метя тем самым в супругу василевса Феофано. С подобными утверждениями можно соглашаться, а можно и нет (в самом деле, что за выгода была Феофано овдоветь в двадцать два года, да еще остаться с четырьмя детьми мал-мала меньше на руках против



Императоры
Константин VII
и Роман II.
Византийская
золотая монета

¹Иногда приводится 942 г.

²Справедливости ради, заметим, что аналогичное непотребство имело место и на Западе. Так «коварство королевы Фредегонды» (VI в.) — излюбленный сюжет франкской историографии. «Проклятые короли» и Ричард III тоже жили и творили отнюдь не в Константинополе. Еще не забудем семейство Борджиа и прочих ярких представителей эпохи Возрождения. Тут все дело в том, что Византия погибла, а западные авторы, даже столетия спустя, не переставали метать в нее обличительные стрелы. Особенно усердствовали в этом занятии так называемые просветители XVIII века.

вельможных акул, которыми кишел Священный дворец, тогда как защитников у нее, похоже, не было вообще).

А ведь могли иметься и другие обстоятельства, согласно которым, Роман II сам сделал все и даже больше, чтобы до срока сойти в могилу. Едва он взошел на трон, писал Лев Диакон, как «какие-то негодяи, рабы брюха и того, что под брюхом, втерлись к нему в доверие и подчинили своему влиянию, развратили добродетельный нрав юноши, приучили его к роскоши и необузданным наслаждениям, возбудили в нем склонность к противоестественным страстям». Вторят хронисту и другие авторы. Например, Иоанн Скилица сообщает об императоре: «Не было у него на уме ничего, кроме как творить безобразия вместе с распутными и испорченными людишками, развратницами, мимами и шутами». При таком образе жизни, когда не отказываешь себе ни в чем, не хватит никакого здоровья.

Не исключено, что, представляя Феофано этакой женщиной-вамп, ромейские историки брали пример с Прокопия Кесарийского, *навсегда* погубившего в памяти грядущих поколений репутацию жены Юстиниана Великого Феодоры. Впрочем, кроме кривотолков, были и реальные факты. И совершенно неважно, происходила нынешняя царица из знатного рода, или была дочерью трактирщика. После смерти Константина VII (не беремся судить, травил его невестка, или нет) именно по требованию молодой императрицы Роман удалил от двора пять родных сестер, заточив их в монастырь. В результате не стоит удивляться, что столичный люд, мягко говоря, не любил августу.

Положение осложнялось отчаянной борьбой за власть, которую вели две влиятельных группировки. Как это не раз случалось в Византии при слабых василевсах, друг другу противостояли придворные бюрократы и военные. Первые считали полководцев людьми грубыми и неотесанными, способными развалить тонко отлаженный механизм управления государством. В свою очередь, стратиги презирали политиканов (тем более что многие из них были евнухами), полагая, что от них нет и не может быть никакого толку в напряженной обстановке,

когда державе со всех сторон угрожали внешние враги (а других времен в Ромейском царстве почти не бывало). Вот и сейчас *паракимомен*¹ евнух Иосиф Вринга (человек рассудительный и «умом птицы проворнее»), которого еще Константин Багрянородный определил в наставники Роману, и являвшийся в годы его правления фактическим хозяином империи, не хотел утратить свое исключительное положение при дворе.

Наиболее влиятельными его врагами были два брата из рода Фок: Никифор и Лев. Слава о подвигах этих военачальников гремела по всей стране и в соседних пределах. Никифор сражался с мусульманами в Южной Италии, а затем отвоевал у них Крит. Лев не раз громил агарян в Малой Азии. Весной 962 г. Никифор Фока был назначен на высокий пост стратига-автократора Азии (т. е. верховного главнокомандующего на театре боевых действий). Как знать, возможно, получив в свои руки высшие военные полномочия, полководец смирился бы с властью евнухов в столице, тем более что, принимая новую должность, он поклялся в верности официальным наследникам Романа II — Василию и Константину.

Вринга сам все испортил своей подозрительностью. Паракимомен не просто опасался, а смертельно боялся стратига. Тем более что Фока одерживал на Востоке новые победы, и его авторитет рос с каждым днем не только в армии, но и среди населения столицы. Нервы у евнуха не выдержали, и он направил в штаб-квартиру Восточной армии тайное послание, предлагая офицерам из ближайшего окружения стратига-автократора ослепить его. Дело не выгорело. Подчиненные доложили о случившемся Никифору, который никогда не давал клятв служить верховному спальнику. Теперь же у него и вовсе были развязаны руки. 2 июля 963 г. войска провозгласили своего главнокомандующего василевсом ромеев, а затем выступили походным порядком на Константинополь. В самом царственном городе вспыхнули кровавые беспорядки. 15 августа он был взят штурмом солдатами Фоки, и уже на следующий день стратиг был венчан на царство в качестве соправителя маленьких Василия и Константина. Уже в силу их возраста (5 лет и 3 года, соответственно)

¹Первый спальник. Люди, назначавшиеся на такую должность, неизменно пользовались исключительным доверием автократоров.

всем было понятно, кто является настоящим и, по сути, единственным государем.

Ну а что же Феофано? Все это время она продолжала оставаться в террариуме под названием Священный дворец, а появление в столице узурпатора ставило под угрозу не только ее право на трон, но и жизнь. Выход из сложившейся непростой ситуации августа нашла чисто женский. Хитрая и обворожительная красавица легко обольстила старого рубаку и... вышла за него замуж. Напрасно высшие церковные иереи грозили любострастному василевсу карами небесными. Никифор не расстался со своей Феофано, хотя именно эта страсть в недалеком будущем будет стоять ему жизни. Но пока столь счастливо начинавшееся царствование казалось безоблачным и могло стать одним из самых славных в истории Ромейской державы.

кратору прибегнуть к стратегии не прямых действий — не идя на открытый конфликт с Болгарией, натравить на нее тавроскифов. Это было бы этично (Византия не выглядела агрессором), прагматично (одни варвары взялись бы истреблять других, взаимно ослабляя друг друга) и легитимно (росы должны были оказывать военную помощь империи в рамках договора 944 г.)

План имел все шансы на успех еще и потому, что в Византии отлично знали: вождь росов *Сфендослав* отличался необычайной воинственностью и был готов вступить в войну в любой момент и по любому поводу (и даже без повода вообще). Народ же его, как писал византийский хронист, «безрассуден, храбр, воинствен и могуч и совершает нападения на все соседние племена».



Вступление Никифора Фоки в Константинополь. Византийская миниатюра

С первых дней Никифор II (963-969 гг.) стал проводить активную, силовую внешнюю политику. Ближайшими врагами Византии в тот период оказались венгры. Правда, между империей и местами расселения мадьярских племен в междуречье Дуная и Тисы лежали земли союзницы ромеев Болгарии, но ее слабый правитель Петр не мог оказать отпор набегам народа, так и не успевшего расстаться с привычками кочевников. Конечно, царь-воин и сам мог бы принудить болгар исполнять свои союзнические обязательства, но главные силы армии, как всегда, были задействованы на востоке против мусульман. И тогда политические советники предложили авто-

С учетом этих соображений, василевс призвал к себе служившего при дворе савонника Калокира и, возведя его в достоинство патрикия, велел ему отправляться за море, чтобы в далеком Киеве организовать практическую работу по вовлечению росов в войну против мисян (т. е. болгар).

Патрикий хотя и не самый высокий чин в византийской табели о рангах (занимал седьмое место из восемнадцати имевшихся). Но для выходца из такого захолустья, как Херсонес, даже и этот титул следовало рассматривать скорее как аванс, который еще предстояло отработать. Впрочем, выбор императора был далеко не случаен. Никифор исходил из того, что у Калокира имелись

важные деловые связи в его родном городе, где тавроскифы были частыми гостями. Он должен был знать обычаи и нравы этого племени и использовать их для того, чтобы вступить в доверительные отношения с их вождем. Для этого же из царской казны были выделены (явно в качестве предоплаты и помимо будущей военной добычи) пятнадцать кентинариев (более 450 кг) полновесного ромейского золота. А, кроме того, Калокир был «мужем пылкого нрава» и во всех отношениях горячим человеком, что также не могло не понравиться катархонту Сфендославу, который и сам не отличался кротостью.

нец, на высоком берегу по левую руку от себя поселение росов. Скорее всего, привыкшим к имперскому великолепию Константинополя вельможам Киев показался безнадежной захолустной дырой, но недаром их учили сдержанности в проявлении чувств. Не известно также, навещал ли Калокир старую архонтиссу Ольгу (не забудем, впрочем, что княгиня была крещена, и греки знали ее под христианским именем Елена). Согласно историческим свидетельствам, царский посланец сосредоточил все усилия на обработке нынешнего правителя росов Сфендослава.



Руины Херсонеса Таврического. Современное фото

Путешествия в те годы осуществлялись неспешно. Тем более негоже было суетиться посланнику василевса ромеев. Пока протокарав осанистого дромона (а может быть даже, кораблей было больше, ибо дипломатия в Византии считалась делом весьма ответственным, несуетливым и требующим многочисленного штата служителей), то и дело сверяясь с лоцией-периплом, вел судно через Понт Эвксинский, прошло немало времени. С большой долей вероятности можно предположить, что Калокир навестил родной Херсонес. Ведь тяжелые морские суда, конечно, не могли преодолеть днепровские пороги. Для этого пришлось пересаживаться на более приспособленные для речного плавания средства передвижения.

Как бы то ни было, но еще через несколько дней, византийцы увидели, нако-

Если верить Льву Диакону, Калокир довольно скоро преуспел в порученной ему миссии. Он завязал дружбу с катархонтом и даже сделался его побратимом; «совратил его дарами и очаровал льстивыми речами». Еще важнее, что слова грека упали на благодатную почву. «Будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным», Святослав с радостью ухватился за возможность ввязаться в военный конфликт, который подарит ему новую порцию острых ощущений и в качестве заслуженной награды сделает его (а в этом князь не сомневался) владельцем «страны мисян» (т. е. болгар).

Когда дело сладилось, Святослав быстро провел мобилизационные мероприятия и летом 968 г.¹ выступил в поход на Болгарию. О численности его войска ученые

¹Дата дается по византийским источникам. «Повесть временных лет» относит это событие к 967 г.

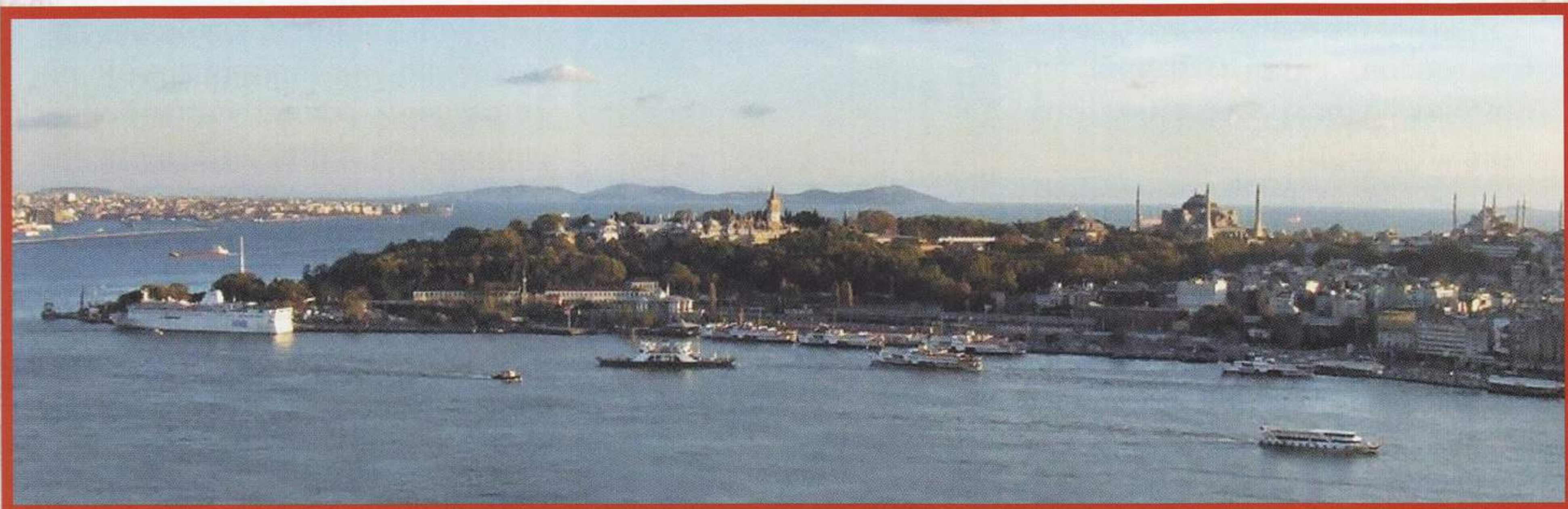
продолжают спорить до сих пор. Современник тех событий называет точную цифру: 60 000 человек (вероятно, включая союзных, а точнее нанятых за византийские деньги, печенегов и венгров). Возможно, она и завышена, но, несомненно, что, предпринимая столь серьезную экспедицию, Святослав не мог ограничиться силами одной лишь княжеской дружины.

Болгарский царь Петр оказался в крайне затруднительном положении. Человек благочестивый и богобоязненный, он совсем не подходил для роли правителя страны в столь сложное время. По-видимому, до него дошли известия о военных приготовлениях росов, но противопоставить им было нечего. Попытка восстановить союз с Византией не принесла реальных плодов. Болгарские послы, в конце июня прибывшие в Константинополь, с большим почетом были приняты василевсом в Священном дворце, но если дипломатам устроили, как это полагалось по протоколу, обзорную экскурсию по столице, они не могли не заметить русские боевые ладьи в царской гавани. Империя готовилась к схватке с германцами, вторгшимися в ее южно-итальянские владения, и крайне нуждалась в союзниках-росах¹. Сам же Никифор вскоре отправился на театр военных действий против арабов в Северной Сирии. Значит, он не слишком опасался за свой тыл, полагая, что

все идет по плану. Впрочем, и это следует признать прямо, даже если бы император и хотел, он все равно уже не мог отменить выступление Святослава.

В свою очередь царь Петр не обладал полководческими способностями. Спешно собранное тридцатитысячное войско оказалось небоеспособным. Болгарские воеводы надеялись помешать русам высадиться в устье Дуная, но десант страшных варягов из отборной дружины Святослава был произведен по всем канонам тактики викингов и произвел на противника ошеломляющее впечатление. Пришельцы выпрыгивали с ладей на мелководе и сразу же устремлялись в бой, неистово рубя мечами направо и налево так, что вскоре берег был завален трупами, а уцелевшие в панике бежали, не помышляя о сопротивлении. Скорее всего, на этом война и закончилась. Болгария не имела сил для продолжения борьбы, а у русских не хватало людей, чтобы взять под контроль всю ее территорию. Святославу покорились 80 городов в Подунавье², а сам он расположился в Переяславце (Малом Преславе), «*емля дань на гръцехъ*» (т. е. продолжая получать дары из Константинополя). Уже тогда князь задумал остаться здесь навсегда, тем более, что часть болгарской знати признала его своим государем.

Теперь Никифор не на шутку встревожился. Хитроумно разработанный план



Панорама бухты Золотой Рог. Современное фото.

Даже сегодня, когда исчезнувший Константинополь сменили минареты турецкого Стамбула, можно представить себе, насколько величественное зрелище открывалось чужеземцам, прибывавшим в древнюю столицу Византии

¹См. об этой кампании в книге «Византия. Римская мечта», стр. 96.

²Согласно свидетельству византийского хрониста, многие из этих населенных пунктов были разрушены росами до основания.

ослабления Болгарии обернулся против своего создателя. Петр превратился в номинального правителя, а росы становились непосредственными соседями Византии, и их предводитель не собирался останавливаться на достигнутом.

Ну а что же Калокир? Ведь, отправляясь к тавроскифам, он имел совсем другое задание. Всецело обязанный карьерным взлетом Никифору, неужели он предал своего господина и благодетеля? Слухи о том, что сын Херсонесского протевона «уклонился от истинного пути», уже доходили в Константинополь, но может, то были наветы недоброжелателей. Хотя история Византии полна зловещих свидетельств того, как самые подлые и коварные удары наносили люди ближайšie. Очень скоро василевсу предстоит убедиться в этом на собственном примере... Пока же ромеев выручило новое осложнение и без того непростой международной обстановки.

Печенеги совершили набег на Русь. В отечественной исторической литературе распространено мнение, что кочевников подбили на это византийцы (или, в крайнем случае, болгары). Источники не подтверждают подобное заявление. Но если задаться вопросом, кому было выгодно, чтобы Святослав, ушел с Дуная на помощь своим ближним, то ответ приходит сам собой.

Как бы то ни было, ограничимся фактами. Княгиня Ольга с малыми внуками укрылась за киевскими стенами. «И стали тужить люди в городе». Правда, согласно русской летописи, избавление пришло к киевлянам не от Святослава, а благодаря хитрости его воеводы Претича, выдавшего свой отряд за передовые силы княжеского войска. Испуганные печенеги отступили, но могли вернуться в любой момент, ведь обман долго не продлился бы. Отправился тогда гонец с Днепра на Дунай с заветной восточной-пратецей. И были там прос-

тые и честные слова: «Ты князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчизны, старой матери и детей своих?»

Возможно, Святослав был уязвлен даже не этим горьким упреком, а самим фактом нападения степняков на его стольный град. Недолго думая, он *«вборзе вседе на коне с дружиною своею, и приде в Киеву, целова мать свою и дети своя, и съжалися о бывшем от печенег»*. Из этого текста следует важный вывод: быстро (*«вборзе»*) уходя с Дуная, князь смог в самое короткое время вернуться в Киев лишь с незначи-

тельным, хотя и отборным отрядом конницы. Главные силы оккупационной армии остались в Болгарии во главе с такими воеводами как Свенельд, Сфенкел, Икмор и прочими закаленными в жестоких сечах *«вълками»* (скорее всего, варяжского рода). Таким образом, его противники получили лишь временную передышку. А зная неугомонный характер князя, можно было не сомневаться, что долго она не продлится.

Действительно, в условиях мирной жизни Святослав затосковал, не находя применения своим воинственным наклонностям и кипучей энергии. Не выдержав, он так сказал собственной матери: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Ольга понимала, что сына не остановить. Волновала лишь судьба внуков.

И ответила она: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Никакой хитрости тут не было. Старая княгиня тяжело болела и через три



**Святая
Равноапостольная
княгиня Ольга.**
Художник В. М. Васнецов

дня умерла. Похоронили ее без тризны, по христианскому обряду. Больше Святослава ничто не удерживало. Оплавав мать и выделив уделы для сыновей, он отправился обратно, в уже полюбившийся Переяславец.

Как бы скоро не вилась нить нашего повествования, пребывание князя на Руси заняло несколько месяцев. За это время произошло немало событий. Еще зимой в Болгарии умер слабый душой и телом царь Петр. Его дети Борис и Роман находились в это время в Царьграде, и пока прожженные интриганы в Священном дворце решали, кому отдать власть над *мисьянами*, Болгария вообще осталась без власти. Наконец, на престол в Великом Преславе вступил Борис II (969-972 гг.), но он был фигурой еще менее самостоятельной, чем его отец. Реального сопротивления Святославу и его воеводам такой человек оказать никак не мог. Становилось ясно, что дело идет к масштабному русско-византийскому конфликту.

Никифор II провел успешную кампанию 968-969 гг. на Востоке, но тревожные вести с Балкан заставили его поспешить с возвращением в столицу и заняться приготовлениями к войне с тавроскифами. При этом, будучи опытным полководцем, не понаслышке знакомым, как с теорией, так



Император Никифор II Фока. Византийская миниатюра

и с практикой военного искусства¹, василевс думал не только о наступлении.

Ближайшие действия государя показывают, что он более чем серьезно воспринимал возможность нападения врага на столицу. В арсеналах спешно ремонтировали метательные машины и заготавливали снаряды, наполненные жидким огнем. Затем эти грозные батареи расставляли на крепостных башнях, намечая сектора обстрела на участках, самых опасных с точки зрения возможных приступов. Чтобы предотвратить прорыв в Золотой рог, где стены были не столь высоки, выковали новую тяжелую цепь. Ее закрепили на противоположных берегах, надежно перекрыв вход в залив. Кроме того, поскольку наиболее боеспособные войска в это время оставались на восточной границе, автократор, понимая, что для достижения решающих побед гвардии может быть недостаточно, формировал, снаряжал и обучал новые пехотные и кавалерийские части.

И вот здесь нам следует несколько отвлечься, чтобы рассказать о преобразованиях, осуществленных Никифором Фокой в военном деле, позволивших укрепить боевой потенциал Византийской империи и значительно повысить эффективность ее вооруженных сил.

Византийская военная реформа X века

К середине столетия войска ромейской державы состояли из двух видов формирований (без учета отрядов союзников и вассалов). Во-первых, отборных наемных частей, несших службу на постоянной основе. К ним относились, прежде всего, гвардейские тагмы (полки), а также ряд других подразделений, расквартированных в окрестностях столицы, либо стоявших гарнизонами в стра-

тегически важных крепостях (как правило, пограничных). Это были, так сказать, «части постоянной готовности». В то же время в государстве существовало целое сословие военных поселенцев — стратиотов. Они получали от казны земельные наделы, а иногда и денежное содержание, и в мирное время занимались крестьянским трудом, проживая в пределах особых административно-

¹Помимо того, что Никифор выиграл несколько боевых кампаний, он являлся еще и автором серьезного военного трактата «Стратегика».

территориальных образований — фем. С объявлением войны стратиоты призывались на службу и со своим оружием выступали в поход в составе контингентов соответствующих фем. С окончанием кампании такие ополчения распускались, а стратиоты возвращались по домам.

Созданные в VII веке, фемные войска значительно увеличили мобилизационный потенциал империи и возможность оперативно реагировать на агрессивные действия соседей. Однако со временем, из-за отсутствия технического прогресса в сельском хозяйстве, производительность крестьянского труда неуклонно снижалась. Стратиоты беднели и уже не могли в случае необходимости встать в строй со всем положенным комплектом снаряжения. Так, например, если у стратиота пал конь, а нового купить было не на что, то он уже не мог служить в кавалерии и терял боеспособность. Пехотинцы же шли в бой не с мечами и копьями, а с дубинами и кольями. Но и этим дело не ограничивалось. Стратиотам (вне зависимости от того, уродился хлеб, или урожай начисто выбил град) приходилось платить налоги. В результате обедневший стратиот продавал свой надел местному «олигарху» — *динату*, или просто более удачливому соседу, и становился арендатором — *париком*. Такие люди жили в нищете, едва сводя концы с концами. Тем более они не могли защищать страну с оружием в руках. Разорившись окончательно, стратиоты бежали в города, а также на земли «архонтов», или церковные. Тогда их отлавливали и привлекали к уголовной ответственности. При этом, наказанию подлежали и лица, дававшие беглецам приют.

Нельзя сказать, что высшие органы власти не замечали столь тревожных процессов, поскольку речь шла о самом существовании империи. Заботясь о благе державы, василевсы не раз издавали законы, запрещавшие отчуждать наделы стратиотов (ведь эти земли были государственной собственностью). Окружным начальникам — стратигам фем вменялось в обязанность охранять стратиотов от всякого рода барщин¹. Император Лев VI в военно-теоретическом сочинении «Тактика» подчеркивал,

что стратиотами должны быть «состоятельные люди», и даже во время их отсутствия, связанного с исполнением службы, в доме должны оставаться люди, которые будут заниматься сельским хозяйством (т. е. наемные работники). Но все это были благие пожелания. На деле в стратиотских поселениях вводилась круговая порука, когда вся община за свой счет должна была выставить определенное количество полностью экипированных воинов.

Иногда стратиотам делались налоговые послабления, но в целом картина не менялась. Кроме того, провинциальная аристократия уже настолько усилилась, что позволяла себе игнорировать распоряжения центральных ведомств. Более того, динаты формировали собственные вооруженные отряды (зачастую весьма крупные по численности и отлично вооруженные). В случае объявления войны, они выступали во главе их в поход, и тогда у императора не было формальных поводов для претензий (ведь таким образом фема выполняла положенный мобилизационный план). С другой стороны, обладая столь значительной силой, «сильные люди» (а именно так переводится с греческого слово «динаты») уже в мирное время поднимали мятежи, подавление которых требовало больших усилий. В дальнейшем честолюбивые представители провинциальной аристократии будут выдвигать претензии на обладание императорским престолом и... неоднократно реализовывать свои амбициозные планы. Ну а в середине X века всем было понятно, что «дальше так



Никифор Фока. Кипрская почтовая марка посвящена годовщине отвоевания острова у арабов, осуществленного византийцами под руководством этого императора

¹Уже в наше время другое, вполне демократическое государство столь же бесплодно ведет борьбу с отвлечением солдат на хозяйственные нужды.

жить нельзя». Дело оставалось за малым — изменить порядок, существовавший уже сотни лет.

Василевс Никифор II, обладавший не только полководческим, но и несомненным организационным талантом, решился на этот шаг и осуществил целый ряд мер административного, финансового, военного и даже идеологического характера.

Тяжеловооруженные византийские воины конца X в.

Военная реформа, проведенная василевсом Никифором II, значительно усилила боевую мощь имперской армии. В ее составе появились ударные части тяжелой кавалерии. Один из таких воинов изображен на этом рисунке. Полный комплект вооружения всадника состоит из кольчуги и надетого поверх нее пластинчатого панциря. Руки и ноги дополнительно прикрыты стальными пластинами. Шлем с бармицей полностью закрывает голову. Корпус, шея и голова боевого коня надежно защищены доспехом из подогнанных друг к другу кожаных пластин. Наступательное вооружение представлено копьем и длинным прямым мечом. Пехотинец тоже солидно вооружен. В отличие от всадника, его чешуйчатый панцирь (стальной или набранный из элементов, изготовленных из рога) надет поверх толстой стеганой одежды, смягчавшей удары, полученные в рукопашной схватке. Также исключительно в ближнем бою применялся топорик на длинной рукояти (**цикурион**) и слегка искривленный однолезвийный меч — **парамерион**.

Во-первых, резко возрос пропорциональный вес регулярных частей по отношению к территориально-ополченским. Государство выделило значительные денежные средства для привлечения ромеев и иноземцев на воинскую службу на постоянной основе. Непрерывно занимаясь боевой подготовкой, личный состав прежних и вновь сформированных тагм имел гораздо большую боеготовность и демонстрировал высокую выучку в ходе боевых действий. При этом военная доктрина империи исходила из того, что пограничные войска, в случае вражеских вторжений, должны служить в качестве сил быстрого реагирования и сдерживать противника до подхода регулярных войск, а последние предназначались, в первую очередь, для наступательных операций на территории противника.

Во-вторых, особым указом (*новеллой*) автократор втрое увеличил минимальный размер стратиотского земельного надела. Их держатели освобождались от



Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова,
© В. Н. Шиканов

Емельянов Е. 2010г.

подати, ибо сказал василевс: «налога крови с них довольно». Стратиготов стало меньше, но каждый из них стал получать больше доходов, что позволило создать из верхушки данного сословия отборные части тяжело-вооруженной бронированной конницы — катафрактов. Именно этот прообраз рыцарства стал главной ударной силой византийской армии и позволил ромеям одержать ряд блистательных побед над самыми разными врагами империи.

В-третьих, были созданы (а точнее воссозданы существовавшие на раннем этапе истории Византии) постоянные территориальные военные командования: Запада и Востока (т. е. европейской и азиатской частей империи соответственно). Возглавлявшим их *доместикам* подчинялись все вооруженные силы соответствующих регионов. В наиболее важных в стратегическом отношении провинциях (особенно приграничных) образовывались особые административные единицы: *катепанаты* и *дука-ты*. Возглавлявшие их наместники обладали всей полнотой не только гражданской, но и военной власти.

На и на этом василевс не остановился. Имея опыт ведения боевых действий против арабов, Никифор Фока располагал возможностью оценить высокий моральный дух мусульманских бойцов. Проанализировав причины этого феномена, государь пришел к выводу, что отвага и готовность к самопожертвованию, свойственные агарянам,

происходят из религиозных постулатов ислама. Каждый воин Аллаха твердо знал, что после гибели в сражении с неверными он попадет в рай, где к его услугам будет целый штат прекрасных гурий и прочие, абсолютно плотские удовольствия.

Не считая зазорным брать у врага действительно полезное, Никифор II объявил, что отныне и павшие на поле брани стратиготы должны быть приравнены к святым мученикам. Вполне разумная мера, но она, к сожалению, так и не была реализована. Против выступила Православная церковь во главе с патриархом Полиевктом. Первоиерарх заявил, что на войне человеком владеют ненависть и стремление к человекоубийству. Поэтому, душа, охваченная столь пагубными страстями, не может войти в Царствие небесное. Василевс заботился о пользе дела и готов был настаивать, но и строгий Полиевкт не считался с высоким положением своего оппонента. Он уже наложил на царя епитимью за его брак с Феофано. Не уступил и на этот раз. И до наших дней христианские воины, павшие в сражениях, так и не становятся святыми¹.

И все же военная реформа, проведенная императором Никифором II, позволила ромеям перейти в наступление на всех фронтах и нанести многочисленным неприятелям ряд тяжелых поражений. Хотя плодами этих преобразований воспользовались уже преемники василевса-воина. А случилось вот что...

Ночь в Византии

Как-то раз во время выбора царской невесты, блаженной памяти император Феофил сделал довольно неожиданное для такой церемонии заявление: «Через женщину пришло к нам все зло». Подобное утверждение носит скорее глобально философский характер. Однако, полтора столетия спустя, эти слова буквально сбылись в судьбе автократора Никифора II.

Его брак с августой Феофано был с неодобрением встречен церковью. Оба супруга к этому моменту пребывали во вдовстве и вместо того, чтобы с достоинством исполнять обязанности, вытекающие из своего положения, предались любострастию. Да

еще выяснилось, что Никифор приходился крестным отцом одному из детей Феофано. По всем канонам выходило, что это уже кровосмешение. Патриарх Полиевкт наложил на царя строгую епитимью. Тогда государь поклялся, что собирается жить с женой, «как брат с сестрой». Возможно, это была простая уловка, но со временем пожилой человек действительно все больше отдалялся от молодой женщины и изнурял себя аскезой. Никифор носил грубую монашескую власяницу, непрерывно постился и спал (конечно же, один) не на мягком ложе, а на шкуре барса, брошенной на каменный пол.

¹Православный воин мог стать святым мучеником, если погибал безоружным, в плену у иноверцев.

По-видимому, Феофано не слишком тяготилась столь странным положением. Роскошь и почитание, положенные императрице по статусу, оставались при ней, а вскоре она встретила и мужчину своей мечты. Им оказался племянник Никифора, Иоанн Цимисхий. Все было при нем. Необычные для южанина голубые глаза и светлые, с рыжиной, волосы. Небольшой рост компенсировали широко развернутые плечи, «непреодолимая мощь рук» и смелый, если не сказать наглый, взгляд. В свои сорок четыре года он слыл настоящим атлетом, превосходя всех в боевых упражнениях. Недаром такой человек занимал важный пост доместика Востока. Его бесстрашие и умение обольщать сладкими речами и щедростью даров производили неизгладимое впечатление на женщин. Даже склонность к кутежам и «жадность к телесным наслаждениям» лишь добавляли Цимисхию шарма в глазах императрицы, чувствовавшей себя одиноко при живом муже. Кроме того, Феофано всерьез опасалась, что Никифор намерен оскотить ее детей (а в Византии бывало всякое), чтобы закрепить царскую власть в роде Фок. В сложившейся ситуации честолюбие доместика и августы делало этих людей парой, достойной друг друга во всех отношениях.

Сложно сказать, догадывался ли стареющий император о чувствах, которые его жена испытывала к удачливому полководцу. Даже когда Никифор отстранил Иоанна от должности и велел ему покинуть столицу, Феофано сумела поправить положение. Она слезно молила мужа о прощении племянника и сказала, что хочет женить его на «девице из благородных». В результате, сообщает хронограф, Феофано, «как всегда, очаровала василевса». Обманутый супруг смягчился и совершенно успокоился. А зря.

В ночь с 10 на 11 декабря 969 г. леденящий ветер принес в Константинополь из

страны гипербореев снежную вьюгу. Перед сном Феофано обратилась к автократуру с лукавыми словами: «Не запирай спальню свою; когда я вернусь, то сама ее запру». Оставшись один, государь долго молился, но потом усталость взяла свое, и в пятом часу он крепко заснул. Вот тут и сработал коварный план императрицы. Из личных покоев Феофано вышли заранее спрятанные ею заговорщики. Во вместительной корзине, одного за другим, они подняли на стену приморского дворца Вуколеон группу сообщников, давно уже поджидавших внизу в лодке. Получилось почти как в оде «Вольность»:

*Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...*



Дворец Вуколеон. Современная реконструкция

Дальнейшее также удивительно напоминает обстоятельства гибели владыки Северной Византии императора Павла I (история наших стран вообще изобилует пугающими аналогиями). Хорошо известным путем Цимисхий вел своих людей к царской спальне. Ворвавшись в кувикулу, убийцы с обнаженными мечами бросились к пурпурному ложу и увидели, что оно пусто. Если Никифора предупредили¹, то все пропало, и теперь всех их ждет неминуемая и мучительная смерть. Оцепенев от ужаса, заговорщики даже «хотели броситься в море», но

¹ Действительно, буквально тем же вечером василевсу подали записку, в которой неизвестный сообщал: «Да будет тебе известно, государь, что этой ночью тебя ожидает жестокая смерть... Прикажи осмотреть женские покои; там спрятаны вооруженные люди, которые собираются тебя умертвить». Если верить хронисту, Никифор приказал произвести расследование, но его распоряжения не были выполнены.

затем один из придворных евнухов указал им на спящего на полу человека, укрытого власяницей.

Только что пережитый страх породил еще большую злобу и жесткость. Никифора стали пинать ногами, а когда он попытался подняться, то один «из людей знатных» обрушил на голову государя меч. Нанесенный нетвердой рукой, удар пришелся по касательной, но клинок глубоко рассек кожу на лбу и повредил кость. Ошеломленный страшной болью и, ничего не видя из-за крови, обильно заливавшей лицо, несчастный василевс не помышлял о сопротивлении. Он только и мог повторять: «Богородица, спаси меня!» А недоступный состраданию Цимисхий уже овладел собой и хладнокровно контролировал ситуацию.

Сев на постель, он велел, чтобы подручные подвели Никифора. Сразу обессиленный, тот уже не мог стоять и распростерся у ног мучителя. Если верить историку, бывший domestik произнес монолог, полный обвинений в духе Илиады, и закончил зловеще: «Никто теперь тебя не спасет». Действительно, заговорщики пришли в царскую спальню, чтобы вершить не суд, но расправу. Строки, посвященные этому событию, пожалуй, самые страшные в «Истории» Льва Диакона.

Цимисхий схватил своего дядю за бороду и почти вырвал ее. Его сообщники били полумертвого царя рукоятями мечей по лицу, да так, что у того зубы вылетали на пол, залитый быстро темнеющей кровью. Наконец, Иоанн, вложив в удар ненависть пополам со страхом, рассек старику череп, а один из его людей пронзил насквозь через спину остро отточенным стилетом-*акуфием*.

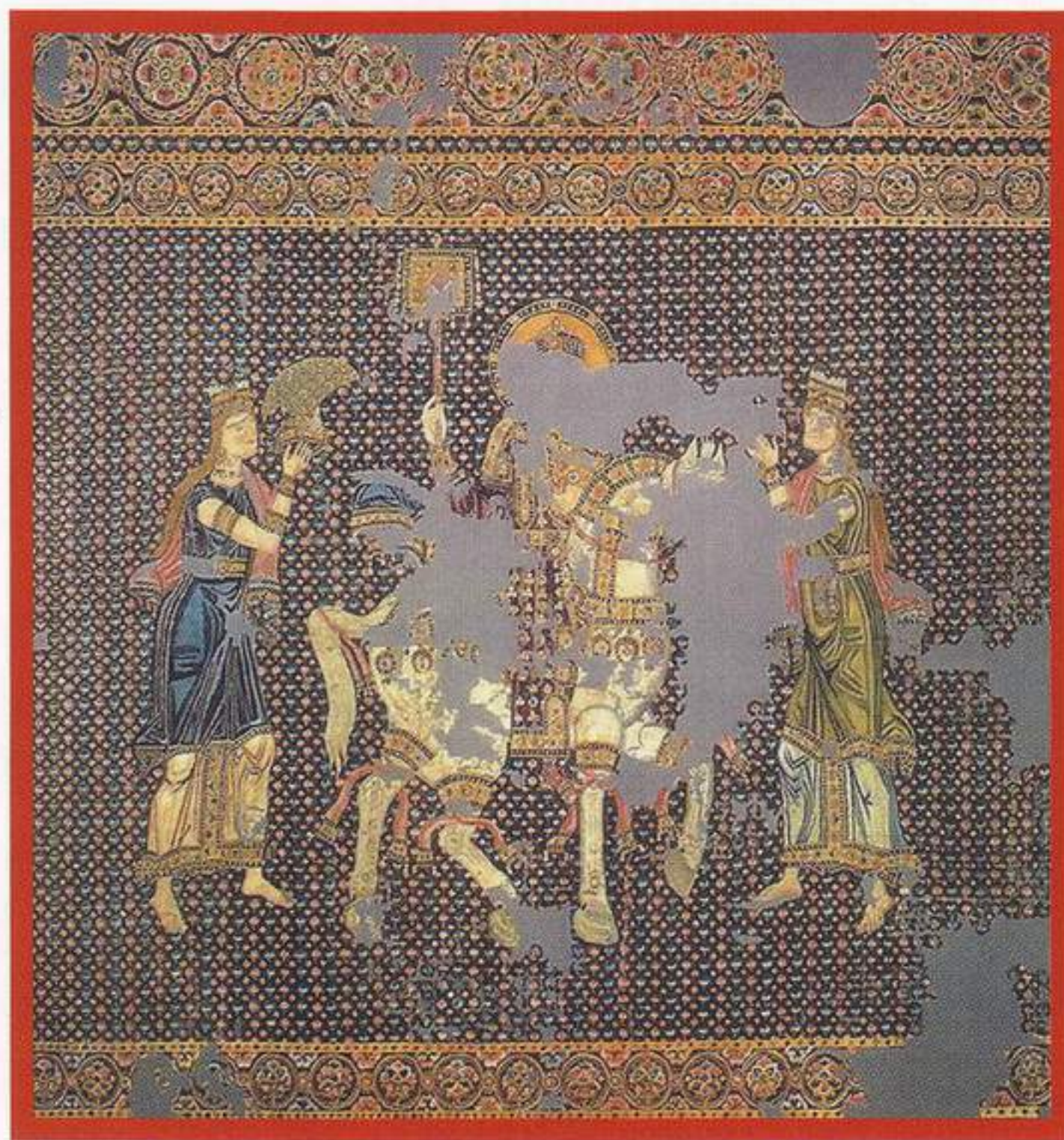
«Вот какую кончину обрел самодержец Никифор», — подводит итог хронист. Но это был еще не конец. В самом деле, если цареубийство стало делом рук узкого круга придворных, то ведь это не значит, что у погибшего государя совсем не имелось сторонников. В Римейской державе случалось, что попытки переворотов завершались провалом из-за противодействия народа, родственников или других властных группировок. А ведь Никифор II Фока был далеко не худшим василевсом. Осведомленный современник сообщал, что «в делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справед-

ливого судьи и непреклонного законодателя».

В общем, для Цимисхия мало было физически устранить своего предшественника. Требовалось не просто захватить власть, но и удержать ее в руках. Тем более что воины дворцовой стражи, несшие караул в эту страшную ночь, уже ломились снаружи в кованые двери, собираясь прийти на помощь автократу и расправиться с негодяями, покусившимися на его священную особу...

Тут самое время сделать паузу и объяснить, что стояло в Византии за понятием император. Чаще всего это был не конкретный человек, а должность. Обладая неким сакральным ореолом, она вверяла своему носителю огромные, почти неограниченные права и полномочия. Но почему же тогда в империи ромеев столько василевсов было зарезано, задушено, отравлено, утоплено, ослеплено и т. д. и т. п.? Неужели высшие силы небесные, которым молились клир и синклит, войско и народ, были плодом человеческих заблуждений, раз они не берегли и не защищали помазанников Божиих. Поверить в такое жителю средневековья было совершенно невозможно. И хитроумные греки нашли выход из этого противоречия.

Оказывается, если автократ, как и любой другой человек, обладавший свободой воли, начинал грешить, Бог отворачивался от него. В таком случае император превращался в тирана, и участь его становилась незавидной. Он был обречен, а сакральный характер титула переходил к его преемнику (или к тому из них, кто побеждал в борьбе



Император во славе.
Византийская шелковая ткань

за трон). Будучи софистическим по форме, такое объяснение удовлетворяло всех. Ярчайший тому пример — события ночи с 10 на 11 декабря 969 г.

Заслышав грозные удары в двери внутренних покоев Священного дворца, Цимисхий (между прочим, уже облаченный в царский пурпур) велел отсечь голову обезображенного трупа Никифора Фоки. Ее показали гвардейцам, и они тут же «запели на другой лад», славя нового василевса Иоанна. Прежнему государю не поможешь (раз уж Богородица не уберегла его), а с новым лучше не ссориться. Вот так и произошел очередной и очень византийский государственный переворот...

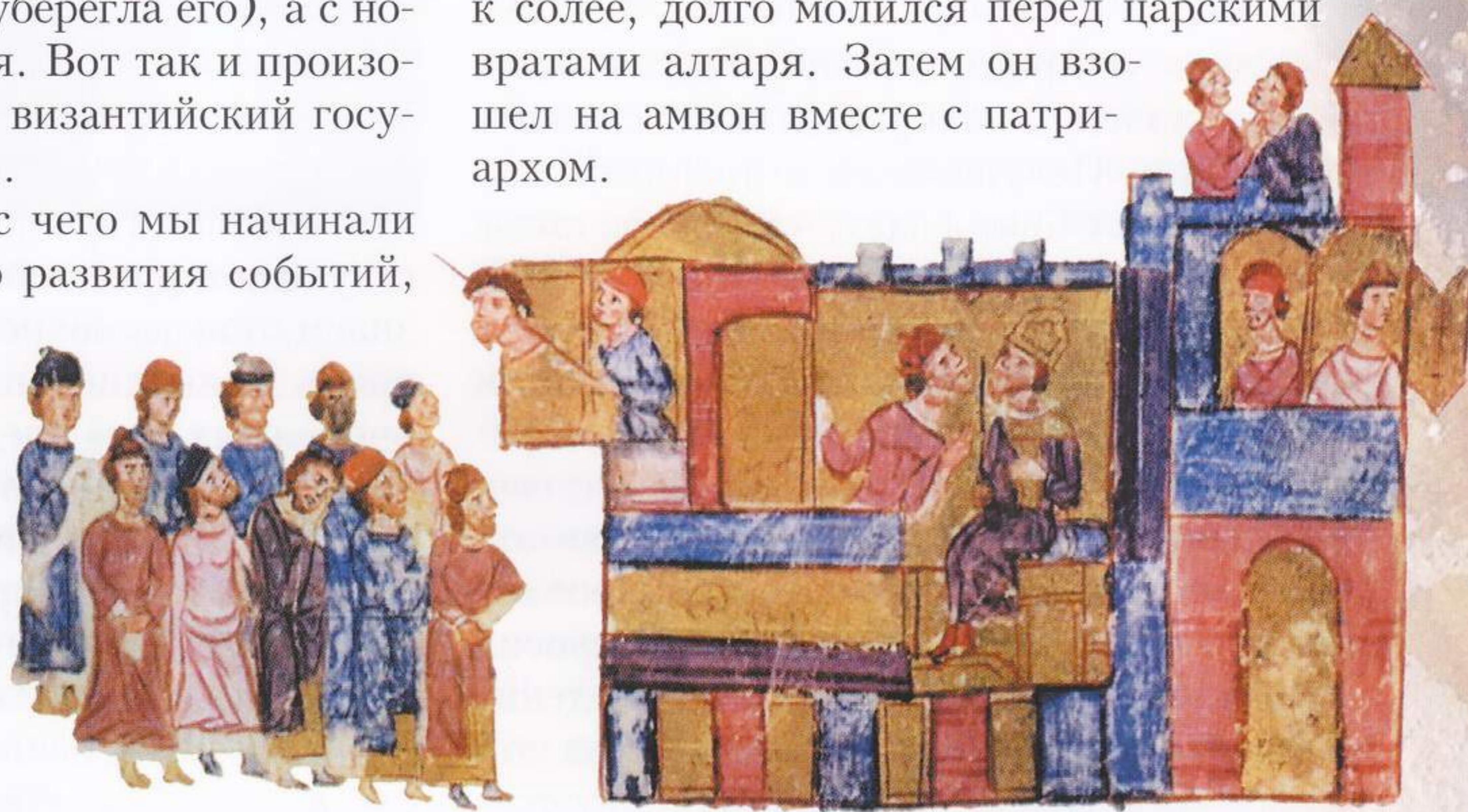
Вернемся к тому, с чего мы начинали эту новеллу. От такого развития событий, помимо узурпатора, казалось, могла выиграть, прежде всего, Феофано. «Какое же блаженство испытала ты во время убийства?» — не в силах сдержать эмоции, восклицает ромейский историк.

Теперь неутешная вдова двух царей намеревалась стать супругой третьего, но на этот раз, основанная на чувстве, женская хитрость оказалась бессильной против трезвого расчета честолюбивого мужчины.

Суровый и «пламенный духом» патриарх Полиевкт отказался венчать убийцу на царство и не впустил его в храм Святой Софии. Тягаться в упрямстве со столь упертым служителем культа могло оказаться себе дороже. Но красавец-мужчина не дрогнул ни единым мускулом. В Великой церкви он прилюдно поклялся, что не имеет к свершившемуся никакого отношения. Это де осуществили его, ну, даже не то чтобы друзья, а так — сослуживцы («товарищи по работе»). Идейным же вдохновителем несомненного злодеяния выступила и вовсе не

кто-нибудь, а сама августа! В итоге, Феофано отправилась в ссылку на остров Принкипо в Мраморном море¹. Другие участники переворота также были удалены из столицы, а Иоанн Цимисхий в светлый день Рождества Христова был коронован законным василевсом ромеев.

В Святой Софии, облаченный в парадные одеяния, возглашаемый император, в точном соответствии со сложным ритуалом, досконально прописанном в «Книге церемоний», возжег белые свечи и, пройдя к солее, долго молился перед царскими вратами алтаря. Затем он вошел на амвон вместе с патриархом.



Убийство Никифора Фоки. Византийская миниатюра

Настал черед первосвященника. Полиевкт отлично поставленным голосом прочел молитву над специальной приготовленной к этому случаю хламидой, которую служители неторопливо, расправляя каждую складку, надели на нового государя. А затем молитва читалась над золотым венцом, украшенным драгоценными камнями-самоцветами. Патриарх собственноручно возложил его на голову Иоанна, и огромное пространство храма взорвалось ликующими возгласами прихожан: «Свят, свят, свят! Слава в вышних Богу и на земле мир!» И еще: «Иоанну великому василевсу и автократору многая лета!» Запевалы хоров столичных димов нараспев провозглашали очередное

¹На этом ее история не закончилась. Спустя всего несколько месяцев, Феофано бежала в столицу и, укрывшись у алтаря Святой Софии, стала требовать справедливости. Ее пришлось насильно удалять из церкви. Следующие шесть лет экс-императрица провела в новой ссылке, на этот раз на глухой окраине державы — в Армении, и только после кончины Иоанна ее сын Василий II вернул мать в Константинополь, где она тихо дождалась последнего отпуска ей время.

приветствие, а народ трижды повторял каждую из аккламаций.

Уже с короной на голове император прошел в особый храмовый покой — мутаторий, где воссел на трон. Здесь они принимал поклонение высших сановников и военачальников империи. Разделенные по чинам на двенадцать групп, они вступали в помещение, падали ниц и целовали колени Иоанна. Наконец, по знаку распоряжавше-

гося церемонией препозита, все воскликнули: «На многие и добрые годы!»

С этой минуты особа царя приобретала священный характер, и теперь лишь на нем одном лежала ответственность за судьбы и благополучие Ромейской державы. Что же касается конкретно Цимисхия, то ему, среди множества государственных проблем, в первую очередь приходилось думать об угрожающем положении дел в Болгарии...



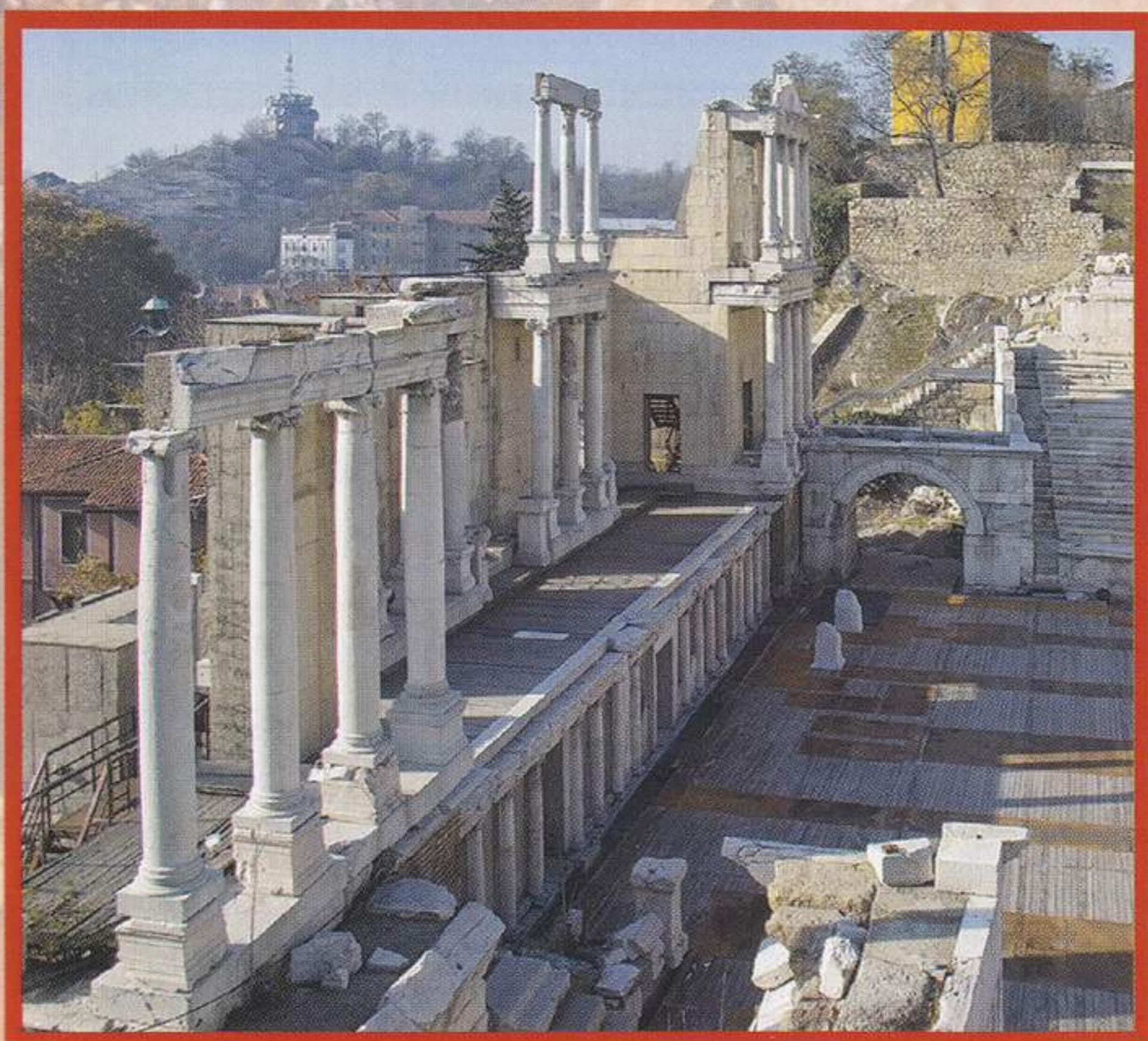
Узнав о кровавых событиях в Константинополе, Калокир отказался служить узурпатору. Искушенный в интригах патрикий внушал Святославу, что теперь князь имеет полное право владеть Болгарией. Вместе с тем, положение русичей на Дунае окажется достаточно прочным только в том случае, если власть в Царьграде будет принадлежать их верному союзнику. Естественно, что таким человеком Калокир, как это модно сейчас говорить, «позиционировал» только самого себя. Поэтому он просил друга помочь ему «в борьбе за овладение престолом ромейской державы» и за это обещал «огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы».

Трудно сказать, насколько был искренен Калокир. Вполне вероятно, что, взойди он на трон василевсов (а такое вполне могло осуществиться, ибо не раз случалось в истории империи, что обладателями златого венца становились люди и куда менее достойные), все сладкие посулы оказались бы отброшены, и война с тавроскифами приняла бы еще более яростный характер. К тому же и сам Святослав явно не собирался уходить из Болгарии и на вероломство грека ответил бы силой оружия. Но в действительности личные амбиции всего нескольких человек привели не к глобальному изменению геополитической обстановки на Балканах, а к бессмысленному пролитию рек людской крови.

Византийские источники, поглощенные жуткими обстоятельствами дворцового путча

в Константинополе, хранят глухое молчание относительно хода событий в Подунавье зимой 969-970 гг. Еще более странно, что соответствующие подробности отсутствуют и в русских летописях. Мы даже не знаем, когда точно дружины Святослава вновь появились на Дунае. Из «Повести временных лет» следует лишь, что русичам пришлось заново завоевывать болгарские земли. Несмотря на непрочность собственного положения, царь Борис II собрал сильную армию и двинул ее на север. У стен Переяславца «бысть сеча велика». Сражение шло с переменным успехом, и болгары стали одолевать. Святослав даже обратился к воинам со словами: «Здесь нам и умереть», но ближе к вечеру наступил перелом. Русские сломили сопротивление противника и на его плечах ворвались в город. По-видимому, штурм сопровождался обычными в таких случаях жестокостями. Во всяком случае, сохранились свидетельства, что в Переяславце Святослав «казни изменников смертью». Вслед за этим он перешел Балканы и принял под свою руку оставшуюся часть страны. Во взятом приступом Филиппополе князь предал лютой казни 20 000 человек, велел посадить их на кол. Таким образом, он рассматривал здешних жителей, как своих подданных (*холопов, смердов*), и считал себя вправе наказывать их за проявления нелояльности¹. В результате столь крутых мер, покорность (по крайней мере, внешняя) была обеспечена.

¹Даже если приведенная цифра является преувеличением, не приходится сомневаться, что Святослав подверг местность к югу от Балкан страшному разгрому. Недаром позднее Иоанн Цимисхий переселял в Филиппополь каких-то «манихеев» из Малой Азии. Полтора века спустя об этом городе, который «поработили тавры и скифы» вспоминала принцесса Анна Комнина.



Руины амфитеатра в Филиппополе (ныне Пловдив). Современное фото

К сожалению, остается в точности неизвестным, как князь выстраивал отношения с прежними властями Болгарии. Можно лишь гадать, каким образом он установил контроль над восточной частью страны, включая столицу царства Великий Преслав, и почему все же не счел нужным официально низложить попавшего к нему в руки Бориса II? Царь остался в Преславе, его казна не была разграблена, хотя отныне его самостоятельность была чисто номинальной. Скорее этот псевдо-государь превратился в марионетку северных захватчиков. Однако, нельзя не признать, что часть болгар (как знати, так и простого люда) примкнула к Святославу. Они остались верными союзу с русичами до конца войны. Недаром Лев Диакон писал: «наряду с мадьярами, болгары теперь действовали как сподвижники росов». Вместе с тем, не приходится сомневаться, что жестокости святославова войска вынудили многих болгар искать спасение в союзе с Византией.

Ну а пока, согласно свидетельству того же автора, «Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами и весь проникся варварской наглостью и спесью». Последняя фраза означает, что князь не прочь был померяться силой и с ромеями. Цимисхий оказался в трудном положении. Как раз в это время (970 г.) в Сирии перешли в наступление арабы. В самой империи не-

сколько неурожайных лет привели к голоду, с которым безуспешно пытались бороться власти. В провинциях и столице зрело недовольство, готовое в любой момент взорваться мятежами и погромами. Как пишет хронист, «многие заботы колебали душу императора Иоанна. Как бы стоя на распутье, он не знал, по какой идти дороге, боясь уклониться от истинного пути». Вынужденный отправить большую армию на восток, автократор надеялся решить русскую проблему с наименьшими затратами. В таких случаях империя стремилась откупиться от варваров, заставив их уйти восвояси с богатыми дарами.

Весной 970 г. василевс направил послов к Сфендославу. Сначала они предложили передать вождю росов некие суммы в качестве окончательного расчета за набег за Болгарию (в рамках договоренности, достигнутой еще Никифором Фокой). Взамен катархонт должен был увести свои дружины за Дунай, оставив Болгарию ее законным владельцам ромеям. Ответ Святослава поверг царских посланцев в шок. «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и всех пленных». Было ясно, что даже у великой Византии не хватит денег, чтобы внести выкуп за мир в таком размере. А чтобы у греков не осталось никаких сомнений в серьезности намерений и воли для их осуществления, вождь добавил: «Если же ромеи не хотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас покинут Европу, на которую они не имеют права, и уберутся в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира».

В Константинополе решили, что такое, откровенно наглое заявление является всего лишь стандартным дипломатическим ходом, когда стороны, ведущие переговоры, начинают их с максимально возможных требований, а затем, постепенно смягчая позиции, приходят к взаимоприемлемому компромиссу.

К Святославу направилась очередная миссия. На этот раз посланцы Цимисхия ссылались на то, что на стороне империи «провидение, управляющее вселенной» и христианские законы. Затем была упомянута незавидная участь *Ингоря*, который «приплыл

с огромным войском, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок». Такое напоминание об отце Святославу очень не понравилось. «Охваченный варварским бешенством и безумием», он перешел на тон агрессивного шантажа и заявил: «Мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византии и возведем вокруг города крепкие заслоны и покажем на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага».

Даже с учетом того, что приведенные слова являются не буквальным цитатой, а вольным византийским пересказом речи Святослава (ведь язычник князь не знал библейского выражения «мужи крови» и вряд ли слышал антикизированное название столицы империи *Византий*), подобный исход переговоров вызвал в Константинополе панику. Стало ясно, что войны не избежать, и будет она кровавой и упорной, раз уж вождь тавроскифов полон решимости атаковать ромеев у стен царственного града.



Посадка войск на суда. Византийская миниатюра

Не теряя времени, Цимисхий усилил гарнизон столицы, сформировав отборный отряд «бессмертных», и распорядился перебросить из Малой Азии наиболее боеспособные части, ранее отличившиеся в сражениях с мусульманами. Командовавшим этими войсками стратигам Варде Склиру и патрикию Петру ставилась задача развернуть сильную завесу вдоль границы с Болгарией и вести наблюдение за действиями «скифов», не допуская их набегов на территорию импе-

рии. Специальные люди, одетые «по-скифски» и владеющие их языком, должны были осуществлять сбор сведений о намерениях противника, на основании которых ромейские военачальники могли строить планы дальнейших действий. Однако, по видимому, разведка работала не только у византийцев, но и у росов, так как весной, или в начале лета 970 г. они нанесли мощный превентивный удар.

Вполне возможно, что Святослав решился открыть кампанию после того, как получил какие-то подкрепления. В пользу этой версии свидетельствует замечание, имеющееся в сочинении одного из арабских авторов. Согласно этому источнику, в 969 г. некие русы совершили опустошительный набег в землю хазар, а потом «ушли в Рум и Андалус». О стране *аль-Андалус* речь впереди, но упоминание в подобном контексте Рума (т. е. Византии) позволяет предположить, что к войску Святослава на Дунае присоединились некие отряды норманнов, ранее действовавшие автономно.

Итак, силы киевского князя возросли, и он направил грекам послание следующего содержания: «Хочю на вы ити и взяти градъ ваш». Затем он двинул за Балканы союзников — легкую печенежскую и венгерскую конницу. Следом за ними выступили главные силы: норманны, славяне, болгары. Скорее всего, наступление осуществлялось одновременно в нескольких направлениях. В лихой сшибке патрикий Петр разбил передовой отряд противника. Несмотря на свое естество евнуха, он сражался в первых рядах, подавая воинам пример бесстрашия, и насквозь пронзил длинным копьём вражеского богатыря, после чего варвары в замешательстве бросились наутек. Но затем удача изменила ромеям.

Святослав дал византийцам большое сражение во Фракии (хотя некоторые историки отрицают его личное участие в Забалканском походе). Сначала его дружинники были подавлены грозным видом многочисленной вражеской рати. И была сеча велика, и одолел Святослав, а греки бежали. После этого дружины Святослава миновали Адрианополь, и только у Аркадиополя¹ путь

¹Современный Люле-Бургаз в Турции.

врагу преградил магистр Варда Склир с двенадцатитысячным войском. Муж доблестный и решительный, он на этот раз действовал не с наскока, а по всем правилам военной науки. Зная о численном превосходстве неприятеля (30 000 тавроскифов и их союзников против 12 000 ромеев), он выслал вперед отряд Иоанна Алакаса для ведения наблюдения.



Князь Святослав на пути в Царьград.
Миниатюра Е. А. Лансере

Приблизившись к лагерю, всадники Алакаса обнаружили, что противник проявляет крайнюю беспечность. Тавроскифы, расположившись станом, пили и ели, пели и плясали, оглашая воздух странными звуками каких-то варварских «флейт и кимвалов». Немедленно к магистру был послан гонец с известием, что врага можно застать врасплох. Прочитав это донесение, Склир оставил неповоротливые обозы в Аркадиополе и только с пехотой, налегке выступил к месту предстоящего сражения.

Одно из тактических подразделений (*паратаксия*) следовало непосредственно за магистром. Два других стратиг оставил для засады в лесу. Тем временем, Алакас завязал перестрелку с печенегам, впрочем, не особенно и усердствуя. Расчет оказался верен. Не имея достаточной выдержки, чтобы в течение длительного времени стоять под стрелами, степняки наметом вырвались

из лагеря, намереваясь единым махом покончить с обнаглевшими греками.

Именно этого Алакас и добивался. Почти сразу же он приказал отходить, увлекая врагов к месту, где выстроились паратаксии магистра Варды Склира. Печенеги попались в ловушку, которую столько раз сами любили и умели устраивать противнику. Увидев пешие войска Склира, они остановились, но было уже слишком поздно. Кавалеристы Алакаса, пройдя в интервалы между пехотными частями, укрылись у них в тылу. Теперь ромеи, сами прикрывшись щитами от стрел, прочно удерживали занимаемые позиции. А затем с флангов печенегов атаковали засадные подразделения.

Поднялась невообразимая сумятица. «Сыны степей» бросились назад, но кольцо вокруг них почти сомкнулось, так что вырваться удалось немногим. Тем не менее, магистр Склир еще не мог считать сражение выигранным. Неприятель, по-прежнему, располагал численным превосходством и его главные силы успели развернуться для продолжения боя. Конечно, после одержанного тактического успеха, ромеи могли бы и отступить. Но за плечами у них был Константинополь, куда и стремился враг. Вряд ли бы тавроскифы могли преодолеть первоклассные укрепления Царьграда, но эффект от удара по престижу василевса, претендовавшего на лавры победоносного полководца, получился бы неописуемым. Цимисхий не простил бы своему подчиненному такую моральную оплеуху. Не считая возможным отойти, Варда двинулся вперед, к вражескому лагерю.

Развернувшись на новой позиции, ромеи отразили нападение венгерской конницы. Затем бой утратил организованный характер. Пики кавалеристов сломались, и теперь они яростно орудовали мечами и гигантскими секирами. Военачальники рубились, как простые воины. Варда едва не погиб, получив сильнейший удар мечом по голове. Магистра спас шлем, по блистающей стали которого бессильно скользнул клинок. А тут уж подоспел брат командующего Константин Склир — юноша огромного роста и непреодолимой силы. Единым взмахом он перерубил шею и снес голову коню «скифа», а затем прикончил поверженного варвара.

Потом выпала возможность отличиться и самому магистру. Он вступил в поединок со знатным противником, закованным в сияющие доспехи. Тем не менее, Склир обрушил на него длинный кавалерийский меч с такой мощностью, что в эпическом стиле рассек от макушки до пояса — надвое! Даже если в данном случае хронист и допустил преувеличение, то в общем исходе битвы при Аркадиополе и ее значении сомневаться не приходится. Росы и их союзники оставили поле боя¹. Ромеи же одержали победу благодаря сочетанию грамотных действий командования и высокой выучки войск, совершавших сложные маневры на поле боя, да еще в условиях непрерывного силового воздействия неприятеля. Однако, утомленные сечей византийцы не могли развивать достигнутый успех. В Константинополе вновь предложили Сфендославу вступить в переговоры. Русская летопись повествует об этих событиях в притчевой манере.

«Спрячьте». Из приведенного описания непонятно: вернул ли Святослав золото и парчу грекам, или, внешне не проявив интереса, велел принять их? Как бы то ни было, ромеи пришли к архонту во второй раз. Теперь они принесли оружие. Святослав оживился, долго не выпускал из рук меч дивной работы и все хвалил царя, «выражая ему любовь и благодарность».

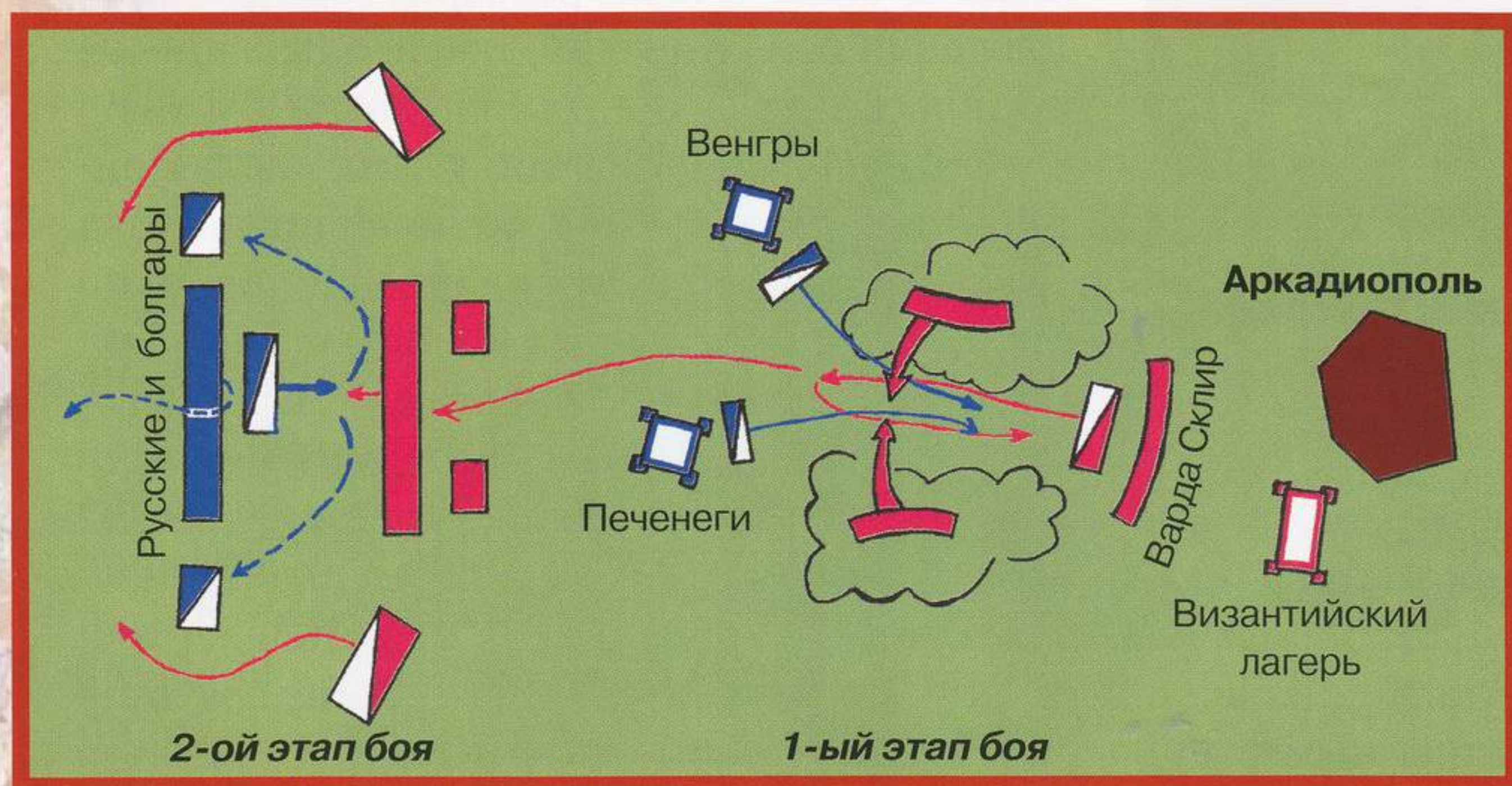
Византийским дипломатам приходилось иметь дело с разными партнерами. Даже с такими, обличье которых лишь отдаленно напоминало человеческое. Сейчас показное радушие Сфендослава не обмануло их. Вернувшись, они доложили василевсу Иоанну: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет». При этом подразумевалось, что вождю тавроскифов не просто понравился клинок. Скорее всего, он виртуозно владеет подобными «игрушками». Вывод из этого следовал один — с росами нужно заключать мир.

Но и в третий раз «закинул невод» император. «Не ходи к столице, а возьми дань, сколько хочешь», — передали его слова послы. И тогда Святослав «взял даров много и возвратился в Переяславец со славою великою».

Если же отбросить все летописные красоты, то можно прийти к заключению, что во второй половине года Византия подписала с росами перемирие, по условиям которого они оставили Фракию и ушли за

Балканы. Союзные им печенеги и венгры вернулись в родные степи. Зато Северная Болгария оставалась в руках Святослава.

Итак, стороны согласились лишь на передышку. Война обязательно возобновится, причем в самом скором времени. В ее преддверии василевс продолжал стягивать наиболее закаленные войска из Малой Азии и уделял большое внимание боевой подго-



Сражение при Аркадиополе. 970 г.

Греческий царь собрал своих «бояр» в палату и сказал им: «Что нам делать: сопротивляться мы не можем?» Несмотря на несоответствие такого заявления реальному положению дел, ближние люди Иоанна посоветовали государю: «Испытаем вождя родов дарами». И послали Святославу золото и паволоки. Князь едва взглянул на подношение и небрежно бросил слово единое:

¹Мы специально не приводим содержащиеся в источниках цифры потерь, понесенных сторонами, так как они откровенно баснословны. Можно лишь предположить, что урон победителей был все же меньше, чем у их противников.

товке частей, принимая непосредственное участие в совершенствовании их навыков маневрирования и искусства владения различными видами вооружения.

Правда, начало Балканской кампании все же пришлось отложить. Как мы уже говорили, империя почти непрерывно вела борьбу с врагами сразу на нескольких фронтах, а теперь, весьма некстати, в Каппадокии поднял восстание против центральной власти честолюбивый полководец Варда Фока. Племянник Никифора II — он был убежден, что царский венец по праву принадлежит этому славному роду. Число его сторонников росло с каждым днем. То были сплошь люди «отчаянные». Да к тому же, как отмечает летописец, «тогда было в обычае проявлять чрезмерную радость во время переворотов», поскольку их участников прельщали надежды «на призрачную славу, почетные звания и раздачи денег».

Апостасия ширилась и продвигалась стремительно, как степной пожар. Для подавления мятежа Цимисхию пришлось спешно перебрасывать из Фракии войска еще одного Варды — Склира. Герой Адрианополя, действуя не столько силой, сколько хитростью, он разложил воинство Фоки, так что неудачливый узурпатор вскоре остался один. Какое-то время он укрывался в труднодоступной крепости, но затем сдался на милость победителя, получив гарантии безопасности («уверения в том, что ему не сделают ничего худого»). История Ромейской державы изобилует примерами, когда такие обязательства нарушались с легкостью невероятной. Но на сей раз царское слово оказалось весомым. Варду Фоку постригли в монахи и сослали на остров Хиос¹. В будущем это обстоятельство позволит ему вернуться к активной политической жизни и даже найдет отражение в летописи русско-византийских отношений. Ну а пока, Иоанн Цимисхий решил закрепить собственные, несколько сомнительные права на престол с помощью династического брака.

Как мы помним, чтобы взойти на трон, он с самого начала официально отверг все матримониальные надежды Феофано. Те-

перь, в тех же целях, василевс женился на дочери Константина VII Феодоре (одной из тех пяти сестер Романа II, которых ранее выжила из дворца стервозная Феофано). Став дядей маленьких императоров Василия II и Константина VIII, Иоанн Цимисхий оказался причисленным к законной Македонской династии. Столичному люду такой союз очень понравился, а последовавшие за свадьбой угощения и зрелища принесли Цимисхию огромную популярность в широких народных массах.

Во храме, где совершался обряд, император и патриарх встречали невесту, сопровождаемую длинной вереницей евнухов и опоясанных патрикий. Заботливые служители, неслышно скользя по мраморным плитам пола, под дивное пение певчих облачили молодую царицу в *стихарь*. Затем ее голову покрыли мафорием Пресвятой Богородицы. Первосвященник долго читал положенные в таких случаях молитвы. После этого другие чины, сняв мафорий, надели на августу хламиду, застегнув ее на плече. Патриарх передал василевсу золотой венец с подвесками, на котором искорками вспыхивали, отражались огоньки свечей. И тогда, наконец, сам Иоанн мог возложить этот



Император и императрица. Современная реконструкция по византийским источникам

¹Последние остававшиеся верными ему люди все же были ослеплены, но без этого обстоятельства рассказанный нами эпизод выглядел бы уже не вполне византийским.

знак высшего достоинства на голову своей коленопреклоненной супруги.

Покинув храм, новобрачные шли бесконечными дворцовыми залами, и в каждом их встречала и приветствовала, расставленная в точном соответствии с рангами, титулами, должностями и строгими правилами протокола, живописная толпа придворных. Налагаясь на дивную музыку серебряных органов, хоры зеленых и голубых возглашали бесконечные аккламации: «Спаси господи владык, наших повелителей. Пресвятой Дух храни василиссу. Господи Боже, продли жизнь наших монархов за счет жизней наших. Василевс новобрачный, хранимый Богом. Государь достойный, государь превосходный, хранимый Пресвятой Троицей. Царь Небесный дарует тебе счастье и благословляет брак твой».

В Триклинии девятнадцати аккумуляторов перед августейшими супругами раболепно простирались ниц многочисленные сановники, и, казалось, церемонии не будет конца. Настолько велик и вальяжно степенен был чиновничий штат громадной империи. *Силенциариев* сменяли *топотириты*, а *комитов препозиты*, и каждый раз, когда *остииарий* склонял свой жезл, все присутствующие тоекратно преклоняли колени.

Конечно, лицезреть подобное величание могли только избранные. Народ попроще довольствовался слухами, разносимыми дворцовой челядью, которая не упускала случая преувеличить свое значение при дворе. Либо оставалось постараться рассмотреть что-нибудь на городских улицах во время высочайших выходов. В таких случаях все было важно и интересно. Даже последовавшее через три дня после свадьбы официальное шествие императрицы в баню. Но и тогда это оказывалось непросто, так как приходилось приподниматься на цыпочки, ловя обрывки «картинки» поверх голов сдавленной, распаренной и отнюдь не благоухающей толпы.

Что и говорить, было на что подивиться в царственном граде Константинополе. Ну а для нас пришло время вернуться на зазеленевшие под весенним солнышком Балканы...

Пока Варда Склиз действовал в Малой Азии, а его преемник во Фракии магистр Иоанн Куркуас «предавался пьянству, лени и был неспособен к военным предприятиям», отряды Святослава (или других варяжских конунгов) не раз вторгались в Македонию. Непонятно, почему князь не

подумал, что после столь явных актов агрессии империя наверняка нанесет ответный удар? То ли он полагал, что греки заранее известят его чем-то вроде «Иду на вы», то ли просто, в силу простоты души не испорченного цивилизацией человека, жил одним днем по принципу «Будь, что будет».

А время расплаты пришло очень скоро.

В 971 г., «как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить с походом против тавроскифов». Набожные люди — византийцы привыкли любое дело начинать с молитвы, прося Господа о милости и благословении. Для начала василевс отправился в надвратную часовню



Византийские светские и духовные облачения
(по аутентичным источникам)

Христа Спасителя у входа в Большой дворец. Затем молился о ниспослании ангела в Святой Софии. Оттуда под неумолчное пение гимнов с крестным ходом двинулся к Богородице Влахернской.

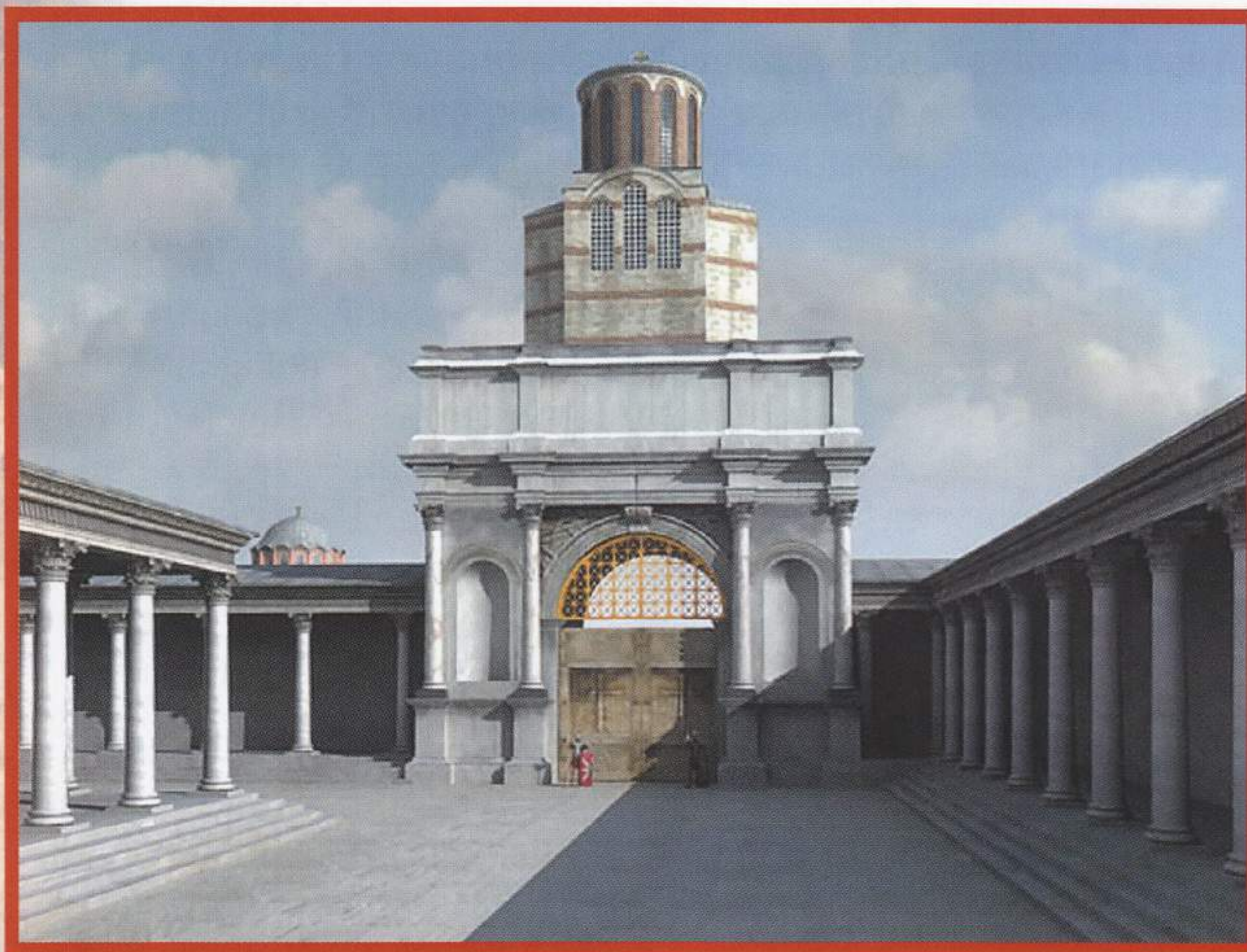
моны, солидные монерии и верткие галеи — всего более трехсот судов. Состоявшиеся показательные учения также порадовали государя. Гребцы слаженно работали веслами, капитаны умело маневрировали, корабли с огромными боевыми стягами,

под которыми был отвоеван Крит, сходились и расходились, имитируя атаки.

И вновь стены, обращенные к заливу, были усеяны ромеями. Константинополь воочию видел могущество империи, не сомневаясь, что и на этот раз христоролюбивое воинство посрамит неверных. Веселием исполнилась душа Иоанна. Он одарил моряков деньгами и велел эскадре отправляться на Дунай, чтобы по давнему обычаю, перерезать коммуникации врага, оказавшегося на южном берегу великой реки. Судя по замыслу императора, ни один из варваров не должен был уйти от возмездия. С таким напутствием эскадра покинула Золотой Рог и, круто забирая влево, пошла вверх по Босфору.

Считается, что кампания 971 г. на Балканах была одной из самых успешных для византийского оружия в X веке. Начинаясь же она в славном городе Адрианополе, куда василевс лично привел сухопутную армию. Здесь состоялся и военный совет, на котором обсуждался план ближайших боевых действий.

Цимисхий настаивал на переходе в решительное наступление. Император опирался на данные разведки, сообщившей, что балканские горные проходы — *клизуры* не охраняются противником. Царские стратиги кряхтели, зажимали в кулак огромные бороды и не спешили разделить энтузиазм своего главнокомандующего. Длинные, узкие, с обрывистыми, поросшими вековыми деревьями склонами, эти ущелья являлись идеальными местами для засад. Дух Вырбишской теснины¹ витал над военачальниками,



Халка — ворота с надвратной часовней, служившие главным входом в комплекс Большого константинопольского дворца. Отсюда начинались торжественные шествия василевса по городским улицам. Современная реконструкция

Процессия шла сквозь плотный коридор жителей столицы, высыпавших на улицы и глядевших на нескончаемое дефиле из окон домов и даже с крыш. В воздухе не умолкали громкие звуки приветствий. Православные, которые с детства наизусть знали тексты и мелодии псалмов, дружно подхватывали гимны, исполнявшиеся церковными хорами. Песнопения взмывали к умытому весенними ветрами небу, и, как несколько высокопарно пишет историк, «сердца людей бились в унисон с сердцем горячо любимого монарха».

Заручившись во Влахернском храме поддержкой Сил небесных, автократор обратился к средствам материальной борьбы и произвел смотр боевых кораблей, покачивавшихся на волнах Золотого Рога. Были здесь страшные всем врагам огненосные дро-

¹25-26 июля 811 г. в Вырбишском ущелье болгары уничтожили византийскую армию императора Никифора I.

и даже в беспечности врага они усматривали лишь изощренное коварство.

Видя нерешительность соратников, автократор начинал яриться. «Как вы не понимаете, что скифы обманулись приближением Святой пасхи, так как не верят, что мы откажемся от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжких невзгод войны». В 971 г. Светлое Христово воскресение приходилось на 16 апреля, и из слов Иоанна следовало, что Балканы нужно форсировать до этой даты, поскольку затем противник выставит в горах мощные заслоны, и тогда уже десять воинов смогут задержать сотню, а сто остановят целую тысячу. С другой стороны, Цимисхий был убежден, что за северными склонами хребта ромеев ждет победа. «Следуйте за мной как можно быстрее и покажите на деле свою отвагу», — эмоционально закончил он речь.

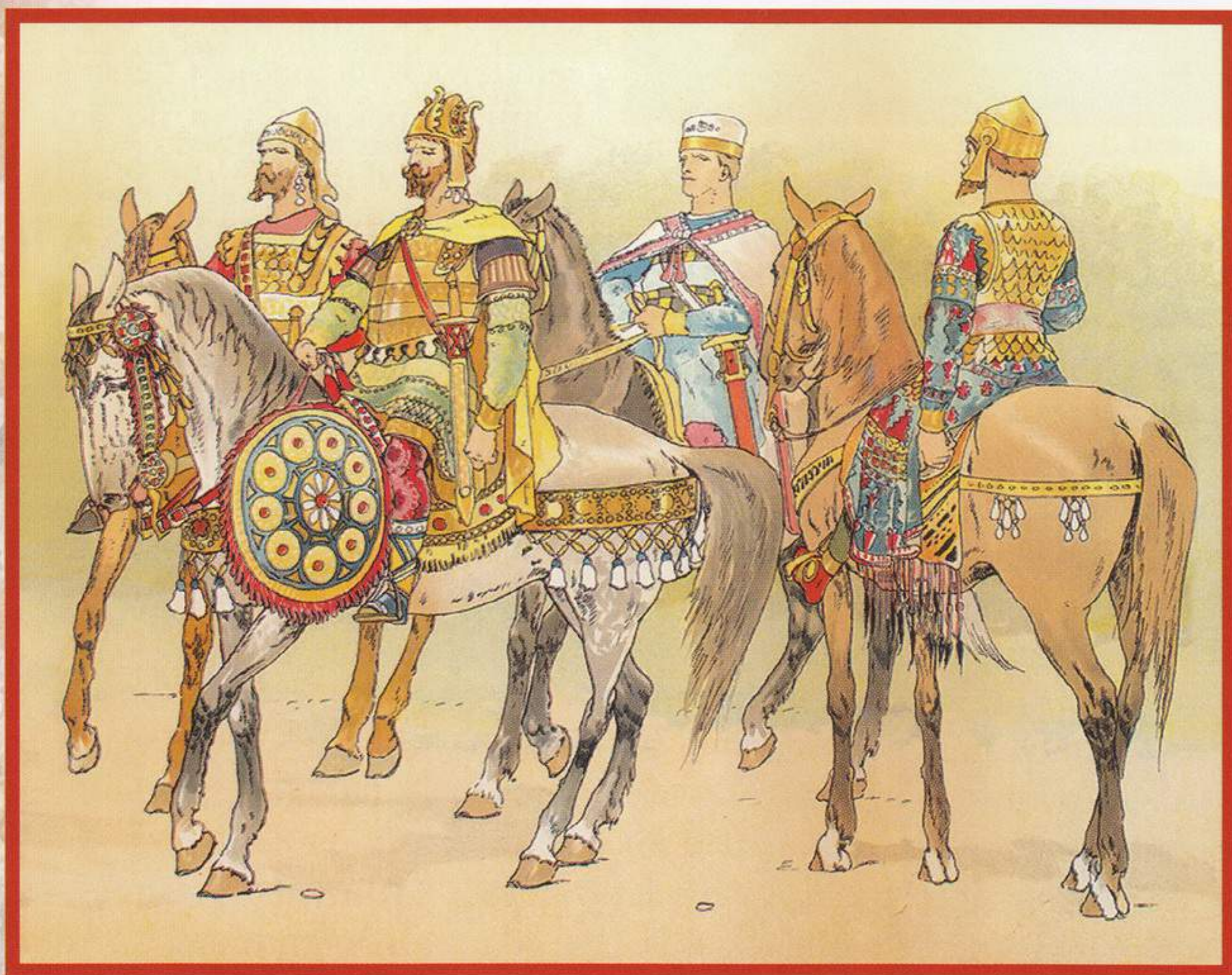
сформировать колонны, с учетом пропускной способности дорог на маршруте движения и минимальной скорости солдат-пехотинцев. Люди должны быть снабжены водой и провиантом. А если дорога затягивается, требуется предусмотреть места привалов и водопоя лошадей. Кроме того, следует принять меры для отражения атак неприятеля, возможность которых всегда необходимо учитывать.

Благодаря сведениям, сохранившимся в источниках, можно реконструировать боевой порядок византийского войска. Хотя хронист и не упоминает этого, впереди наверняка прощупывали дорогу дозорные отряды. За ними следовала «фаланга бессмертных». Это были закованные в броню катафракты, и, судя по тому, что даже на марше они не снимали тяжелых доспехов, Цимисхий всерьез считался с реальностью внезапного нападения противника.

В тылу отборного гвардейского отряда ехал император со штабом и свитой. В сверкающих латах он был подобен Святому Георгию. За ним, на некотором расстоянии, пятнадцать тысяч тяжеловооруженных пехотинцев и тринадцать тысяч всадников. Несомненно, то были основные ударные силы, составленные из лучших войск империи. Настолько опасен был враг, с которым им предстояло сразиться. Остальные части, чтобы не сковывать авангард, сопровождали обозы, осадный парк и заметно отстали.

В воздухе повисло нервное напряжение. Солдаты почти не перебрасывались словами. Не слышно было и команд строевых начальни-

ков. Движение больших масс людей выдавали лишь фыркание лошадей, ритмичные удары о землю тысяч солдатских подошв и конских копыт и тот, ни с чем не сравнимый звук, который во все времена, как бы ни старались подгонять солдаты свою амуницию, обязательно издают металлические части оружия и снаряжения.



Византийские военачальники. Рисунок художника XIX в.

Неизвестно, удалось ли государю переубедить своих стратилатов и таксиархов. Возможно, они просто не посмели перечить его крутому нраву. Во всяком случае, так и не разбив лагеря, войско выступило в поход.

Организация марша многотысячной армии сложное дело. Военачальникам нужно

Казалось, дороге не будет конца, но, как это обычно и случается, цель появляется, когда в ее существовании уже начинаешь сомневаться. Натруженные ноги чувствуют, что неразличимый из-за поднявшейся пыли подъем сменяется уклоном. Зеленые откосы справа и слева постепенно раздвигаются, и вдруг перед глазами сразу открывается безграничный простор всхолмленной равнины. Грозный хребет Гема (или, как называют его болгары, Стара Планины) остается позади. Угрюмые лица невольно разглаживаются, и, несмотря на то, что самые тяжелые сражения еще впереди, человек говорит себе: «Слава тебе, Господи! Защитил, укрепил и сохранил раба твоего».

Император оказался прав: горные проходы не только остались без охраны. Тавроскифы не организовали даже простого наблюдения. То ли у Святослава не было достаточного количества войск, либо князь искренне верил, что греки не нарушат действующего перемирия.

Цимисхий мог бы торжествовать, что его уверенность полностью оправдала себя, но он не позволяет себе расслабиться. От главнокомандующего один за другим скачут порученцы-мандаторы, и части, ломая строй, разворачиваются на бивак, чтобы, не теряя бдительности, отдохнуть, подкрепиться и набраться сил для нового марша, который (император отлично знает это) будет еще труднее. Действительно, на следующее утро, едва сыграли побудку, фаланги ромеев в глубоком боевом порядке под гром военной музыки двинулись на болгарскую столицу Великий Преслав¹.

Русский гарнизон этого города возглавлял Сфенкел. Отечественные историки считают его воеводой Святослава. Лев Диакон называет более обтекаемо — военачальником, который «был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава». На основании этих слов можно сделать осторожный

вывод, что Сфенкел являлся одним из самостоятельных варяжских конунгов. В противном случае не вполне понятно, почему киевский князь разместил свою ставку не в стольном Преславе, а в Доростоле². Как бы то ни было, даже если статут Сфенкела уступал социальному рангу Святослава, по воинской отваге и решимости эти два персонажа были, как минимум, равны.



Руины Преслава. Современная фотография

Русичи и болгары встретили армию Цимисхия в поле. Большую часть дружины Сфенкела составляли пехотинцы. «Рыча наподобие зверей», они первыми устремились в атаку под прикрытием больших щитов. Со стороны такая живая стена должна была производить грозное впечатление, а ярость росов сводила на нет численный перевес византийцев (не менее 30 000 чел. против 8 500). Какое-то время сражение шло с переменным успехом. Затем Цимисхий двинул вперед фалангу «бессмертных». Катафракты нанесли страшный удар по левому крылу скифов и смяли его. Тяжелые бронированные кони, подгоняемые острыми шпорами всадников, разметали пеших ратников, после чего рухнул весь строй. Немалое количество славян легло на месте, остальных топтали и разили длинными копьями в ходе преследования. Тем не менее, ромеям не удалось ворваться в Преслав на плечах бегущих, а со стен крепости на них обрушился град копий и стрел.

¹Около 20 км к югу от современного Шумена.

²Современная Силистра.

Наступил вечер, и василевс Иоанн решил отложить штурм до прибытия осадных машин, которые, как мы помним, неспешно скрипели на горных болгарских дорогах вместе с армейским обозом. Ну а пока, ночью из Преслава бежал «пылкий муж» Калокир. Он добрался до Доростола и сообщил Святославу о поражении его войск. После этого имя неудачливого претендента на трон Ромейской державы исчезает со страниц истории, но последствия затеянной им интриги еще будут стоять жизни не одной тысяче людей.

В Великий четверг 13 апреля 971 г. византийцы в плотных боевых порядках и с пением гимнов двинулись на приступ. Цимисхий лично руководил им, появляясь на самых опасных участках.

Тавроскифы неистово отбивались дротиками, стрелами и камнями, но противопоставить тяжелым метательным орудиям атакующих им было нечего, так что вскоре воины Сфенкела, невзирая на его громopodobные призывы, не могли даже выглянуть из-за крепостных зубцов. Воспользовавшись этим «заградительным огнем», ромеи, воодушевленные присутствием императора, приставили к стенам длинные лестницы и, прикрываясь большими пехотными щитами, стали упорно карабкаться наверх. Первым на гребне укрепления оказался молодой воин Феодосий Месоникт. Рос хотел заколоть его копьем, но сам пал с рассеченной клинком меча шеей. Ряды штурмующих взорвались ревом восторга, и вскоре там и здесь все больше ромеев показывались на стенах. Они погнали дрогнувшего врага. А когда им удалось изнутри разбить одни из ворот, бегство тавроскифов сделалось всеобщим.

Поспешно покинув первый рубеж обороны, люди Сфенкела стянулись ко дворцу болгарских царей,

обнесенному отдельной оградой. Эту цитадель также пришлось брать приступом. К этому времени самого Бориса II в его резиденции уже не было. Чудом избежав смерти на улицах погибавшего города, где византийцы грабили и убивали местных жителей, болгарский царь вместе с семьей предстал перед очами василевса. Дальнейшее ясно показывает, что Цимисхий был не только талантливым военачальником, но и прожженным политиком. Будучи полным хозяином положения, он приветствовал Бориса как законного государя и заверил, что явился лишь «отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов». Подтверждая свое благорасположение, автократ велел освободить пленных болгар. Но в горячке битвы так повезло далеко не всем.

Тем временем, бой, как мы уже поняли, превратился в бойню, а штурм укрепленного царского дворца продолжался. При попытке ворваться внутрь здания погибли около полутора сотен византийских солдат. Не больший успех имел и отряд императорских гвардейцев, которых росы безнаказанно поражали в узких воротах. Тогда прибывший к месту схватки Цимисхий велел забросать обороняющихся сосудами с «жидким огнем». От такого абсолютного оружия спасения практически не было. Многие сгорели заживо. Сфенкел собрал уцелевших и пошел на прорыв. Отчаяние придавало тавроскифам силы, но духом (не говоря уже о числе) они уступали ромеям, ощутившим вкус победы. Противники поражали друг друга мечами и копьями, оступившихся затапывали насмерть. В итоге росы (а с ними и немало болгар) погибли, не показав спины неприятелю. Лишь Сфенкел, воспользовавшись последней схваткой, ушел с немногими дружинниками к Святославу.

Иоанн Цимисхий дал войску отдых, отпраздновав на дымящихся руинах Преслава Светлое Христово воскресение. Затем он направил Сфендославу в Доростол жесткий ультиматум: сложить оружие и, испросив прощение за дерзость, удалиться из Болгарии, либо защищаться от наступающего на него ромейского войска.

Выбор Святослава был очевиден. Он решил драться,



Штурм Преслава войсками Иоанна Цимисхия.
Византийская миниатюра из хроники Иоанна Скилицы

т. е. пролить новые реки крови. При этом гнев воителя обрушился не только на греков. Видя массовый переход на сторону империи болгарской знати, князь прибег к суровым репрессиям. Собрав около трехсот наиболее родовитых и влиятельных, он обезглавил их, а других заключил в оковы и бросил в темницу.

Получается как-то странно. Покорив всю Северо-Восточную Болгарию, Святослав теперь контролировал лишь одну единственную крепость — Доростол. Но даже и здесь он сознательно лишил себя последних союзников, так как после казни болгар вряд ли мог рассчитывать на особую любовь местных жителей. Еще раньше его покинули печенеги и венгры. А когда на Дунае покажутся боевые корабли византийцев, положение князя станет и вовсе безвыходным. Авантюра подходила к своему неизбежному и логическому завершению. Но пока до развязки оставались еще три долгих месяца.

Дважды рассеяв мелкие отряды тавроскифов, византийцы подошли к Доростолу. 23 апреля в день Святого Георгия у стен этой крепости произошло первое сражение между византийцами и росами. Войско Святослава выстроилось по обычаю «стеной». Цимисхий применил более искусный расчлененный боевой порядок. В центре встали пехотные подразделения, на флангах катафракты в тяжелых латах. Вторую линию составили лучники и пращники.

Византийцы первыми двинулись в атаку под прикрытием града стрел и камней, летевших во врага через их головы. Тавроскифы несли потери, но держались стойко, смыкая ряды над павшими. Наконец и росы, «стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей, в яростном порыве устремились, ревя как одержимые, на ромеев». Хронист сообщает также, что русичами «руководило их врожденное зверство и бешенство». Историк нового времени, припомнив скандинавское происхождение дружины Святослава, назвал его воинов *берсерками*.

В какой-то момент византийцы дрогнули. Их центр начал подаваться назад, а русские усилили натиск так, что возникла опасность для жизни императора. Вал сражающихся неотвратимо приближался к нему, и как знать, чем бы закончилась битва, да и вся кампания в целом, если бы не отборный

отряд армянской пехоты, несокрушимо вставший на пути неприятеля. Яростная сеча без видимого перевеса длилась до самого вечера. И когда солнце уже клонилось к закату, Иоанн Цимисхий бросил на чашу весов свой самый весомый аргумент. Как и у Преслава, в дело были введены части бронированной кавалерии. Могучий клич раздался над ромейскими рядами, грянули боевые трубы, и скифы не выдержали. Обойденные с левого фланга, они бежали под прикрытие крепостных стен. Много их пало в бою, и печальными были росские тризны. Византийцы же, хотя и понесли немалые потери, пели торжественные гимны, славили императора и благодарили небесного покровителя Христолюбивого воинства, в день памяти которого они одержали яркую победу.

Но даже столь весомый успех не означал окончания кампании. Цимисхий ожидал подхода флота для полной блокады Доростола. А учитывая яростное мужество росов в бою, следовало ожидать их новых вылазок из крепости. Обдумав ситуацию, василевс приказал стратигам строить укрепленный лагерь по всем правилам военной науки, впитавшей в себя многовековую практику римских легионов. Части расположились на большом покатом холме, вокруг которого был вырыт ров. Образовавшуюся насыпь для дополнительного усиления обнесли частоколом из копий, а поверх них навесили солдатские щиты.

На следующий день, подступив к стенам Доростола, ромеи вели перестрелку из луков и пращей, а тавроскифы отвечали им из метательных орудий. На фоне позавчерашнего побоища это выглядело как детская забава. Но затем Святослав произвел внезапную вылазку, которую пришлось отражать испытанным способом — контратакой тяжелой кавалерии. В общем, обе стороны подтвердили серьезность своих намерений.

Положение изменилось, когда на Дунае показались, наконец, расцвеченные яркими вымпелами корабли царского флота. Транспортные суда тяжело осели под грузом провианта, из чего наблюдательный человек мог сделать вывод о готовности византийцев к длительной осаде. Зато огненосные дромоны произвели на росов подавляющее впечатление. Ветераны, помнившие поход Игоря, объяснили молодым *воям*, что за сверкающие медные жерла находятся на боевых палубах. Христиане могли вспомнить



о трубах, от гласа которых пал ветхозаветный Иерихон. Язычники же просто поняли, что это грядет смерть.

Не имея возможности отступить, Святослав снова вывел войско в поле. Он все еще надеялся нанести противнику невосполнимый урон и заставить греков снять осаду. Цимисхий придерживался более тонкой тактики. Вступая в бой, василевс, обладавший превосходными кавалерийскими частями, неизменно стремился фланговыми ударами отрезать «скифов» от крепости и полностью их уничтожить. Клибанарии не только кололи врагов длинными пиками, но и крушили головы страшными стальными булавами. Не получились, ни то, ни другое. В ожесточенных схватках погибло немало народу¹. В числе павших оказались воеводы (или, все-таки, конунги?) Сфенкел и Икмор. Ромеи же потеряли магистра Иоанна Куркуаса, когда тот, отяжелев от вина, был застигнут врасплох вылазкой неприятеля. Заканчивалось все каждый раз одинаково: росам удавалось пробиться назад к городу, хотя осаждающие доставали их и там, обстреливая громадными камнями.

Еще одной серьезной проблемой осажденных являлась нехватка продовольствия. Пополнить его запасы можно было только в ходе вылазок, но, как мы уже знаем, все выходы из городских ворот зорко сторожили византийцы. Оставалось попробовать выйти из Доростола по реке, и здесь русские преуспели. Однажды ночью сразу несколько сотен их однодревков с воинами проскочили по Дунаю мимо царских кораблей. Высадившись ниже по течению, русичи ограбили близлежащие селения, забрав хлеб, просо и другие запасы. Да еще они застали врасплох и разгромили вражеский обоз, после чего, тяжело на-

груженные добычей, также незаметно вернулись в крепость. Неизвестно, сколько провианта удалось доставить, но василевс воспринял случившееся как личное оскорбление. Он пообещал предать смерти флотских командиров, если что-либо подобное повторится.

Между тем прошли май, июнь и почти весь июль. Отсутствие у Святослава конницы не позволяло ему перейти в наступление. Не оправдались и надежды князя на помощь от венгров и подкрепления с Руси. К нему так никто и не пришел. Святослав отдал инициативу противнику. Цимисхий же навязал своему оппоненту войну на истощение, в которой у росов не было шансов на успех. Пассивная, оборонительная тактика обрекала их на поражение. И тогда князь прибег к средствам магическим, страшным.



Жертвоприношение под Доростолом.
С картины худ. Г. Семирадского

Однажды ночью, когда луна залила мертвенным светом поле недавней битвы, росы вышли из Доростола и, разведя громадные костры, стали сжигать трупы погибших. Но не это зрелище заворозило византийский лагерь. Православные воины (какие бы грешники не находились среди

¹Византийцы испытали неподдельное изумление, обнаружив среди павших врагов женские трупы. Одетые в боевые доспехи, «северные амазонки» сражались наравне с мужчинами.

них) были ошеломлены, когда увидели, как язычники убивают пленных ромеев, а также безоружных мужчин — то ли из числа горожан, то ли своих.

Понятно, что всех христиан тавроскифы считали изменниками. Но за ними последовали и женщины. На правах собственности погибших, они должны были служить им в загробном мире. Но и это еще не все. Жертвоприношения происходили и на Дунае, где душили малолетних детей и... петухов, а затем топили их в волнах.

Пока ромеи приходили в себя от увиденного, Святослав созвал совет своих ближайших сподвижников. Мы не будем приводить здесь его речь, цитируемую византийским хронистом. Гораздо важнее, что почти те же самые слова содержатся и в русской «Повести временных лет». Этот факт может означать лишь одно: оба автора знали и пользовались каким-то общим источником, которому, скорее всего, можно доверять. Уже поэтому, содержащееся в летописи обращение Святослава достойно того, чтобы его прочесть и запомнить. Не говоря уже о мрачном величии слов князя, которые с тех пор навсег-

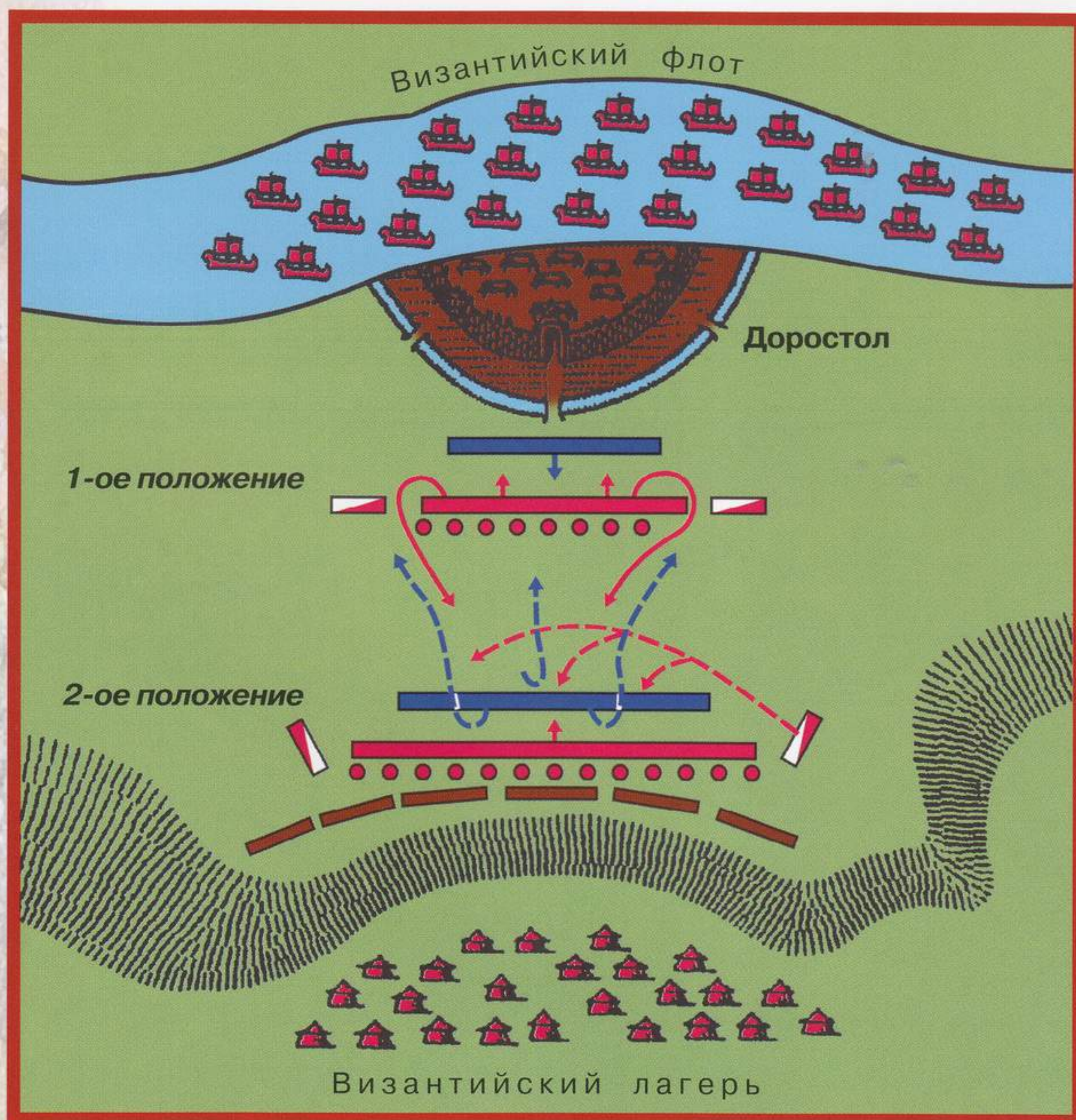
да вошли в отечественную историю и стали девизом многих поколений русских воинов: *«Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые срама не ведают».*

С утра 21 июля росы построились перед городом обычным боевым порядком — стеной. Цимисхий, обладавший численным превосходством, поставил в центре пехоту, а на флангах конницу. Да еще в тылу, во второй линии, также разместил в качестве резерва отборные кавалерийские части. Пронзительно грянули трубы, дробно рассыпали сигнал тимпаны, и противники начали сходить: ромеи молча, а росы подбадривая себя криками.

Сшибка получилась страшной. Многие погибли на месте. Остальные лишь смыкали ряды. Наиболее опытные воины упирались копьями в щиты, отражали вражеские удары и рубили с плеча сами. А потом случилось непредвиденное. Пехота росов стала теснить византийскую конницу. Пронзенные лошади падали, увлекая на землю всадников. Здесь их споро добивали клинками. Даже если император Иоанн предусматривал притворное отступление, чтобы выманить «скифов»

подальше от города, столь тяжелый урон грозил утратой управления битвой и полным разгромом.

Василевс отлично понимал, с каким опасным противником имеет дело. Казалось, Сфендослав успевал повсюду. Настолько слаженно и самоотверженно дрались его дружинники. Восстановив порядок в частях на новой позиции, Цимисхий послал к катархонту росов вестника, предлагая решить исход сражения в поединке. Святослав отвечал, не скрывая издевки: «Если царь не желает больше жить, то пусть изберет любой другой способ смерти». По-видимому, на какое-то время бой прекратился. Солнце стояло в самом зените, изливая на головы бойцов, закованных в сталь, непереносимый зной. Перед глазами плыли красные круги, а руки отказывались удерживать оружие. Воспользовавшись паузой, Цимисхий распо-



Сражение при Доростоле 21 июля 971 г.

рядился принести воинам вино в мехах и прохладную воду. Затем сеча возобновилась.

Теперь император видел главную цель в убийстве вражеского предводителя. Один из офицеров тагмы «бессмертных», крещеный сын критского эмира Анемас (по свидетельству историка, «никто из сверстников не мог превзойти его воинскими подвигами») пришпорил коня, отважно врубился в ряды варваров и, пробившись к самому Сфендославу, нанес ему сокрушительный удар мечом по плечу. Добрая кольчуга и щит спасли князя от верной гибели, а Анемас пал, пронзенный копьями, хотя и сам поразил немало окружавших его врагов.

Эта драматическая схватка придала росам новую ярость. Они рубили направо и налево, повергая византийцев десятками. И дрогнул тут могучий ромейский строй — доселе несокрушимый. Еще немного и подразделения превратятся в толпу, охваченную животным ужасом. Тогда тавроскифы погонят ее, утоляя жажду кровавого истребления. Сам автократор убоился, как бы его войска «не попали в крайнюю беду». Наступил решающий момент битвы, и василевс Иоанн лично повел в атаку свой кавалерийский резерв.

Полководец сражался как простой воин, подавая пример бесстрашия и воодушевляя павших духом. Отовсюду можно было видеть его сверкающие доспехи и благородного белого коня. Так что совсем не случайно позднее появилась легенда, будто под Доростолом святой мученик Феодор пришел на помощь православному воинству и сокрушил неверных. Ну, а на самом деле, тяжело вооруженные клибанарии магистра Варды Склира зашли противнику в тыл, заставив его прекратить наступление. С фронта на скифов наседали отряды патрикия Романа и стратопедарха Петра. Оценив положение, раненый Святослав велел отходить, и дружинники совершили невозможное: потеряв более пятнадцати тысяч человек¹, они прорвались из стального кольца и укрылись в Доростоле.

Конечно, можно было бы еще раз сказать воинам, что «мертвые сраму не имут». Но с равным успехом росы могли просто покончить с собой, не нанеся врагу никакого урона. Всю ночь провел Святослав в гнев

и печали, а наутро отправил послов к императору, предлагая заключить мирный договор. Ромеи торжествовали. Неистовый враг, силы которого иссякли в бою, не мог продолжать сопротивление. Цель кампании была достигнута. Теперь ее результаты предстояло закрепить дипломатам. Булатный меч уступал место миниатюрному стилу. Ученые спорят, представлял ли согласованный документ акт о капитуляции Святослава, или это было соглашение, восстанавливавшее ранее существовавшие межгосударственные отношения. Единого мнения по данному вопросу не выработано до сих пор.

В обращении князя к василевсу говорилось: «*Хочю имети миръ с тобою твердъ и любовь*». Звучит несколько странно для уха современного человека. На деле перед нами формулировка договора о ненападении. Византийский историк конкретизирует его *предварительные* условия. Росы передавали ромеям Доростол, освобождали тех пленных, которых не успели перебить, и уходили из Болгарии на Русь. Особо оговаривалось, что впредь они никогда не будут *злоумышлять* против Византии и не нападут



Иоанн Цимисхий принимает русских послов и встреча императора с князем Святославом.

Миниатюры византийской хроники

¹Оставим на совести византийского хрониста цифру потерь императорской армии — «350 убитых и немалое количество раненых».

ни на основную территорию империи, ни на «Корсунскую страну» (т. е. крымский Херсонес), ни на Болгарию (признавая, таким образом, суверенитет Константинополя над этими землями). Более того, князь брал на себя обязательства с оружием в руках выступить на помощь ромеям в случае нападения на них любого внешнего врага.

В свою очередь, византийцы соглашались снабдить росов на дорогу продовольствием и беспрепятственно пропустить за Дунай. Лишь после этого они были готовы считать «своими друзьями» тех жителей севера, которые станут прибывать в Константинополь «по торговым делам».

Трижды встречались русские и византийские представители, прежде чем согласованный текст договора был зафиксирован на пергамене. Вслед за этим, по личному предложению князя состоялась встреча на высшем уровне. Василевс отправился на нее, поскольку добился реализации практически всех своих политических и военных целей. Кроме того, он считал, что «мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их».

На зеленом берегу Дуная единственный раз в истории сошлись император ромеев и князь Руси. По-видимому, эта сцена произвела на всех присутствующих неизгладимое впечатление. Хотя бы потому, что внешность Сфендослава резко отличалась от всего, что приходилось видеть до сих пор византийским дипломатам. По-настоящему сенсационно смотрелась гладко выбритая голова с единственным клоком волос, свисающим на бок (в Константинополе такую «модельную стрижку» мог иметь разве что мим, или уличный фокусник). Не было у него и бороды — предмета заботы и гордости каждого уважающего себя ромейского мужчины. Зато одно ухо катархонта украшала золотая серьга с крупным карбункулом и двумя жемчужинами (а в Византии серьги носили моряки, либо... маленькие мальчики). Довольно странно для вождя воинственного

и могучего народа выглядело и одеяние князя — чистое, но сшитое из простой белой холстины.

Зато василевс Иоанн явился во всем блеске повелителя единственной сверхдержавы той давней эпохи. Он был в золоченом панцире, слепившим окружающих искрящимся отражением лучей июльского солнца, и златогорящим царском венце. Под стать автократору был и его конный эскорт в парадном строевом снаряжении.



Встреча князя Святослава с императором Иоанном Цимисхием. С картины худ. К. В. Лебедева

Опасаясь от греков подвоха, Святослав так и не вышел из челна, на котором приехал из Доростола. Зато он не встал перед императором, а разговаривал с ним сидя. По-видимому, обоим было интересно взглянуть друг на друга. Какое-то время беседа шла через переводчика. Впрочем, вряд ли долго. Ведь условия мирного договора были уже согласованы и записаны. Не исключено, что князь пытался понять, можно ли доверять царским гарантиям беспрепятственного возвращения его дружины на Русь. И дело было не только в страшных огненосных кораблях, которые легко могли

уничтожить росов на переправе через Дунай. Впереди лежали широкие причерноморские степи, находившиеся под контролем печенегов, и они русичам ничего не обещали... Лицо императора оставалось бесстрастным, и недавние противники расстались, как и следовало ожидать, навсегда.

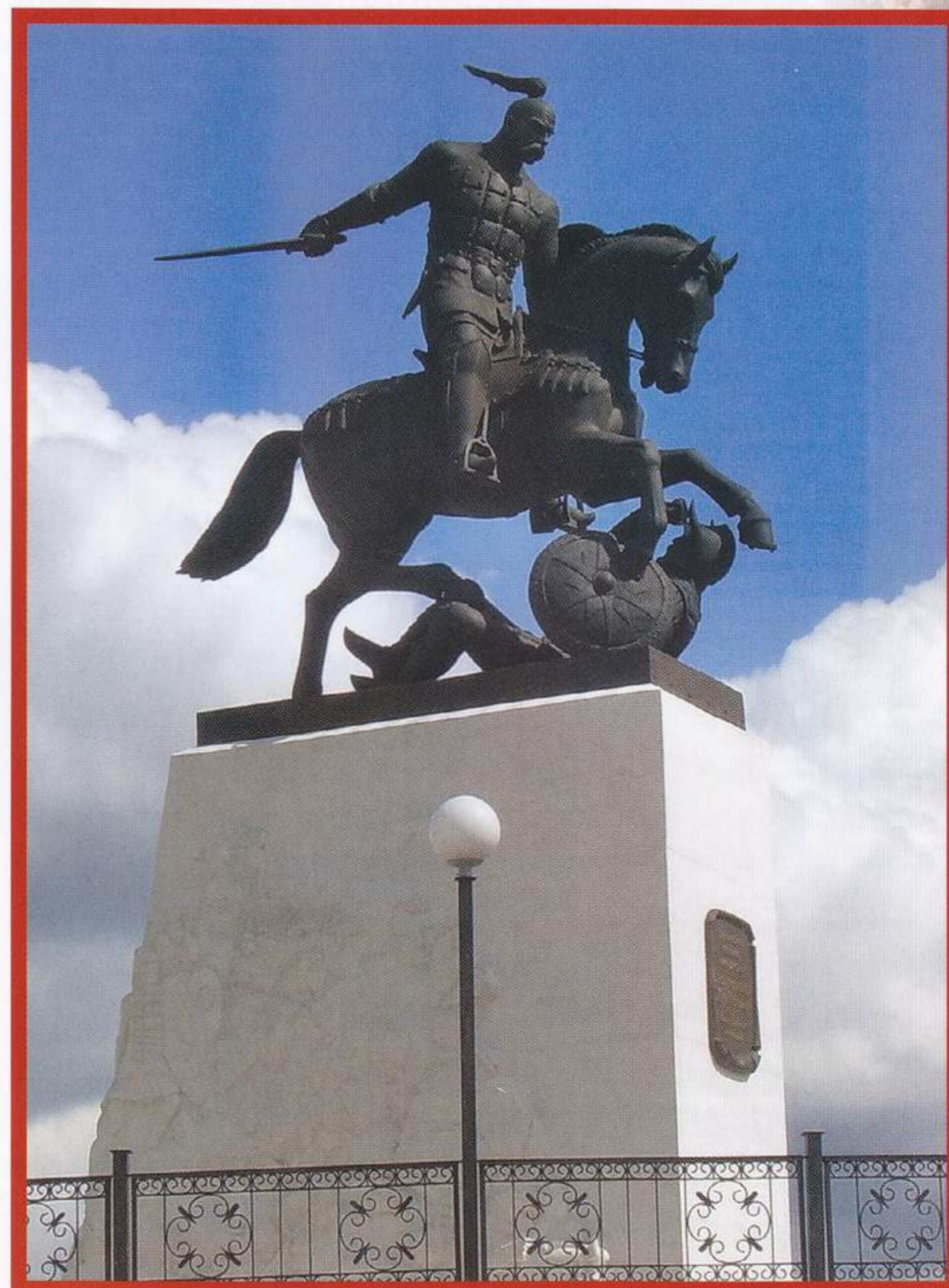
Ну а дальше случилось то, о чем рассказывается в школьных учебниках. У Днепровских порогов дружину Святослава подкараулили печенеги и истребили почти всех¹. Еще император Константин Багрянородный писал о необходимости поддерживать союз с пачинаками, так как последние, «легко могут нападать на землю росов». Но на сей раз степняков известили не греки, а *перяславцы* (т. е. болгары), не забывшие о разорении своей страны.

Стоит обратить внимание читателя и еще на одно любопытное обстоятельство. По-видимому, после понесенного поражения авторитет князя оказался подорван даже среди ближайших его соратников. Не тогда ли часть конунгов, принимавших участие в походе, «ушла в Андалус» (т. е. предприняла набег в Испанию), о чем пишут арабские историки. Отказался последовать за Святославом и еще один соратник — *муж грозен* Свенельд. Он повел свой отряд в Киев не морем, а напрямик через степь. Святослав же заплатил за свою Балканскую, скажем прямо, авантюру многочисленными жизнями ближних дружинников, простых *воев* — ополченцев и собственным черепом, который печенежский хан Куря, оправив в серебро, обратил в пиршественную чашу.

В результате этой войны, Русь полностью утратила свои политические позиции на Балканах, да и в Византии в целом.

До сих пор ученые по-разному оценивают характер и итоги деятельности Святослава. Анализ их выводов находится за рамками нашего повествования. Автор этих строк может лишь согласиться с мнением

Н. М. Карамзина, справедливость которого не потускнела за минувшее время. «Святослав, образец великих полководцев, не есть пример Государя великого, ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка». И в самом деле — великого плача по Святославу на Руси не было².



Памятник князю Святославу в селе Холки Белгородская область

А в Константинополе тысячу лет назад царило не показное, а вполне искреннее ликование. Возвращение Иоанна Цимисхия в столицу напоминало триумфы Августа и Траяна. Правда, с поправками на новую —

¹Напоследок Святослав совершил еще один «подвиг». Вынужденный провести зиму 971-972 гг. в устье Днепра он велел перебить тех своих воинов, которые исповедовали христианство. Среди погибших был и брат Святослава Улеб (Глеб).

²О князе напоминают два памятника. И оба довольно странные. Один стоит в Запорожье (надо понимать — по месту гибели). Незалэжный Святослав выглядит неуклюже, напоминая деревянного солдата-дуболома из сказки об Урфине Джюсе. Второй установлен почему-то в селе Холки Белгородской области. Автор — известный национал-патриот В. Клыков изваял полководца верхом на коне над поверженным хазарином. Первоначально скульптор изобразил главного врага Руси с шестиконечной звездой Давида на щите, но после скандала, вызванного многочисленными протестами еврейских религиозных и общественных организаций, увеличил число лучей звезды, так что теперь сразу и не поймешь, над кем же торжествует князь-воитель.

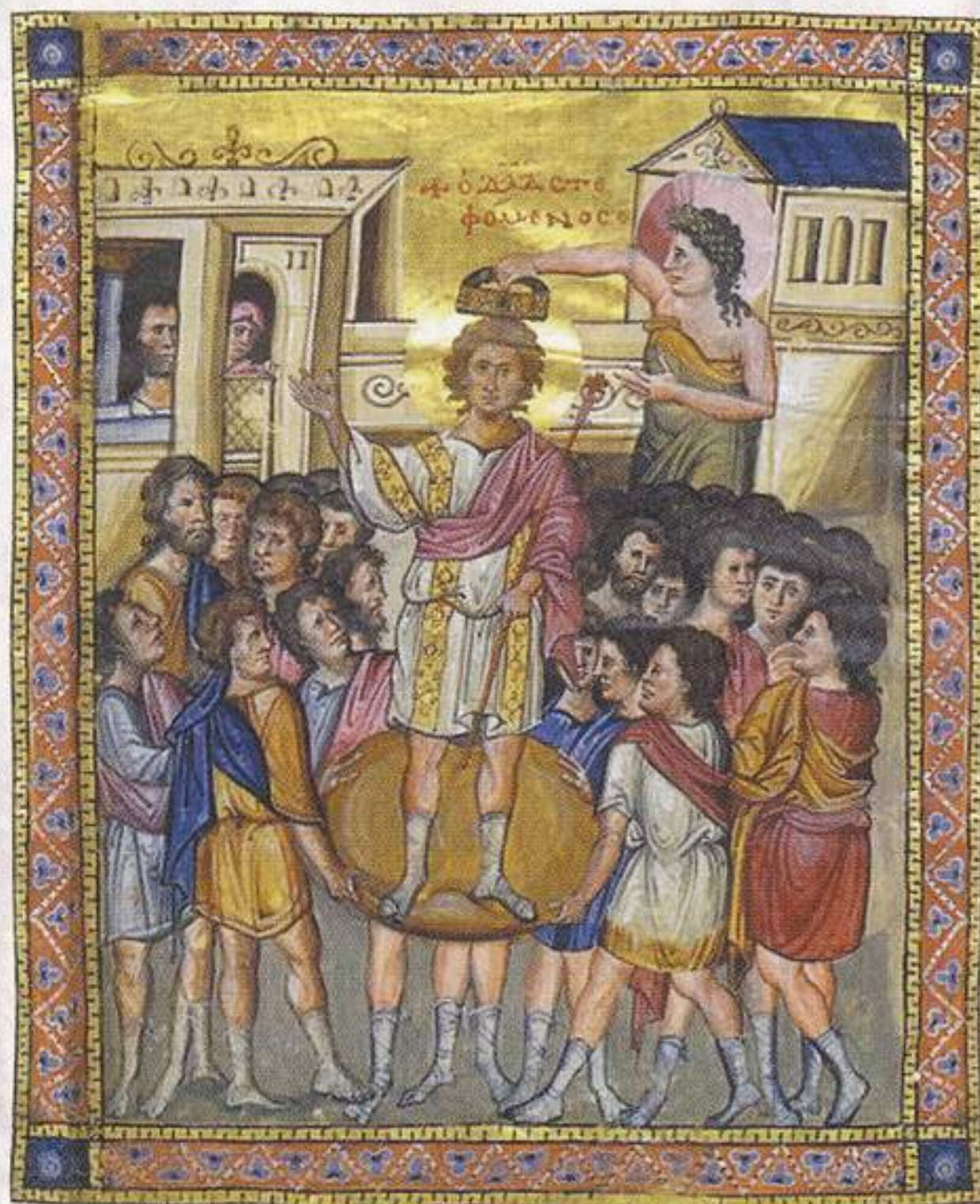
христианскую государственную идеологию. У городских стен, видевших победы над гуннами и аvaraми, арабами и болгарами, императора встретили патриарх, высшие сановники и городские магистраты. Они поднесли государю памятные венцы и скипетры. Золотые, с инкрустациями из драгоценных камней, они славили победу василевса над северными варварами и на вечные времена утверждали мощь Ромейской державы. Предполагалось также, что автократор совершит торжественный въезд в богохранимый град на золотой колеснице, запряженной прекрасными белыми лошадьми. Но уже успевший привыкнуть к пышному дворцовому церемониалу, Цимисхий и сам оказался неплохим постановщиком массовых действий. Он велел устлать колесницу пурпурными тканями, благородность тона которых оттеняла помещенная сверху икона Пресвятой Богородицы Влахернской. Так государь подчеркивал значение Той, кому он был обязан одержанными победами. Сам же царь следовал за образом верхом на коне, как воин, призванный защищать веру истинную, православную.

В это время главная улица Меса на всем протяжении от Золотых ворот до храма Божественной премудрости, «наподобие брачного чертога», была украшена пурпурными одеяниями, ветвями лавра и покрывалами, сотканными из сияющей золотой парчи. Вдоль маршрута церемониального кортежа нескончаемой сплошной стеной стояли люди в нарядных одеждах. Они забрасывали

дорогу цветами. Церковные хоры искусно и страстно исполняли священные гимны, а *димы* витиевато и изысканно скандировали аккламации в честь василевса, славя его за спасение империи от дикого народа Рос. Что и говорить, организация государственных празднеств стояла в Византии на высочайшем уровне, так что иноземцы, оказавшиеся в этот день в Константинополе, были ошеломлены пиршеством красок и звуков, лишний раз убеждаясь в богоизбранности Ромейской державы и незыблемости ее могущества.

А впереди были еще благодарственный молебен в громаде Святой Софии, наполненной золотом солнечных лучей, струившихся из-под купола, приемы с угощениями в богато убранных дворцовых чертогах и ликование народа, подогретого царскими раздачами на площадях и улицах столицы.

Успешное окончание Балканской кампании позволило Иоанну Цимисхию решить сразу две важнейших внешнеполитических задачи. Во-первых, росы больше никогда не пытались покуситься на территориальную целостность империи. Во-вторых, что было еще важнее, Византия вернула себе Северо-Восточную Болгарию, взяв реванш за унижительное поражение трехвековой давности. Царь Борис II, помощь которому василевс декларировал в качестве официальной цели своего похода, был детронизирован¹, а осколки его земель составили вновь образованную византийскую фему Паристрион (Подунавье).



¹В утешение Борису был пожалован довольно высокий титул магистра.



О ЛЮБВИ
И НЕНАВИСТИ

И



ногда считают, что Святослав был последним *варяжским* правителем Руси, а его сын Владимир стал первым *русским* (т. е. славянским) князем. В качестве точки отсчета обычно принимается крещение киевлян. Но до этого, действительно важнейшего события оставалось еще более четверти века, и все это время будущий святой и равноапостольный жил как самый закоренелый язычник, греша «бесстыдно и беспробудно». А начинался путь Красна Солнышка к праведности так...

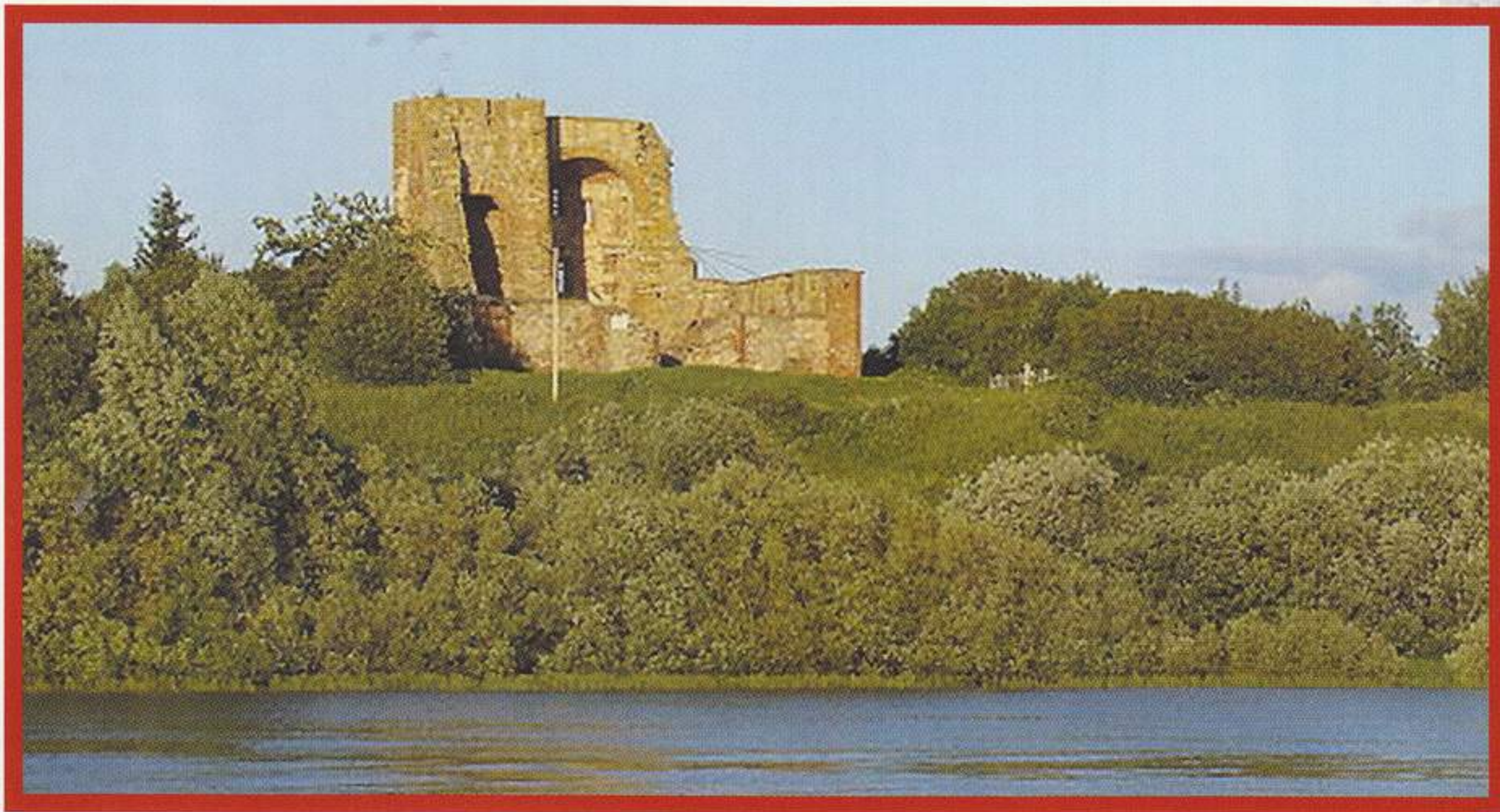
Прежде чем отправиться во второй Дунайский поход, Святослав назначил уделы своим сыновьям. Ярополку достался стольный Киев (совершенно очевидно, что его отец не собирался сюда возвращаться). Олегу древлянская земля вдоль неторопливой Припяти. Летопись гласит, что в это же время в Киев явилась делегация новгородцев, также прося для себя князя. И сказал Святослав: «А кто бы пошел к вам?» Ярослав и Олег сразу же отказались. Видно не хотелось им отправляться в дальнюю северную сторону. Были, правда, у Святослава и другие дети, но их, незаконнорожденных, он в расчет никогда не принимал. Ну, побаловался жизнелюбивый муж с одной, другой (пятой-десятой). Так что же теперь, обо всех помнить и заботиться? Сроду не бывало подобного (и не только на Руси).

Одним из таких плодов доступной любви был сын Святослава от его наложницы Малуши, служившей ключницей у старой Ольги. Звали его Владимир, а окружающие, почти не таясь, *робичичем* (т. е. сыном рабыни) и *холопищем*. Никогда и ничем не владеть бы человеку с такими исходными данными, если бы не дядя по матери — хитрый Добрыня. Сказал он новгородцам с глазу на глаз: «Просите себе Владимира». Так они и сделали. Святослав был удивлен, но согласился: «Вот он вам». А так как мальчишка сам править не мог, то дал он ему в наставники Добрыню, и отпра-

вились они в Новгород. Никаких особых перспектив на будущее Владимир не имел и тут, но после гибели отца положение изменилось.

Братья стали завидовать друг другу, считая, что удел соседа, и больше, и богаче. Тут уже недалеко и до восстановления справедливости силой меча. Примерно в 977 г. Ярополк пошел войной на брата Олега и разбил его дружину под Овручем. Во время панического бегства Олег погиб, а Ярополк стал владеть областью древлян. По-видимому, имелись у него подобные планы и в отношении Новгорода. Во всяком случае, Владимир начал серьезно опасаться за свою жизнь и по совету дяди Добрыни бежал за море — к варягам. Здесь, несмотря на славянское имя, его приняли как родного. В свою очередь и Владимир не скупился на щедрые обещания. И так как горячие скандинавские парни всегда были не прочь на славу погулять и подзаработать, то всего через три года Владимир вернулся в Новгород с немалым войском. Он чувствовал себя настолько уверенно, что открыто бросил вызов Ярополку, заранее известив, что собирается идти на него войной.

Сказать такое легче, чем сделать. Борьба предстояла нешуточная, и Владимир постарался обзавестись союзниками. С этой целью направил он послов в Полоцк, где княжил еще один конунг — Рогволд. Молодой правитель Новгорода просил руки его дочери — Рогнеды. Надо сказать, что в браки (особенно династические) в те былые времена вступали в весьма раннем



Рюриково городище. Современная фотография. Расположенное в двух км южнее центра современного Великого Новгорода, по-видимому, являлось первой резиденцией великокняжеских наместников

возрасте. Рогнеде было всего двенадцать лет¹, но она уже отлично понимала свой социальный статус и заявила гордо, с вызовом: «Не хочу идти за робичича».

Такой ответ означал не просто крушение политических планов, но и тяжкую личную обиду. Человек довольно быстро привыкает к легкой, пьянящей влюбленности и перестает ценить ее. Страсть обычно проходит после рождения ребенка и с появлением связанных с этим ежедневных бытовых забот. И только оскорбление отказом не позволяет ослабнуть слепой ненависти к предмету недавнего вождения (даже если речь идет о союзе по расчету). Специалист психоаналитик сказал бы, что в данном случае Владимиру было отказано в самореализации. Девчонка не воспринимала его как мужчину, по сути, отрицая право на полноценную жизнь. Не удивительно, что черная злоба обуяла князя Новгородского. Он не мог ни пить, ни есть, пока не рассчитался за поношение по полной программе.

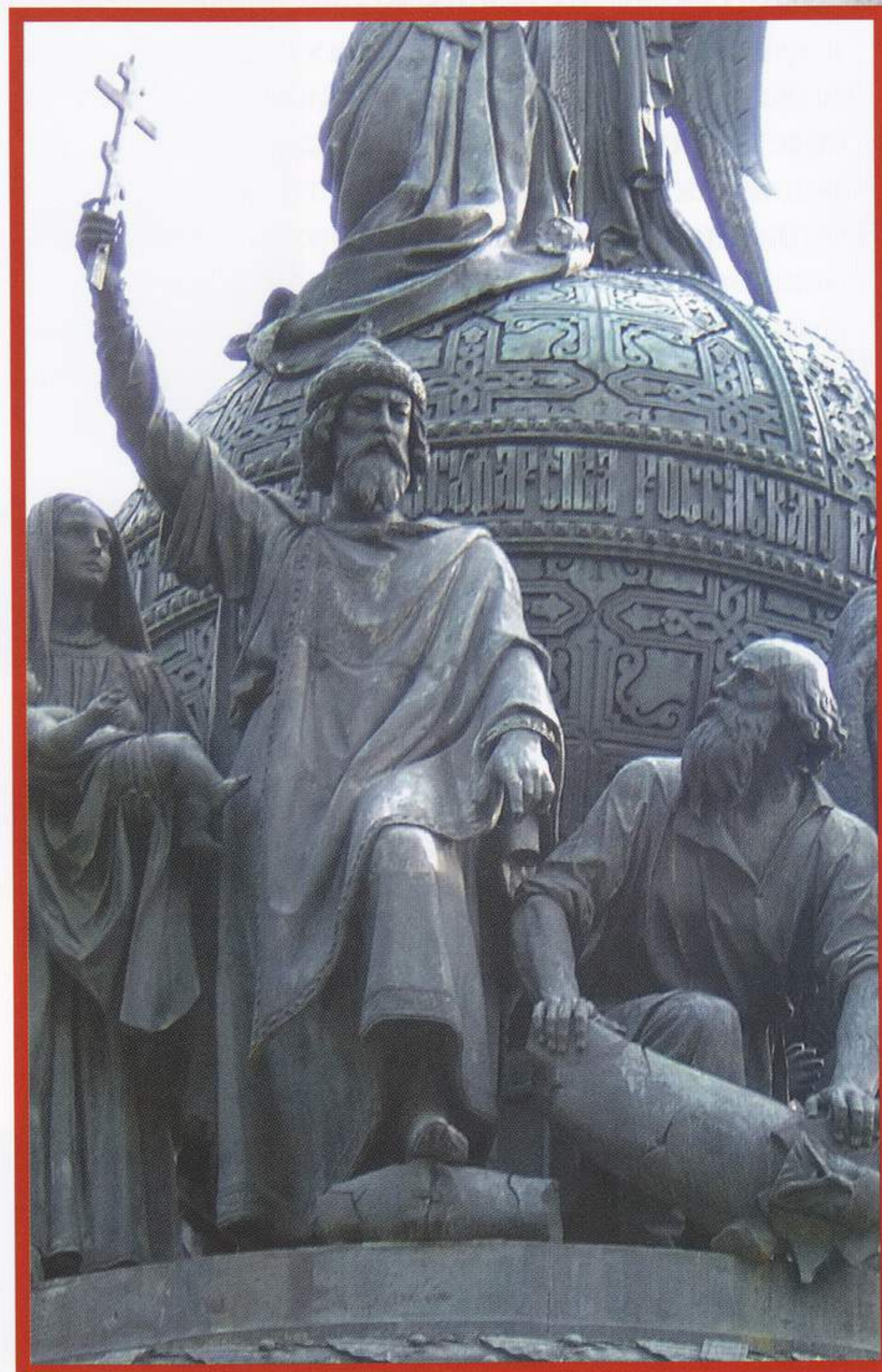
Владимир собрал большое войско: варягов, славян, чудь, кривичей и пошел на Полоцк. Город был взят штурмом, и множество людей перебито. Но и это еще не все. Победитель изнасиловал двенадцатилетнюю девочку на глазах у родителей, а затем тут же, едва переведя дух, убил ее отца и братьев.

После такой расправы, мало находилось смельчаков, способных отвергнуть союз с Владимиром, так что силы его на пути к Киеву непрерывно росли. Положение Ярополка, затворившегося в стольном граде, было достаточно прочным, но исход братоубийственной распри решило предательство.

Был у Ярополка воевода с характерным именем Блуд. И подбил его Владимир на измену. «Если убью брата моего, — сказал он, — то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня». Словно ждал этих слов Блуд, потому что ответил: «Буду с тобой в любви и дружбе».

«Видишь, сколько воинов у брата твоего? — Страшал Блуд Ярополка. — Нам их не победить. Заключай мир». Пал духом старший сын Святослава и ответил: «Пусть так!» Когда же он безоружный явился к Владимиру, то два свирепых варяга подняли его на мечи. Но и этого было мало *холопищу*. Владимир насильно взял беременную жену брата и жил с ней не по закону, а как пре-

любодей. Кроме того, его супругой, по-прежнему, считалась Рогнеда. Затем к ней добавились «чехиня», «болгарыня» и еще одна женщина неизвестной национальности.



Князь Владимир.
Фрагмент памятника «1000-летие России»
в Новгороде Великом

Не было теперь у него соперников на Руси. Оставалось лишь расплатиться с варягами, которые помогали овладеть престолом Киевским. Владимир и их не обидел — отправил на хлебную и хмельную службу в Царьград, да при этом послал императору Василию особою грамотку, где со знанием дела и невинностью ангельской присоветовал: «Не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».

Избавившись от необходимости считываться с наемниками-скандинавами,

¹Точной даты рождения Владимира мы не знаем, но вряд ли ему было намного больше.

Владимир занялся обустройством своего быта. На высоком берегу Днепра он велел построить языческое капище, где приносились кровавые человеческие жертвы. Воздав должное духовности, не забывал князь и о потребностях телесных. В трех селах недалеко от Киева он поселил несколько сотен (sic!) наложниц¹, куда регулярно навещался, чтобы отдохнуть от трудов по управлению державой. Забот же, признаем, оказалось немало. В ходе междоусобицы многие племена перестали платить Киеву дань, и теперь требовалось напомнить отступникам, кто на Руси хозяин. В 980-х гг. Владимир воевал с вятичами, затем разумлял радимичей. На западе он остановил экспансию Польши, а на востоке совершил поход в Волжскую Болгарию. Кроме того, киевская рать покорила ятвягов (предков нынешних литовцев). В общем, соседям Руси все это время скучать не приходилось. А Владимир почувствовал себя повелителем огромной и могучей страны, который имел все основания на равных вести диалог с самым авторитетным государем той эпохи — императором Византии.

Для этого князю пришлось совершить полномасштабный слом существовавшей

к тому времени на Руси государственной идеологии. Понял ли он сам, или объяснили умные советники, но в окружающей действительности не существовало сильных правителей, подданные которых являлись бы язычниками и поклонялись вырезанным из дерева истуканам (хотя бы даже, подобно Перуну, и с позолоченными усами). Наоборот, все великие державы, о которых было известно, придерживались строгого монотеизма.

Вслед за этим железным выводом последовал так называемый «Выбор веры» для Руси. Его обстоятельства широко известны, так что нет особой необходимости на этом останавливаться. Заметим лишь, что Владимир с подозрением отнесся к иудаистам, так как представители «богоизбранного народа» вообще не имели своего государства. Мусульмане с их многоженством понравились больше, но жизнелюбивому князю не пришелся по душе заповеданный пророком «Сухой закон». А ведь и до наших дней «Веселие Руси есть питье». Оставалось христианство. И вот тут возникает вопрос: почему Владимир решил принять веру из Константинополя, а не из Рима?

Летописец повествует, что посланцы

Владимира у немцев «красоты не видели никакой», а греческое богослужение в Святой Софии произвело впечатление неземного, сладчайшего блаженства. В огромном пространстве храма, залитом ровным золотым светом, струившимся из подкупольных окон, не просто слышимыми — осязаемыми становились даже звуки. Невидимые хоры возглашали «Трисвятое», «Иже херувимы», «Спаси, Господи, люди твоя...», и «Богородице Дево, радуйся...» Распевы уносились ввысь, гости с севера не понимали слов, но глазами невольно устремлялись вслед за ними в выси горние, где, не касаясь земли, легко парили прекрасные крылатые юноши. Мозаичные одеяния ангелов сияли изнутри, и, казалось, посланцы Божии вто-



Н. К. Рерих. «Идолы»

¹«Был ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц», — гласит русская летопись. «Носил на бедрах перевязь, дабы еще больше увеличить врожденную страсть ко греху», — вторит ей германский хронист.



Выбор веры князем Владимиром.
С картины худ. И. Е. Эгинка

рят молитвам православных, донося их до престола Всевышнего.

Что ж, вполне возможно, что именно так все и было. Подобный рассказ о византийском богослужении должен был произвести на Владимира неизгладимое впечатление. Но не оставляет мысль, что на решение князя повлияли и более рациональные причины. Роскошь и богатое убранство великой церкви Царьграда доказали ему, что только Византия является единственной сверхдержавой современного ему мира. А что собой представляли в конце X века не только германские города, но даже и Рим? Думается, объяснять не требуется. Выбирая православие, Владимир надеялся добиться благожелательного расположения императора, а когда-нибудь, со временем, может быть, и той же степени могущества, славы и богатства.

Нельзя сбрасывать со счетов и еще одно обстоятельство. При всей своей мощи, Византия никогда не требовала от единоверных государств политического подчинения. Войны против болгар и сербов велись исключительно в рамках возвращения территорий, прежде входивших в состав Римской империи. На Руси отлично понимали эту подоплеку и не испытывали опасений на свой счет. С другой стороны, католиче-

ские первосвященники всегда претендовали на склонение христианских государей перед папской волей. В результате балканские правители неизменно принимали православие. Как писал Л. Н. Гумилев, русичи «остановили свой выбор на греческой ортодоксии, потому что в ней не было двойного дна. Византия хотела получить от Руси только дружбу и прекращения бессмысленных набегов на побережья Черного моря». Во всяком случае, подобная версия выглядит вполне убедительно, и ее не стоит сбрасывать со счетов.

Итак, теоретически, новая государственная идеология была вполне оправ-

дана исторической и политической логикой. Оставалось осуществить необходимые практические шаги, постаравшись обставить дело таким образом, чтобы они сопровождались и немедленной, реально ощутимой пользой. Сама судьба предоставила киевскому князю верный случай для осуществления задуманного.

Несмотря на внешний блеск, Византия в описываемый период переживала нелегкие времена. Еще в январе 976 г. после тяжелой болезни скончался василевс Иоанн I. Поговаривали, что его отравили, но на этот раз перемены на троне не были омыты потоками крови. Василию II (976-1025 гг.)¹



**Василий II
и Константин VIII.**
Византийская
золотая монета

¹Формально его соправителем считался младший брат Константин VIII, но этот человек никогда не интересовался государственными делами, оставляя за собой право на царские почести и соответствующий «уровень потребления» материальных благ.

исполнилось восемнадцать лет, что по византийским меркам делало его вполне взрослым человеком. Другое дело, что на плечи автократора навалилось сразу столько тяжелейших проблем, что с ними не справились бы и гораздо более искушенные политические деятели.

Почти сразу же подняли опасный мятеж два видных полководца: отличившийся в недавних кампаниях Варда Склир и покоритель Антиохии Михаил Вурца. Чтобы одолеть их, пришлось снова возвысить род Фок, могущество которого было подорвано с гибелью Никифора II. Закончилось это плохо. В 986 г. Василий потерпел жестокое поражение от болгар, а год спустя Варда Фока восстал против него и провозгласил себя императором.

Царь с удивлением и болью обнаружил, что для борьбы с очередной апостасией у него просто нет войск. Неизвестно, сам ли он нашел единственно возможный выход из безвыходной, как казалось, ситуации, или его подсказали опытные советники. В любом случае, опираясь на условия предыдущих и все еще действующих византийско-русских договоров, Василий обратился за военной помощью в Киев. Вот тут и настал звездный час князя Владимира Святославича. Он согласился прислать императору вооруженную силу, но взамен выставил условие — выдать за него сестру царя порфирородную Анну.

Казалось бы, еще недавно василевс Константин Багрянородный в резкой форме выступал против династических браков между членами царского дома и вождями других народов («дерзнувший совершить такое должен рассматриваться как нарушитель отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому — и предается анафеме»). Но прошло всего полвека, и мнение о матримониальных союзах в Константинополе резко изменилось. Македонская династия стояла на краю пропасти, и выбирать не приходилось. Василий II согласился, хотя и не без трудных сомнений. Катархонт росов был отъ-

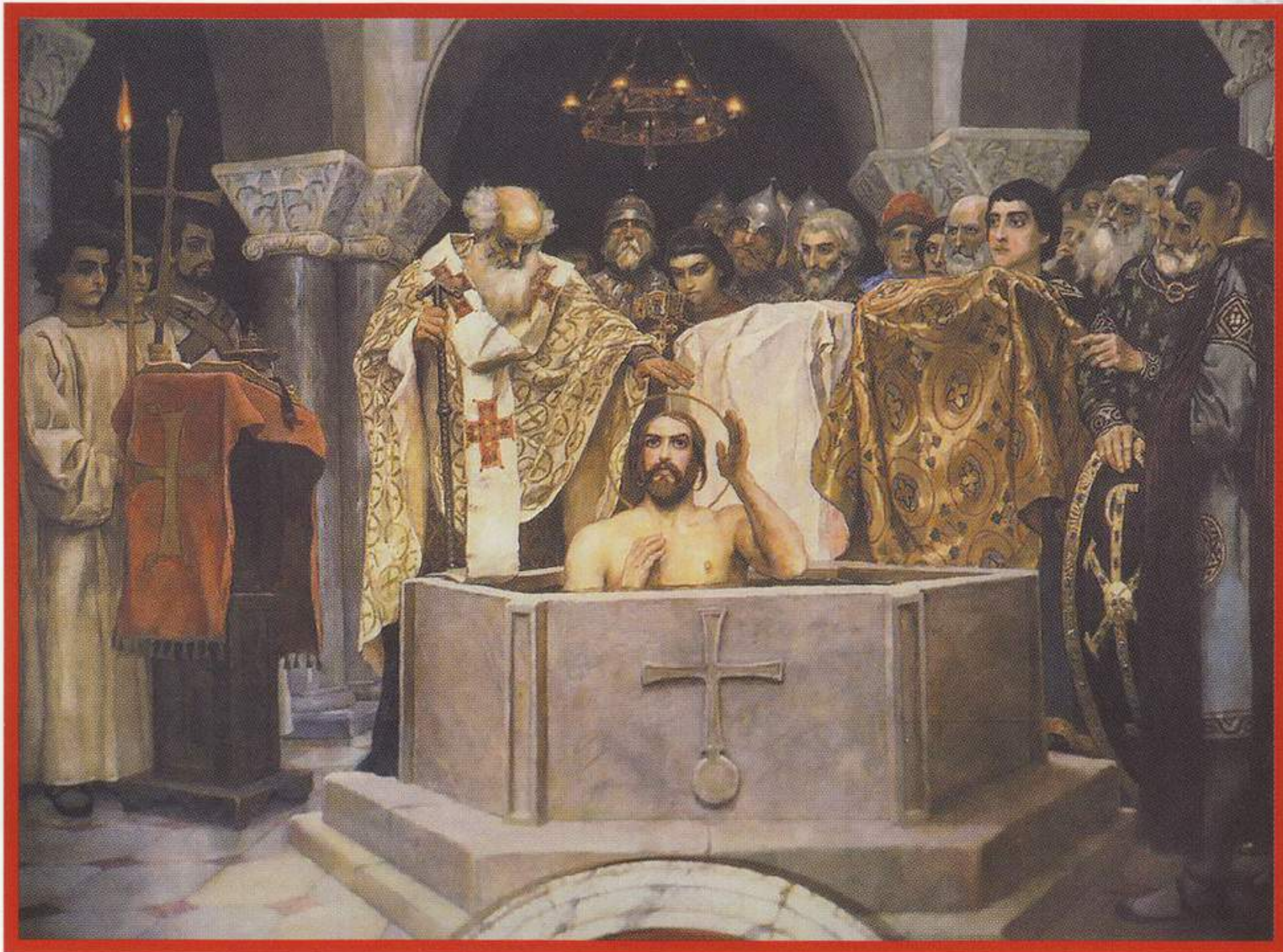
явленным язычником и жил в омерзительном блуде. Поэтому, в качестве условия, он выдвинул обязательство князя принять христианство и крестить весь свой народ.

Правда, помощь нужна была немедленно, а реальной «предоплаты» за нее никто не требовал. Поэтому чиновники в окружении василевса надеялись, что у ромеев останется некоторая свобода маневра.

Действительно, в самом скором времени в Византию прибыл шеститысячный русский корпус. Затем ударный отряд, где, по выражению восточного историка, «каждый из этих храбрецов стоил целой армии», был перевезен в Малую Азию.

В первом же бою близ Хрисополя мятежники потерпели поражение и были отброшены от столицы. 13 апреля 989 г., в самый разгар генерального сражения у Авидоса на азиатском берегу Геллеспонта, Варда Фока, прищпорив коня, помчался на императора, чтобы самому сразить его. Но до поединка дело не дошло. Узурпатор вдруг покачнулся и замертво рухнул на землю. То ли пораженный ликом Богородицы, который держал перед собой Василий, то ли... заранее отравленный медленным ядом, которым опоил его слуга.

Мятеж провалился, а русские остались в Византии. Василевс предусмотрительно не отпустил их домой. Потому что врагов у империи много, а отношения Василия



Крещение князя Владимира. Роспись В. М. Васнецова в Свято-Владимирском соборе в Киеве

с предполагаемым родственником сильно испортились.

Дело в том, что Владимир, четко придерживаясь условий достигнутого соглашения, крестился¹ (хотя ученые до сих пор спорят, где и когда именно это произошло), а братья василевсы не торопились отправлять сестру на Русь. В результате Владимир также счел себя свободным от прежних обязательств. В нарушение договора 971 г. он двинулся во главе дружины на Корсунь (Херсонес). В отличие от предыдущих русских походов на Византию, это был не очередной грабительский набег, но акт жесткого военно-политического давления на империю.

*Готовы струги, паруса подняты,
Плывут к Херсонесу варяги,
Поморье, где южные рдеют цветы,
Червлёные вскоре покрыли щиты
И с русскими вранами стяги.*



«Красные паруса» (поход князя Владимира на Корсунь).
С картины худ. Н. К. Рериха

Первый штурм был отбит херсонитами с большим уроном для атакующих. Русичи сожгли тела своих павших товарищей, отправив также на погребальный костер и пленных гречанок, захваченных в окрестных селениях. Ибо на тот свет настоящего мужчину должна сопровождать женщина, которая и в загробной жизни будет услужать ему.

Владимир готовился к длительной осаде («Если не сдадитесь, — заявил он горожанам, — то простою и три года»). Однако сильная крепость, обильно снабженная провиантом и большими запасами оружия (включая самое грозное — «жидкий огонь»),

пала уже через несколько месяцев. Это случилось в конце весны — начале лета 989 г. Возможно, росам помогли варяги, служившие в гарнизоне. Владимиру сообщили о местонахождении подземного водопровода, питавшего город пресной водой. Разрушив подводящие трубы, он обрек херсонитов на муки жажды, и они вскоре сдались. Город был подчистую разграблен, и Владимир на этом не остановился, продолжая свои привычные деяния.

В «Житие особого состава» (заметим, не византийском, а русском произведении) сказано: «А князя корсунского (правителя города — В. Ш.) и с княгиней поймал, а дочь их к себе взял в шатер, а князя и княгиню привязал у шатерной сохи и с дочерию их пред ними беззаконство сотворил. И по трех днях повелел князя и княгиню убить, а дочь их за боярина Ижберна дал со многим имение, а в Корсунни наместником его поставил...»

После этого, если верить летописи, он начал шантажировать императоров: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу».

Вряд ли русичи могли всерьез угрожать Константинополю, но обескровленная мятежами Византия не располагала ресурсами для новой войны. Поэтому

в Священном дворце решили договариваться.

*И вот императоры держат совет,
Толкуют в палате престольной,
Им плохо пришлось, им выбора нет,
Владимиру шлют поскорее ответ:
«Мы очень тобою довольны!»*

Правда, принцесса Анна заявила братьям: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». Но когда это важные политические интересы считались с мнением одного человека (пусть и самого знатного рода)? Даже если Василию и Константину было жаль выдавать свою кровиночку варвару,

¹Имя, полученное им при крещении, Василий — в честь византийского императора.

обладавшему сотнями наложниц, ее постарались убедить, взывая к чувству религиозного и патриотического долга. «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны», — так изложил их мотивы летописец Нестор. Если и так, то Анна все равно считала себя жертвой, обреченной на муки.

*В печали великой по восходне крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы деву накрыли фатой —
И волны запенил корабль золотой,
Босфора лазурь рассекая.*

Венчание прошло в Херсонесе, по православному обряду. Отшумели пиры, и князь, вернув Византии крымские владения в качестве выкупа за невесту, засобирався в обратный путь с молодой женой. Правда, в Киеве, а тем более на окраинах Руси дело пошло не так гладко. Дружина крестилась, последовав примеру князя, но простой люд был крепок старой верой и не хотел отказываться от прежних — жестоких, но таких привычных богов. Дружинники силой загнали киевлян в Днепр, а окрестили их «царицыны попы» (т. е. греки, прибывшие с Анной). В Новгороде церемонились еще меньше. Посланцы Владимира крестили здешних обитателей «огнем и мечом». Но именно так *держава руси* превращалась в *державу Русь*.

Принятие христианства на Руси явилось важнейшим событием отечественной истории, значительно ускорив ее духовное, политическое, экономическое художественное и культурное развитие¹. В Киеве и других русских городах развернулось культовое и гражданское строительство с широким применением самых передовых на тот момент достижений науки, инженерной и технической мысли. В большом количестве появляются зодчие, художники, искусные ремесленники, сочинители и исполнители музыки, певцы и поэты. В большинстве своем это были ромеи. В дальнейшем их должны были заменить «местные кадры».

Для этого собирали по Руси детей и отдавали их в учение книжное. Матери же плакали о них, как о мертвых.

С принятием письменности, память народа, передававшаяся изустно от поколения к поколению, обретала бессмертие. С тех давних пор русское искусство, как и вся русская национальная культура, несет на себе неизгладимый отпечаток византийского влияния.

Много нового принесли греки на Русь². Не мог не измениться и образ жизни самого князя Владимира. Как ни горько, но ему пришлось отказаться от многоженства. Неизвестно, как он «трудоустроил» свой знаменитый гарем, но вот Рогнеде заявил: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Выходило, что все, что между ними до сих пор было, не в счет. Но гордая полочанка отвечала достойно: «Я природная княжна. Ужели тебе одному дорого царствие небесное? И я хочу быть невестой Христовою».



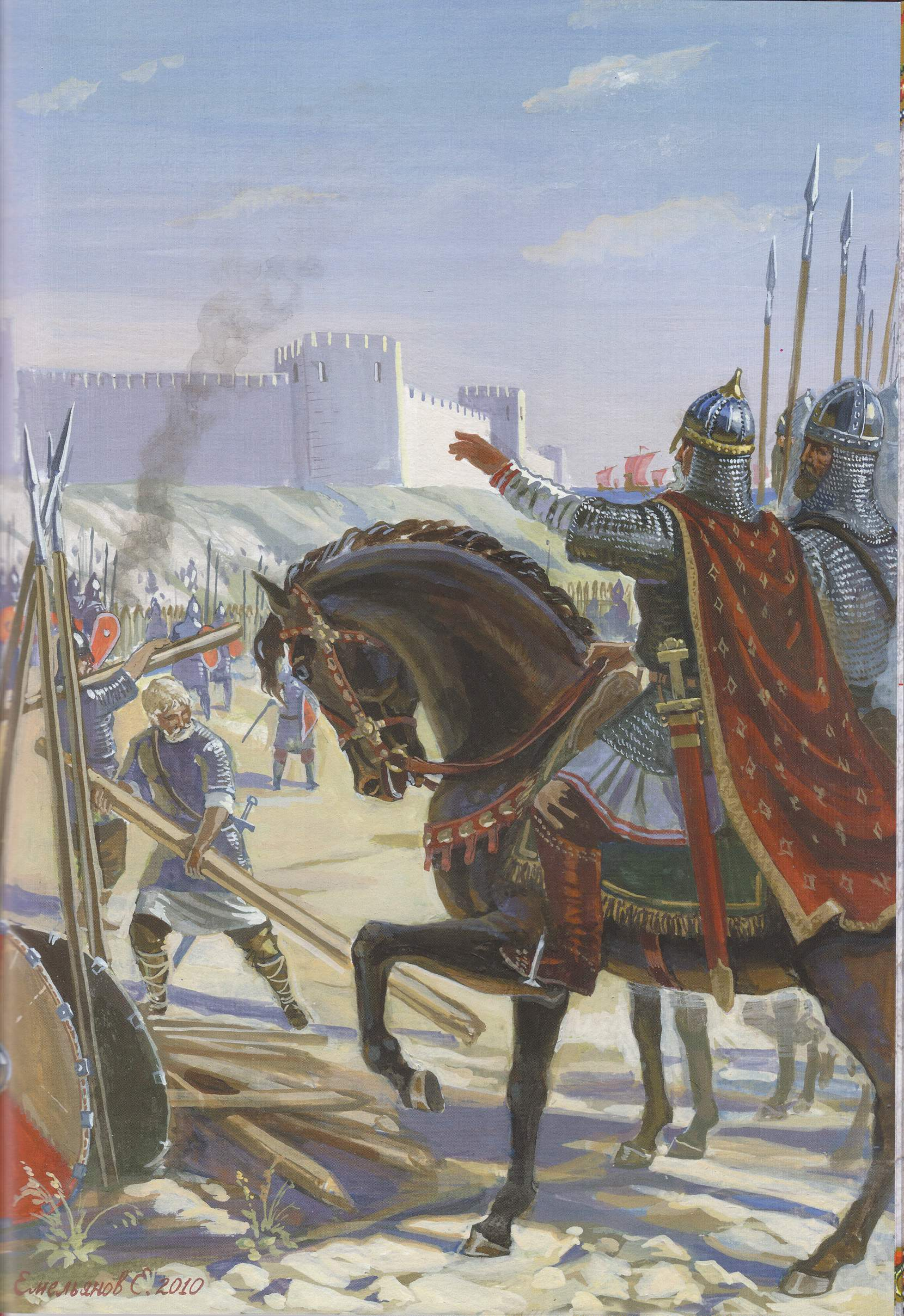
Золотая монета (златник) князя Владимира Святого

После пострижения Рогнеды (во святом крещении Анастасии), у Владимира, наверное, камень с души свалился. Но именно прежнее любострастие князя породило многие беды для земли Русской.

Летопись свидетельствует, что было у него двенадцать сыновей (и это только признанных, законных). Казалось, совсем недавно три сына Святослава развернули кровавую борьбу за Киевский стол. Надо

¹И тем более странно, что византийские источники вообще не упоминают об этом акте, которым по праву могла гордиться ромейская дипломатия.

²Существует даже версия, что, благодаря византийским священнослужителям, на Руси появились... первые домашние кошки.



ли говорить, что еще меньше было основной любовью разделить власть у детей Владимира. И при жизни отца не было между ними согласия. Великий князь даже собирался идти войной на Ярослава, сидевшего в Новгороде, но разболелся.

*Как сон, вся минувшая жизнь
пронеслась,
Почуялась правда Господня,
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он раз
Свой город увидел сегодня.*

15 июля 1015 г. государь умер, так и не определив порядка престолонаследия (Русская земля считалась общим достоянием семьи). После этого дети от разных матерей вовсе утратили облик человеческий и сделались «*аки львы рыкающие*». Один из них — Святополк велел умертвить своих братьев Бориса и Глеба¹ (так появились первые русские святые). Затем та же участь постигла и другого сына Владимира — князя Древлянского Святослава.

Святополк укрепился в Киеве, но оттуда его прогнал Ярослав, явившийся из

Новгорода. Главную ударную силу войска ярославова составляли «стремительные даны». Святополку помогали поляки. Позднее, с помощью наемников варягов, Ярослав сражался против еще одного брата — Мстислава Тмутараканского. Другого — Судислава Псковского заточил в деревянной тюрьме «порубе», где тот провел долгие двадцать четыре года, а затем был насильно пострижен в монахи. Надо ли говорить, какому разорению подверглась Русь. Свирепствовали чужеземцы, но не отставали и свои: убивали, грабили, насиловали².

И все же, пока в Византии правил непреклонный Василий II, с его авторитетом на Руси, безусловно, считались. В 1015 г. в Херсонесе вспыхнуло восстание против центральной власти. Положение осложнялось тем, что это не был бунт черни, бессмысленный и беспощадный. Во главе апостасии стоял стратиг фемы Георгий Цула, стремившийся придать движению организованный характер. Встревоженный василевс обратился за помощью к зятю, но совместная операция против Крыма началась уже после смерти Владимира. В январе

1016 г. император вернулся в столицу с Балкан, где подавлял последние очаги сопротивления болгар, и, не мешкая, организовал против Тавриды серьезную карательную экспедицию. С юга, из Пафлагонии туда направилась сильная эскадра, которую возглавлял опытный флотоводец Варда Монг. С суши ромеям помогали русичи (вероятно, прибывшие из Тмутаракани). Вместе они взяли мятежников в клещи и вскоре навели порядок, примерно покарвав бунтовщиков.

В годы правления Василия II русичи не раз имели возможность отличиться на различных театрах военных действий, которые вела



Сыновья Великого князя Владимира Святославича.
Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

¹Справедливости ради, следует признать, что Святополк мог и не считать Бориса и Глеба братьями, а Владимира отцом. Как известно, Владимир убил своего брата Ярополка и женился на его беременной вдове. «Был он от двух отцов», — говорит русская летопись о Святополке, родившемся после этого странного брака.

²Судя по тому, что в летописи под 1017 г. значится единственная скупая запись: «Ярослав пошел в Киев и погорели церкви», киевляне встречали его совсем не как освободителя.

империя: на Кавказе и в Сирии, в Италии и на Балканах¹. Причем, в последнем случае василевс счел необходимым особо поощрить росов, выделив для них в качестве награды одну треть взятой в Болгарии добычи.

за власть, в ходе которой ближайшие родичи становились заклятыми врагами.

Такая миссия имела определенные шансы на успех. Империя готовила мощную военную экспедицию в Южную Италию, и ее ар-

мия нуждалась в пополнении, а боевые качества росов, традиционно и по заслугам ценились греками. И все-таки, что-то смущало царедворцев в неожиданных и уж, во всяком случае, незваных гостях. Тем более что и внешне они напоминали разбойников с большой дороги. Впрочем, в те суровые времена подобным образом выглядели вообще все вооруженные люди. Гораздо более подозрительным казалось, что у них не было грамот великого князя, официально подтверждавших цели визита. В сложившейся ситуации василевс решил подстраховаться. Он согласился принять вождя пришельцев с небольшим количеством

сопровождающих, но лишь после того, как отряд сдаст оружие (т. е. в точном соответствии с условиями всех предыдущих русско-византийских договоров). То ли Хрисохир и сам ждал от греков какого-то подвоха, или его истинные намерения были далеки от заявленных, но переговоры так и не состоялись. Удалые ребята-гребцы разом вдарили по веслам, и острогрудые челны вскоре исчезли в золотистом мареве, которое летнее солнце щедро разбросало по теплым волнам, ласкавшим подножие Царьграда.

Путь Хрисохира лежал через Пропонтиду к Геллеспонту. У Авидоса русичи легко сбили заслон, выставленный было в проливе местным стратигом, и вырвались в бескрайний



«Заморские гости». Картина худ. Н. К. Рериха

В следующий раз военные пути Византии и Руси пересеклись в конце царствования Болгаробойцы. Приблизительно летом 1023 г.² в Константинополь прибыли ладьи некоего Хрисохира. Как пишет ромейский летописец, это был родственник умершего Владимира. Важный гость привел с собой отряд из 800 воинов в полном вооружении и заявил, что хочет вступить с ними на царскую службу. К сожалению, мы не можем точно установить, ни подлинное имя этого человека³, ни его социальный статус. Однако вполне вероятно, что Хрисохир действительно являлся знатным русичем, вынужденным покинуть родину, в связи с царившей там княжеской смутой и ожесточенной борьбой

¹Русский византист В.Г. Васильевский провел огромную исследовательскую работу с источниками, чтобы доказать: знаменитая варяжская гвардия василевсов состояла в основном из русичей, а не из норманнов. И все же, его выводы представляются не бесспорными. Отряды скандинавов состояли на византийской службе и до появления в Константинополе в 988 г. русского корпуса. И тогда, и позже, в качестве отдельных подразделений, они могли входить в состав гвардии, хотя и не обязательно назывались при этом варангами.

²Содержащиеся в источниках сведения, не позволяют более точно установить дату этого события.

³Читателя не должен вводить в заблуждение греческий антропоним Хрисохир. В данном случае это лишь буквальный перевод славянского «Златорукий». Конечно, такое имя звучит совсем не по-христиански и скорее походит на прозвище.

простор Эгейского моря. Куда направляться дальше и что будут делать эти бандюганы (а сомнений в их социальной принадлежности больше не оставалось), не взялся бы предсказать ни один астролог, или самый искусственный мастер древнего искусства мантики.

Развязка наступила у острова Лемнос. Здесь русичи столкнулись с объединенными силами имперского флота: путь ладьям Хрисохира преграждали боевые корабли морской фемы Кивирреоты, стратиг острова Самос и эскадра дуки Фессалоники. Какой бы храброй ни была русская ватага, против столь опытных моряков (да еще располагавших численным превосходством) у нее не было никаких шансов. Очевидно, не знали они и что такое «византийское коварство». Ромейские военачальники вступили в переговоры и усыпили бдительность варваров, заключив с ними «ложное соглашение». Затем на них напали и всех перебили. История эта так и осталась незначительным эпизодом бурного царствования автократора Василия II. Кстати, и из Киева никаких протестов не последовало, что лишний раз подтверждает: уход Хрисохира и его отряда с Руси был, отнюдь, не добровольным.

Вышеописанный инцидент свидетельствует, что в этот период между Киевом

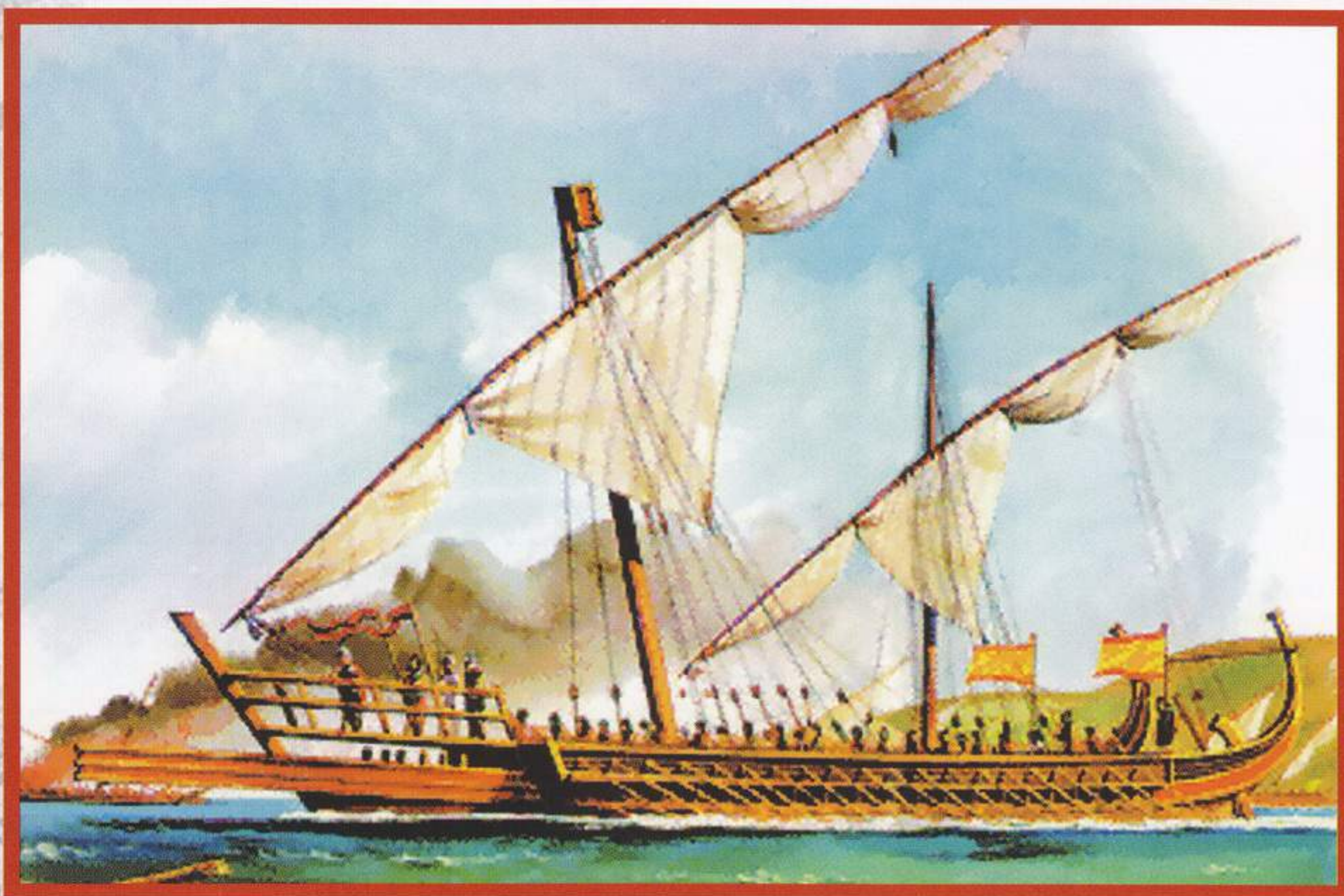
и Константинополем существовали по-настоящему деловые отношения. Император признавал суверенитет великого князя и ценил боевые качества присланных им воинов. В дальнейшем прямые византийско-русские контакты заметно ослабели, но русские отряды по-прежнему сражались под знаменами империи.

В 1030 г. варяжско-русская дружина отправилась вслед за императором Романом III Аргиром под Алеппо¹. В 40-х и 50-х гг. XI века русоволосые северяне сражались против норманнов в Италии и с печенегами во Фракии. На рубеже 1060-1070-х годов они участвовали в походах василевса Романа IV Диогена на сельджуков.

Середина XI столетия крайне неспокойное время и для внутренней истории Византии. Заговоры, мятежи, государственные перевороты следовали один за другим. И, конечно же, как законные василевсы, так и претенденты на трон стремились привлечь на свою сторону столь опытных бойцов, какими являлись гвардейцы-варанги.

В 1041 г. отрекся от престола тяжело больной Михаил IV, оказавшийся на троне благодаря тому, что он *понравился* престарелой императрице Зое. Год спустя был свергнут и ослеплен его племянник — же-

стокосердный Михаил V (как правило, он оскотничал своих политических оппонентов, не брезгуя, впрочем, и другими мерами наказания). Какое-то время Ромейским царством владели две племянницы Василия II — Зоя (невзирая на солидный возраст, ее любимым развлечением были «плотские соития») и ее сестра Феодора, срочно вернувшаяся по такому поводу из монастыря, куда была пострижена против воли (и где у нее крепко испортился характер). Правила они плохо. Поэтому придворные убедили Зою вновь выйти замуж. Так на престол вззошел незначительный Константин IX (1042-1055 гг.).



Византийский боевой корабль.
Рисунок современного художника

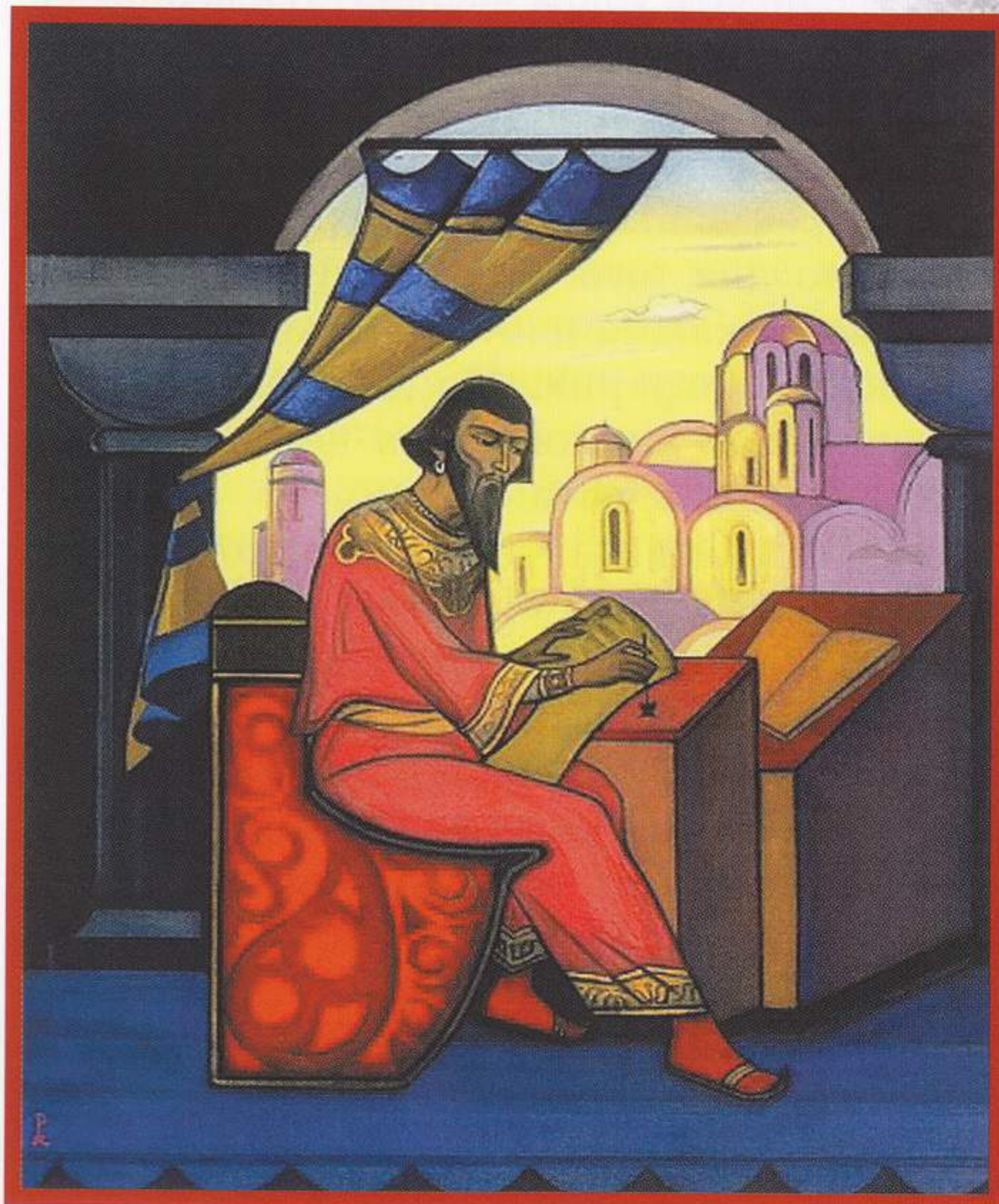
¹Правда, сами византийские историки расходятся в оценке действий варангов в Сирийском походе. Пселл сообщает, что «телохранители императора» первыми поддались панике и, бросив самодержца, «понеслись без оглядки». В отличие от него, Георгий Кедрин настаивает, что «царские этерии яростно сражались и спасли, и себя, и государя»

О чехарде, царившей в Константинополе, было хорошо известно в Киеве. Ярослав мог быть посвящен в курс дела своим давним знакомцем — отчаянным варягом Гаральдом Гардрадой. Предводитель норвежской дружины, он одно время окопался на Руси, а затем отбыл за более высоким жалованьем в Византию, где служил в царской гвардии и не раз отличался на полях сражений с врагами империи. Говорят, что не удержался Гаральд и от участия в дворцовых смутах. Именно этому человеку скандинавские саги приписывают ослепление василевса Михаила V. Так это было, или нет, в точности неизвестно. Но, в конце концов, Гаральду пришлось унести ноги из Царьграда. Проникнув напоследок в царскую сокровищницу, он вернулся в Киев сказочно богатым человеком, но и здесь не мог успокоиться, рассказывая Ярославу о золоте Византии, бесхозности ее богатств и бессилии нынешних константинопольских правителей.

В такой ситуации нельзя исключить, что великий князь решил воспользоваться смутой в империи для оказания давления на Царьград и получения, как материальных выгод (добычи), так и политических уступок. В любом случае получилось так, что прозванный Мудрым, правитель Руси ввязался в откровенную авантюру, послав в 1043 г. боевые ладьи в Византию, как будто не было у Руси врагов ближе и задач важнее. При этом, как не раз случалось в истории, принятие христианства вчерашними язычниками отнюдь не избавило крестную мать от злого неистовства чад духовных...

Как писал византийский современник тех событий, «Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой гегемонии...»¹. И далее: «Хотя варвары и не имели никаких обвинений, могущих служить предлогом для войны, но чтобы их приготовления не оказались бесполезными, они подняли войну беспричинную». Впрочем, повод, конечно же, нашелся. В Константинополе был убит некий знатный русич, после чего Ярослав двинул к Босфору 400 боевых ладей с большим количе-

ством воинов: как славян, так и варягов. Возглавил вторжение сын великого князя Владимир, державший стол в Новгороде².



Ярослав Мудрый. С картины Н. К. Рериха

Над Византией нависла серьезная угроза. Особенно с учетом того обстоятельства, что власти то и дело сталкивались с мятежами честолюбивых полководцев, неуклонно подтачивавшими и без того не великую боевую мощь державы. Как раз в 1043 г. талантливый стратиг Георгий Маниак, командовавший византийскими войсками в Южной Италии, опасаясь опалы и последующей расправы, выступил против василевса Константина IX. Покинув театр военных действий, он переправился на восточный берег Адриатики и повел армию на Константинополь. Разбить его стоило немалого труда. При этом активное участие в развернувшейся борьбе принимали русичи и варяги: одни на стороне Маниака, другие в рядах царских тагм. Последним было дано право принять участие в триумфе по случаю победы над узурпатором.

¹В данном случае речь идет о превосходстве, влиянии.

²Из этого ряд историков делают вывод, что хитрый Ярослав, опасавшийся сепаратистских настроений на севере, просто «канализировал» на Царьград неумемную энергию самых буйных голов из окружения сына. Других причин для войны действительно не существовало.

Еще большую опасность представляли славяно-скандинавские подразделения, расквартированные в Царьграде. От них можно было ожидать удара в спину. В сложившейся обстановке власти пошли на решительные шаги. «Скифы, находившиеся в столице, — сообщает византийский хронист, — были рассеяны в провинциях. Это было сделано для того, чтобы уничтожить возможность какого-нибудь движения или покушения изнутри». Но даже после столь масштабной чистки ромеи не чувствовали себя в безопасности.

Видный византийский общественный деятель и историк Михаил Пселл пережил эти дни в Константинополе, сам видел все своими глазами и оставил потомкам яркую и полную эмоционального напряжения картину случившегося. «Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город (*классика, не правда ли! — В. Ш.*), когда неисчислимое количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду».

Странное, должно быть, было зрелище, когда мимо стен Константинополя вот так неспешно и безнаказанно проходили чужие ладьи. Конечно, богохранимый град был надежно защищен неприступными укреплениями, но сама мысль о том, что сюда, в столицу державы и оплот православия, буквально под окна Священного дворца, в любой мо-

мент могут явиться враги, вызывала изумление и священный трепет. Видимо, велики были грехи человеческие, если отворачивал Господь лик от верных своих. Не раз случилось такое на протяжении более чем тысячелетней истории Византии. Но простой народ не знал о событиях веков минувших, а люди образованные лишь тяжело вздыхали, думая: «Слабеет Ромейское царство, и клонится к закату солнце славы его». Вот и сейчас флот русичей прошел мимо резиденции василевса, сопровождаемый беспомощным взглядом более не всемогущего автократора и, миновав твердыни Цареграда, беспрепятственно вырвался на простор Мраморного моря.

Объясняя причину столь оскорбительной неготовности царских эскадр к отражению нападения противника, тот же автор сообщает, что «морские силы ромеев в то время были невелики», а составлявшие их главную ударную мощь огненосные дромоны были рассредоточены по дальним рубежам, где они несли сторожевую службу. Привыкший выражаться витиевато, говоря много, но часто ни о чем, Пселл не упоминает, что в 1040 г. почти весь флот, базировавшийся в Константинополе, был уничтожен страшным пожаром, вспыхнувшим из-за халатности ответственных лиц. Теперь для борьбы с жестокими пришельцами с севера приходилось использовать буквально все, что еще оставалось под руками. Вооружались даже старые торговые суда, благо в ар-

сеналах оказались неисчерпаемые запасы «жидкого огня». Хватало и опытных матросов, которыми заново укомплектовывались экипажи.

Вместе с тем, византийцы не исключали и мирного способа урегулирования конфликта. Они предложили росам удалиться, получив щедрые дары. Владимир склонялся принять ромейские условия, но находившихся при нем варягов обуяла жадность. Возбужденные рассказами Гаральда Гард-рады о несметных богатствах Миклагарда (так называли Константинополь скандина-



Флот русов у стен Константинополя

вы), они потребовали в качестве откупа по сто золотых монет на ладью (а было их несколько сотен), либо по три фунта на каждые десять участников похода. Василевс Константин Мономах, щедро рассыпавший сокровища царской казны, таких денег платить никак не хотел. А Пселл заметил позднее, не без иронии: «Они придумали такое, полагая, что у нас текут какие-то золотосные источники». В общем, потянув для вида переговоры, чтобы выиграть время, имперские стратиги решили сражаться.

И все же, когда на следующее утро их разношерстная флотилия вышла из гавани и увидела перед собой славянскую армаду, полностью перегородившую море от берега до берега, даже у старых вояк сердца забились тревожно. Как писал Пселл: «Не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства».



Морское сражение. Византийская миниатюра

Только лобовое столкновение противников выявило преимущество византийских кораблей — более остойчивых и хорошо оснащенных. Царь лично отдал приказ, и два тяжелых дромона неспешно двинулись вперед. Навстречу ему устремилось множество вражеских челнов. Как и сто лет назад, русские стремились окружить неприятельские суда и пробить их борта. А с плавучих крепостей, на головы атакующих летел град камней и копий. Прикрывшись щитами, нападавшие держались, но когда в дело вступили огнеметные батареи, русичи дрогнули. Семь их ладей были сожжены, три потоплены вместе с экипажами.

«Тут уж наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте», — вспоминал Михаил Пселл. Весь ромейский флот перешел в наступление. Но теперь до столкновения дело не дошло. Варвары обратились

в бегство, а поднявшийся сильный ветер опрокидывал их челны и швырял на прибрежные скалы. За остальными гнались византийцы и отправляли их напрямик на дно. «И устроили тогда варварам истинное кровопускание, — не скрывает ликования Пселл, — казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море». Разгром получился полный. После битвы море выбросило на берег тысячи трупов. Сумевшие высадиться на сушу решили пробиваться на Русь по сухопутью.

Выглядит это несколько странно. Особенно если учесть, что битва произошла даже не на Черном, а в Мраморном море. Кругом лежали земли империи, и в любом месте уцелевшие русичи могли столкнуться с превосходящими царскими ратями. Повидимому, какому-то количеству ладей все же удалось ускользнуть. Владимира Ярославича принял на борт воевода Иван Творимирич, иначе не видать бы княжичу Киева.

О дальнейших событиях повествует другой византийский хронист Иоанн Скилица. Согласно его рассказу, император послал вдогонку за остатками вражеской флотилии двадцать четыре триеры. Командовал этим отрядом стратиг фемы Кивирреотов Константин Каваллурий. Несмотря на немалый опыт в морском деле, наварх угодил в ловушку. Когда ромеи вступили в залив, где на якорях стояли ладьи тавроскифов, те смелым маневром перекрыли выход в море, а затем дружно атаковали греков.

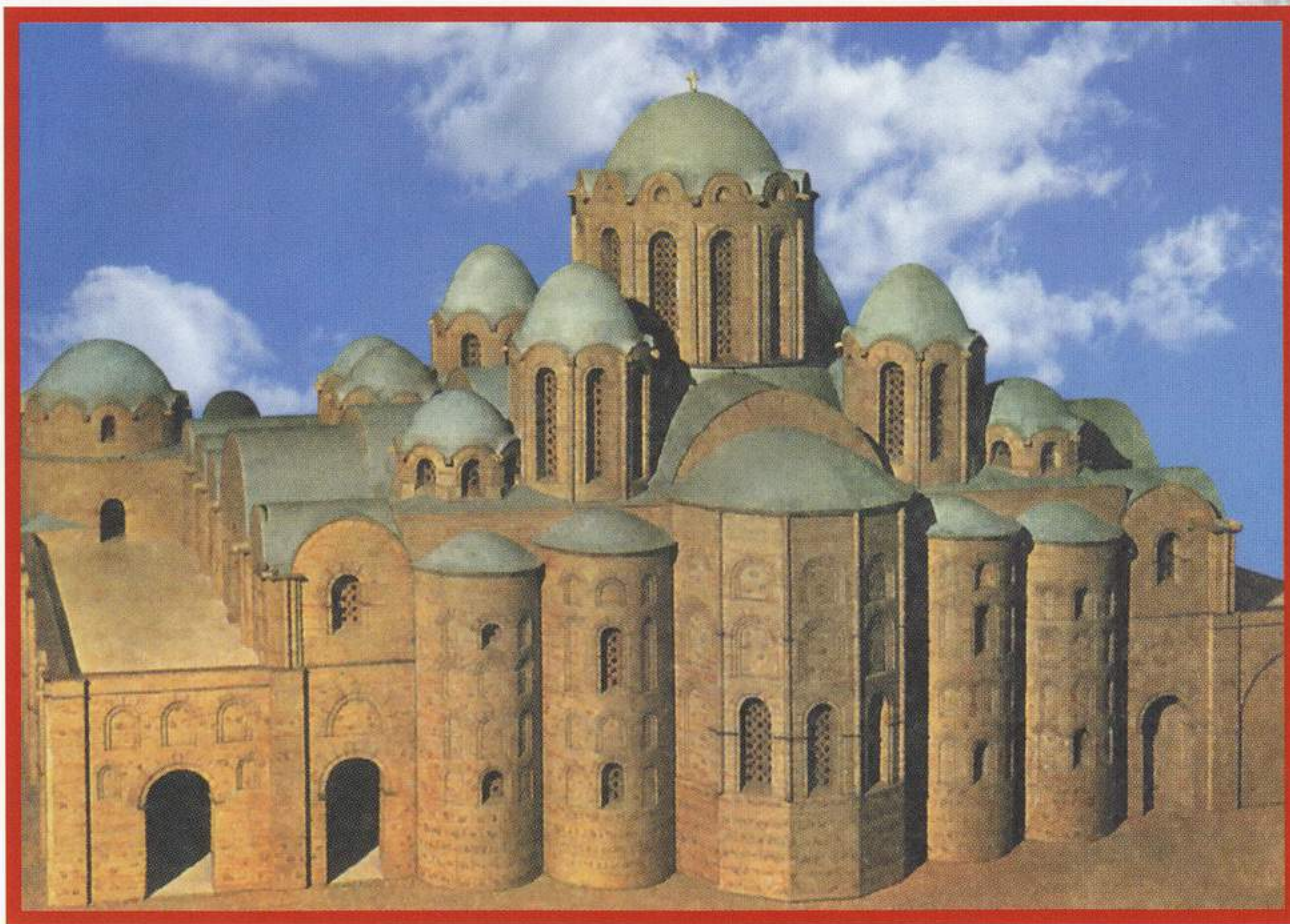
Управление боем сразу же нарушилось. Каваллурий храбро сражался, но большая часть его отряда даже не вступила в дело. Тщетно стараясь прорваться, корабли садились на мели, либо разбивались о скалы и острые подводные камни. Четыре триеры (включая флагманскую), русские захватили после ожесточенной абордажной схватки, до единого человека перебив экипажи. Воины и матросы с других судов утонули, или попали в плен. Часть из них хладнокровно зарезали, другие обрекались на рабство. И лишь немногие («пешими и голыми») смогли добраться до лагеря сухопутных войск.

Итак, русичам удалось отбиться от посланной Мономахом в погоню флотилии. Зато попытка остатков пешего войска пробиться через Фракию дальше на север, как и следовало ожидать, закончилась трагически. Удивительно уже то, что отряду новгородского воеводы Вышаты (по разным источникам от 1000 до 6000 человек) удалось пройти несколько сот километров и добраться до Варны. Здесь в безвыходной ситуации, прижатые к морю, они были разгромлены войсками фемы Паристрион под командованием Катакалона Кекавмена. В плен попали примерно 800 бойцов — почти все варяги и, к тому же, ранее находившиеся на царской службе. Связанными их отправили в столицу, и уж здесь с изменниками не церемонились — рубили правую руку, либо привычно ослепляли, навсегда лишая света Божьего. Сам Вышата провел три года в неволе, после чего его все-таки отпустили на родину. Не исключено, что вместе с ним вернулась и часть русичей.

Историки, считающие, что Ярослав затеял это рискованное предприятие затем, чтобы ослабить чересчур самостоятельных новгородцев, подчеркивают, что именно великий князь извлек из неудачного похода наибольшую выгоду. В 1046 г. он заключил с ромеями мир. Судя по всему, договорные отношения Руси с Византией были восстановлены в полном объеме. Сын Ярослава княжич Всеволод сочетался браком с царевной¹ из семьи Константина Мономаха.

Завершение конфликта привело к укреплению положения Ярослава. Сделавшись «самовластцем в Русской земле», князь занялся украшением своего стольного града и укреплением престижа державы, чтобы если и уступала кому она по великолепию, то лишь единственной и недосигае-

мой Византии. Как и в Царьграде, в Киеве строились Софийский собор и Золотые ворота. Еще один храм Божественной Премудрости был заложен Владимиром Ярославичем в Новгороде. «И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться».



Собор Святой Софии в Киеве.
Современная реконструкция

Укреплялись и международные связи. Сам женатый на дочери шведского короля, Ярослав выдал сестру замуж за польского короля Казимира. Далеко не худшие партии подобрал он и для собственных детей. Помимо уже упомянутого византийского брака княжича Всеволода, старший из сыновей Ярослава Изяслав был женат на дочери Мешко II Польского, другой — Святослав на немецкой графине. Дочери великого князя стали королевами Франции, Норвегии и Венгрии, соответственно.

В феврале 1054 г. Ярослав Мудрый умер. На смертном одре он дал сыновьям крепкий наказ: «имейте любовь между собой... И если будете жить в любви, Бог будет в вас и покорит вам врагов... Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю

¹С большой долей вероятности можно предположить, что это была дочь Мономаха, хотя и не порфирородная (т. е. рожденная от первого брака Константина и до его вступления на престол).

отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим»¹.

Несмотря на столь мудрое напутствие, как и после смерти Владимира Святого, наследники Ярослава не долго жили в мире и дружбе. Вскоре развернулась ожесточенная борьба за владение Киевским столом. Здесь по завещанию воссел старший княжич Изяслав (хотя любил Ярослав больше других Всеволода). Его несколько раз сгоняли родные братья. Дело в том, что княжение должно было переходить не от отца к сыну, а от брата к брату. В таком случае племянники нового правителя сразу теряли права наследования, получая незначительные волости. Еще хуже было положение так называемых «князей-изгоев». Ими считались дети одного из удельных князей, умершего, так и не дождавшись своей очереди на Киевский стол. Сиротам вообще «не было части в Русской земле». Это озлобляло, заставляя искать силовые пути защиты своих интересов. С неудачниками не церемонились. Следуя византийской практике (Царьград во всем считался непревзойденным образцом), их ослепляли, либо... высылали в тот же Константинополь.

Но и царственный град давно утратил покой. Интриги вокруг трона давно стали неотъемлемой чертой повседневной жизни ромеев, не оставляя в стороне и русичей. Служившие в варяжской гвардии, они доставляли имперским властям немалую головную боль. А при слабых василевсах уже совершенно распоясались и то и дело выходили из повиновения.

В 1057 г. опытный военачальник Исаак Комнин открыто выступил против императора Михаила VI (1056-1057 гг.). В ходе усобицы русские сражались на стороне автократора и в бою едва не подняли предводителя мятежа на копья. Но прошло совсем немного времени, и, когда упомянутый ранее в нашем повествовании Михаил Пселл (считавший себя специалистом высочайшего уровня чуть ли не во всех областях человеческого знания) прибыл для переговоров в стан Исаака, он увидел что лже-василевса охра-



**Император
Исаак Комнин.
Византийская
золотая монета**

няют «тавроскифы», вооруженные длинными копьями и обоюдоострыми секирами.

Характеризуя этих бойцов, наш повествователь, заметил, что они «бешены и свирепы... не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны». Наверное, именно за эти качества правители Византии и ценили наших предков. А еще они без обсуждения исполняли любые приказы. Когда в 1058 г. Исаак Комнин отстранил от должности строптивного патриарха Михаила Кирулария, именно варанги «стащили его с престола» и под конвоем доставили на Влахернскую пристань, откуда бывший церковный предстоятель отправился в ссылку на один из островов Мраморного моря.

Десять лет спустя, варяжско-русская дружина участвовала в возведении на трон Романа IV Диогена (1068-1071 гг.), но никто не вступился за этого властителя, когда, преданного ближайшими помощниками, его безжалостно ослепили. А потом все повторилось. Одни варанги принимали участие в восстании Никифора Вриенния против императора Михаила VII (1071-1078 гг.), а другие (дворцовые гвардейцы) остались верны государю и защищали Константинополь, к стенам которого подступили мятежники.

В тот раз от них едва удалось отбиться. Но Михаилу это не помогло, когда в Малой Азии появился узурпатор Никифор Вотаниат. Утратив волю к борьбе, василевс отрекся от власти и принял монашеский постриг.

Новым автократором ромеев стал Никифор III (1078-1081 гг.). Но и на этом

¹Памятники князю Ярославу стоят в основанном им Ярославле, а также в Киеве, Харькове и Белой Церкви. На вкус автора этих строк, все они некрасивые, хотя и не такие скандальные, как монументы в честь его деда Святослава.

покой не был восстановлен. Сначала расквартированные на Балканах варяго-росы поддержали очередного претендента на престол — Никифора Васибеки. Еще хуже, что в 1079 г. вооруженное выступление произошло не где-нибудь, а в самом Священном дворце. Историки до сих пор теряются в догадках и не находят ответа на вопрос, что послужило его причиной. Внешне это выглядело, как самый страшный бунт — бессмысленный и беспощадный. Автократора пытались убить его ближайшие телохранители — «мужи душегубные и иноплеменные».

«Случилось это поздним вечером, — писал византийский историк Михаил Аталият, — когда они лишились рассудка из-за неумеренного пьянства и употребления неразбавленного вина». В таком состоянии «герои» вряд ли смогли бы изложить мотивы своих действий.

«Охваченные яростью и распаленные духом», варяги стреляли из луков и, орудуя страшными секирами, хотели взломать казавшиеся несокрушимыми двери в личные покои императора. К счастью, во дворце находились и другие гвардейские части. Они оттеснили и сбросили с лестницы пьяных дебоширов. Какое-то время те еще держались, забаррикадировавшись в казарменных помещениях внутри дворца. Затем, когда хмель прошел, бунтовщики стали каяться и просить прощения.

Никифор Вотаниат проявил милость. Обошлось без казней. Но отношение к росам в Константинополе кардинально изменилось. После следствия, произведенного при помощи «надлежащих угроз», зачинщиков и тех из варангов, от которых «нельзя было ожидать исправления к лучшему», рассовали мелкими группами по отдаленным гарнизонам. А в гвардию вместо русичей стали набирать англов, приток которых в Византию резко увеличился после норманнского завоевания Британии

(1066 г.). В это время империя вступает в тяжелую борьбу с Сицилийским государством норманнов, и самыми надежными бойцами показали себя их непримиримые враги — англы.

Принятые меры не помогли Вотаниату. Против него выступил способный и честолюбивый представитель провинциальной аристократии Алексей Комнин. И здесь судьбы Ромейской державы решились не без участия варяжской гвардии. Формально она осталась верна василевсу, но в бой за него так и не вступила. Новый переворот привел к отречению прежнего государя и провозглашению Алексея I (1081-1118 гг.), основавшего династию Комнинов.

В общем, не скучно жилось в то время в Византии...

На Руси же согласию между правителями мешали не только чрезмерные амбиции удельных князей, но и обострение международной обстановки. Во второй половине XI столетия Русская земля, еще не забыв о печенежских набегах, начинает испытывать на себе весьма чувствительные удары половцев. Когда княжеские дружины в 1068 г. потерпели тяжелое поражение в битве с этими степняками, киевляне отказались принять Изяслава обратно, а затем подчистую разграбили его двор. Пришлось князю обращаться за помощью в Польшу. К тому же Изяслав побывал при дворе германского



Съезд князей. С картины худ. С. В. Иванова

императора и просил о поддержке Римского папу¹. Пользуясь случаем укрепить влияние на востоке Европы, те подтвердили законность прав Изяслава на русский престол.

Киевляне же в это время просили о заступничестве князей Святослава и Всеволода, да еще пригрозили: в противном случае, «зажегши град свой, ступим в гречьску землю». Выходит, что население «Матери городов русских» всерьез собиралось в полном составе эмигрировать под защиту византийского императора.

Братья так и не выступили с оружием в руках, но предложили посреднические услуги, примирив Изяслава с его подданными. И, как оказалось, совершенно напрасно. Вернувшись в город, тот посчитался с участниками восстания. Людей казнили и ослепляли. Эти расправы, как и обращение к латинянам, не добавили Изяславу популярности. Сыграла свою роль и позиция Константинополя.

Дело в том, что как раз в эти годы Ромейская держава в который уже раз оказалась в отчаянном положении. Враги усилили натиск на империю со всех сторон. Печенеги прочно обосновались на Дунае. На востоке безнаказанно хозяйничали турки-сельджуки, основав в Малой Азии свое государство — Румский султанат. Папа Григорий VII обратился к христианскому миру с призывом оказать грекам помощь в войне с язычниками, но сам же даровал королевские венцы правителям Хорватии и Зеты², ясно дав понять, что не считает их частью Византии. Единственным возможным союзником из Константинополя виделась православная Русь, но ромейские дипломаты знали о княжеской междоусобице и понимали, что опереться у русичей можно далеко не на всех.

Автократор Михаил VII Дука предложил, князю Всеволоду Ярославичу Переяславскому особый политический союз, исключив из него старших братьев, поскольку с ними «нет согласия в божественном обряде». Столь странная на первый взгляд избирательность объясняется тем, что Изяслав и Святослав были женаты на ка-

толичках, а Всеволод, как мы помним, на византийской царевне.

Как уже отмечалось, Михаил VII был свергнут, так и не дождавшись помощи с севера. Зато в том же 1078 г., Всеволод Ярославич после гибели брата Изяслава «*перелюма власть Руськую всю*», то есть стал обладателем главного — Киевского стола.

Отношения Византии с Русью в этот период складывались опосредованно. Поскольку в причерноморских степях хозяйничали половцы, зоной контакта стала Тмутаракань. В летописи сохранилось свидетельство, что катепан фемы Херсонес, прибывший в гости к здешнему князю Ростиславу, отравил его на званом пиру.

По мнению летописца, грекам не нравилось, что князь собирал дань «с касогов (*адыгейцев — В. III.*) и с других народов», т. е. обладал слишком большим влиянием в данном регионе. Но ведь Северный Кавказ никогда не входил в сферу прямых интересов империи. Правда, мог быть и еще один повод. Будучи изгоем, лишенным вотчины, Ростислав дважды изгонял из Тмутаракани своего двоюродного брата Глеба Святославича. Не исключено, что князь Святослав попросил василевса Константина X Дуку (1059-1067 гг.) разрешить эту щекотливую ситуацию как-нибудь по-тихому.

В Константинополе отнеслись к просьбе с пониманием. В Херсонес поступило соответствующее указание, и вскоре царский наместник в Крыму уже провозглашал тост за радушного хозяина. «*Хочю на тя пити, княже!*» — объявил катепан. «*Пий!*», — столь



Император
Константин X.
Византийская
золотая монета

¹Несмотря на свое сугубо языческое имя, Изяслав, конечно же, был христианином. При крещении его нарекли Димитрием. То же, начиная с XI века, относится и к другим русским князьям.

²Современная Черногория.

же осмысленно ответил Ростислав. Пригубив (в знак чистоты своих намерений) из золотого кубка, византиец передал его князю. Правда, при этом его палец окунулся в вино, но чего не бывает с людьми во хмелю. Русским и в голову не могло придти, что под ногтем у грека находился медленно действующий яд...

Так или нет, было это на самом деле, но приведенный пример свидетельствует, что, несмотря на заповеди Божии, жизнь человека в средневековье ценилась исключительно дешево. Через семь дней Ростислав умер¹. А затем и самого катепана постигла незавидная участь. По возвращении из «командировки» его забили камнями родные херсониты.

После этого в Тмутаракани спокойно княжили дети Святослава Ярославича, но в 1079 г. какие-то *хазары* (вероятно местные иудеи) схватили Олега Святославича и, скорее всего, по согласованию с византийцами, отправили его в Константинополь. Судя по тому, что после этого князь Всеволод Ярославич посадил в Тмутаракань своего наместника, он же приложил руку к устранению племянника.

Не вполне понятно, на какие средства существовал Олег в столице империи (не собирал же, в самом деле, Рюрикович милостыню в порту), но странная византийская жизнь изменила его судьбу самым жестоким образом.

После вышеупомянутого бунта русско-варяжской дружины 1079 г. власти Константинополя приняли жесткие превентивные меры в отношении росов, находившихся в столице. Зачистка коснулась всех, вне зависимости от статуса и от того, была ли у них регист-

рация, или гости обходились вовсе без «прописки».

Одним из таких лишенцев оказался и упомянутый нами Олег Святославич. Его выслали на Родос, и только в 1083 г., уже при новом императоре Алексее I Комнине, князь смог вернуться в Тмутаракань. Вряд ли это был акт бескорыстного человеколюбия. Скорее взаимовыгодный союз, основанный на трезвом расчете.

Для начала Олег вернул себе княжество с помощью византийского флота, но перспектива навсегда прозябать в приазовском захолустье не устраивала его ненасытное честолюбие. Олег Святославич (опять-таки не исключено, что при поддержке греков (хотя бы финансовой) вступил в упорную борьбу с многочисленными родственниками за более достойное место под солнцем.

Вскоре Олег овладел важнейшим после Киевского — Черниговским столом. И если бы не его кончина в 1115 г., еще неизвестно, как сложились бы судьбы Древнерусского



Спасо-Преображенский собор в Чернигове.
Современное фото

¹Подобного рода «стратегия непрямых действий» странным образом сказалась и на судьбе сына Ростислава — теребовльского князя Василька. Несмотря на довольно скромные размеры вотчины, Василько Ростиславич строил обширные планы внешней экспансии. В частности он собирался вывести болгар на поселение в свои галицкие земли. Византийцев не могло не взволновать столь явное покушение на суверенитет империи. Последовала мастерски разыгранная интрига. Василько был обвинен в покушении на великокняжеский стол и ослеплен Волынским князем Давидом.

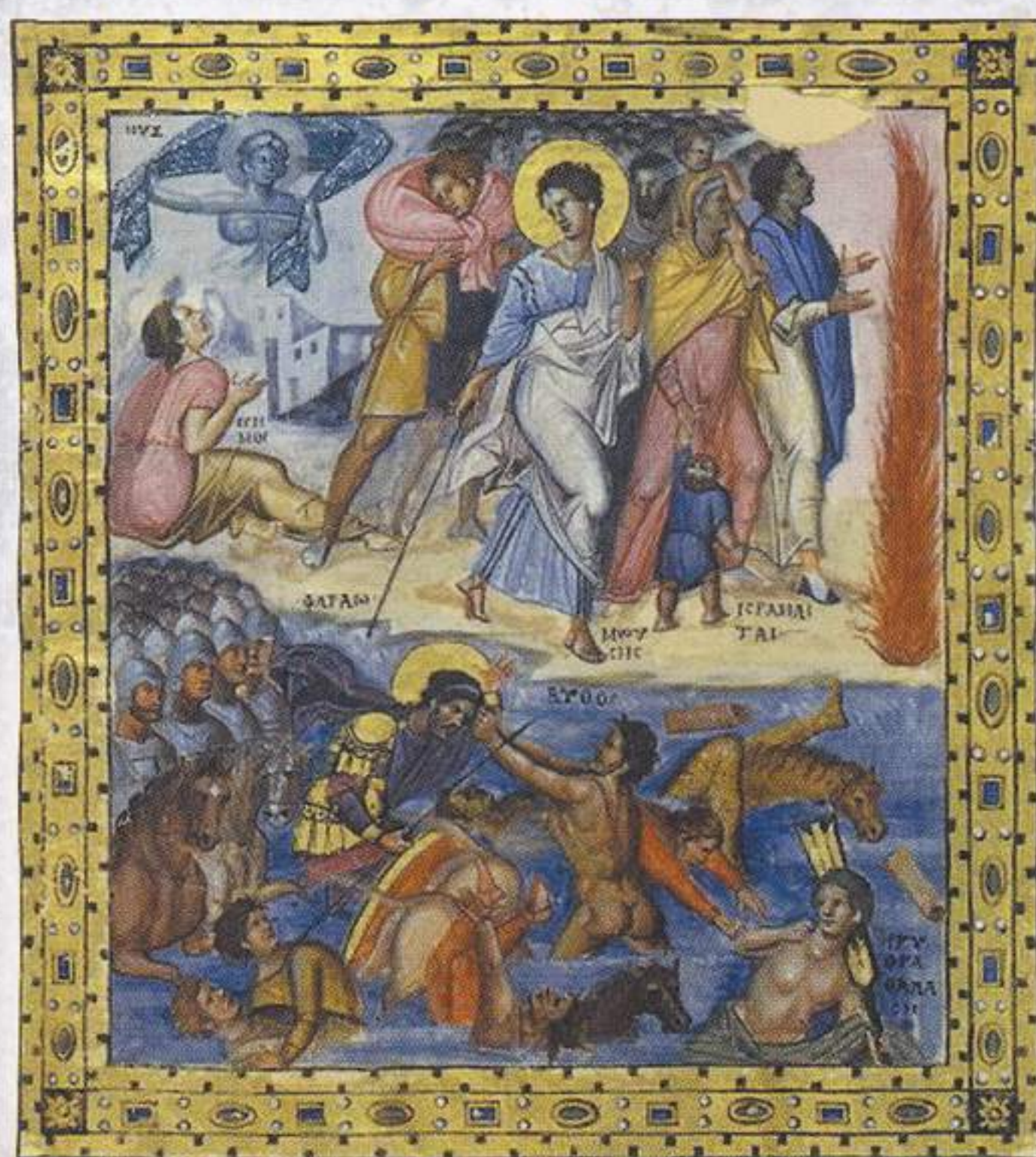
государства. Недаром в «Слове о полку Игореве» этот человек награжден характерным эпитетом «Гориславич». Ну а пока Тмутаракань в самом начале XII века отошла под прямое управление Византии. Казалось бы, зачем ромеям такая дыра, но константинопольские чиновники руководствовались соображениями вполне материальной выгоды. Отсюда в империю поступала северо-кавказская нефть, необходимая для изготовления знаменитого «жидкого огня, и... деликатесная рыба (прежде всего, осетровые). Единственный торговый путь лежал через Боспор Киммерийский, и развернутая здесь таможня приносила немалые денежные сборы в виде транзитной пошлины.

Эти земли принадлежали Ромейской державе примерно сто лет — до катастрофы 1204 г. Но до этого пока еще далеко, и в описываемое нами время, после многих лет смуты, власть на Руси оказалась сосредоточенной в руках занявшего киевский стол сына Всеволода Ярославича князя Владимира (1113-1125 гг.), оставшегося в истории с родовым византийским именем Мономах¹.

Несмотря на половину греческой крови, которая текла в его жилах, Владимир не ис-

пытывал особых симпатий к родине предков (хотя в летописях и отмечается «лукавство» князя, как качество, унаследованное им от греков). Может быть потому, что в Константинополе трон василевсов занимал «узурпатор» Алексей Комнин, а Мономах выдал свою дочь Марию замуж за сына законного императора Романа IV Диогена.

В 1116 г., воспользовавшись тем, что автократ Алексей I воевал в Малой Азии против сельджуков, Владимир дал войско *Леону Девгеновичу*, с которым тот попытался утвердиться в придунайских землях. Начинаясь кампания успешно. Зять Мономаха овладел несколькими городами, но в Силистрии (бывший Доростол) его коварно убили какие-то подосланные царем сорочины (*сарацины* — В. III.). Мономаха это не остановило. Он открыто направил своих посадников в города по Дунаю. Вероятно, им удалось на какое-то время утвердить власть князя к северу от великой реки, но проникнуть далее на юг оказалось невозможно. Сын Мономаха Вячеслав, также принимавший участие в походе, как гласит русская летопись, «не вспевше ничто же воротившаяся»².



¹То есть, буквально, «Единоборец».

²В 1154 г. Вячеслав Владимирович внезапно умер после фундаментальной ночной попойки с дружиной. Это так, к слову...



ЗАКЛЮЧЕНИЕ



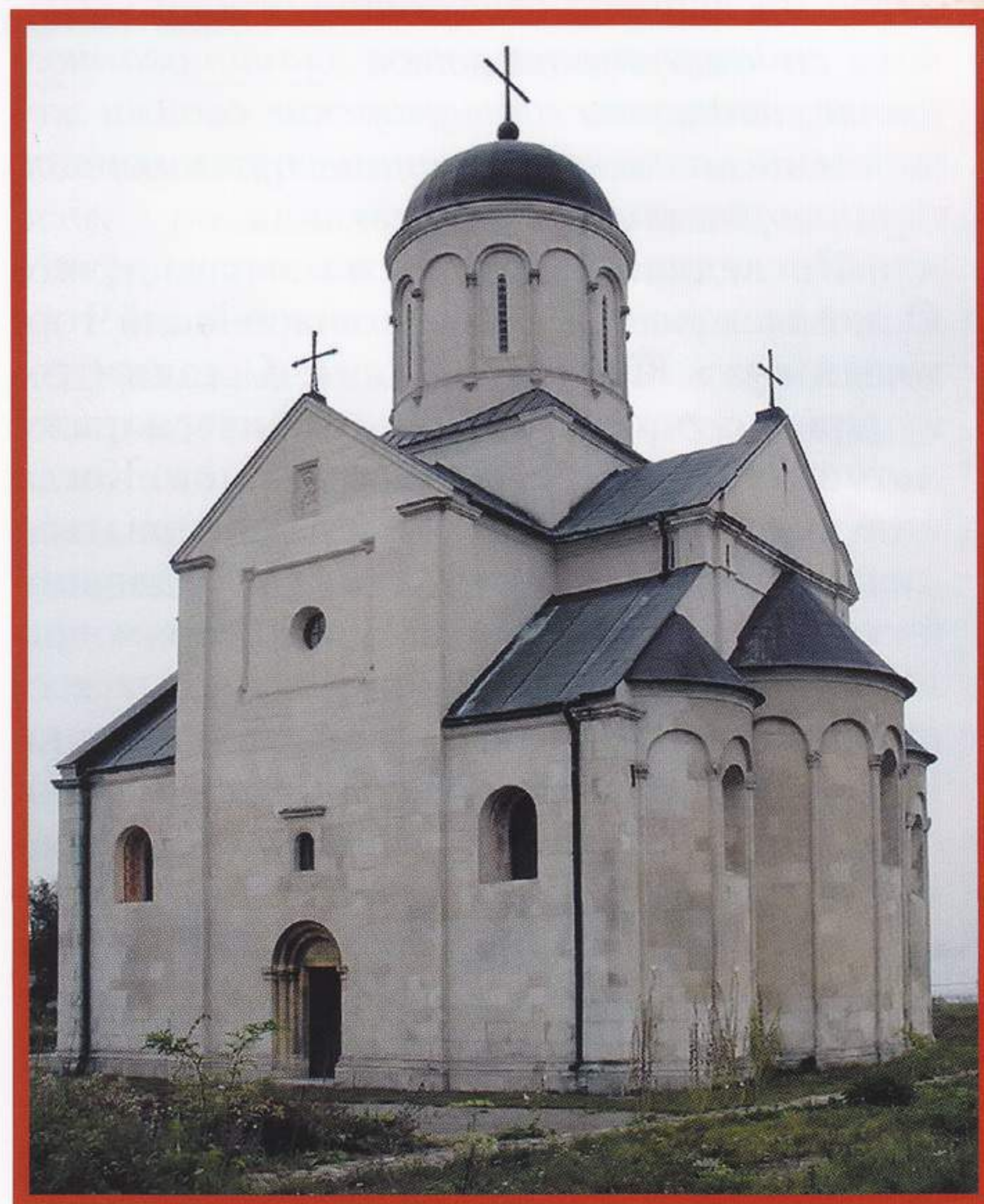


Событиями 1116 г. завершается история русско-византийских войн. Конфликта, тянувшегося два с половиной столетия и начисто лишённого смысла и каких-либо разумных обоснований. Византия никогда не имела планов территориальных аннексий на Восточно-Европейской равнине. Скандинавские конунги наведывались из варяг в греки за добычей, но обосновываться там всерьёз и надолго, не собирались (в отличие от болгар, арабов, турок и многих других). Ещё меньше причин для геополитического соперничества с Ромейской державой было у русских князей. Гораздо более опасными врагами они считали не заморского царя, а ближайших родичей. Когда же кочевники, освоившиеся в Великой степи, сделали представления русских людей о Византии довольно смутными и малореальными, противостояние просто сошло на нет, хотя империя не переставала учитывать русский фактор в своей внешней политике.

В первой половине XII столетия Византия и Русь (к этому времени окончательно распавшаяся на отдельные и часто враждующие между собой княжества), не обращаясь за помощью друг к другу, самостоятельно вели борьбу с кочевниками-степняками: печенегами и половцами. При этом общий характер отношений Киева с Константинополем оставался благожелательно ровным. Видимо не случайно, что когда в 1130 г. наследник Мономаха великий князь Мстислав Владимирович (1125-1132 гг.)¹ решил избавиться от князей покорённого им Полоцка, он отправил их в Царьград. Вряд ли такой шаг был предпринят без предварительного согласования с ближайшим окружением василевса Иоанна II (1118-1143 гг.). С другой стороны, полочане находились в Византии хотя и под надёжным присмотром, но отнюдь не на положении ссыльнопоселенцев. Император определил им достойное содержание и послал в войско (очевидно, на командные должности), бывшее против сарацин, «где они с похвалой служили».

В дальнейшем, Комнины стали считать главным соперником своей державы на севере Венгрию². Автократор Мануил I (1143-1180 гг.) попытался посадить на трон в Эстергеме внука Владимира Мономаха Бориса. Он женился на византийской царице и рассматривался как вполне достойный кандидат и верный союзник. Этот вектор несколько изменился, когда великокняжеский престол занял сын Мстислава Изяслав (1146-1154 гг.). Его сестра была замужем за венгерским королем Гезой II, и Изяслав Мстиславич стал оказывать поддержку уже своему зятю. В ответ Мануил начал сближение с Галицкой Русью. Здешний князь Владимирко оказал ромеям немалые услуги, открыв против «угров» второй фронт. А когда против него выступил Изяслав Киевский, галичан (а стало быть, и Византию) поддержал Суздальский князь (и основатель Москвы) Юрий Долгорукий.

Сцепка Галич-Киев-Суздаль работала достаточно эффективно, оставляя Венгрию практически без союзников. Положение не



Церковь Св. Пантелеймона близ Древнего Галича, начало XIII в.
Современная фотография

¹Между прочим, его матерью была дочь английского короля Гита.

²См. об этом «Византия. Гроза над Дунаем», стр. 89 и далее.



могли изменить даже субъективные желания отдельных и чересчур волевых участников этой истории. В 1157 г. Юрия Долгорукого отравили, но двенадцать лет спустя его сын Андрей Боголюбский штурмом взял Киев и на три дня отдал его своим войскам на разграбление, как будто речь шла об иноземном, вражеском городе. А когда Андрей (личность, надо сказать, вообще неуравновешенная) изгнал с Руси своих трех младших братьев¹, именно Мануил дал им приют и даровал в удел ряд городов на Дунае.

Подобные флуктуации геополитического поля наблюдались и на Галичине. Пока шла борьба за Киев, в Галиче сел на княжеский стол прямой потомок старшего сына Ярослава Мудрого и нареченный в честь предка Ярослав Владимирович.

Прозванный *Осмомысл* (т. е. умным, как восемь человек вместе взятых), он обладал настолько внушительным военным потенциалом, что заставил считаться с собой не только ближних, но и дальних соседей. В «Слове о полку Игореве» князю Ярославу посвящены следующие строки: *«Высоко сидишь ты на своем златокованном столе, подперши горы угорские своими железными полками, заступив путь королю и затворив ворота Дунаю...»*.

Последняя часть фразы означает, что Осмомысл контролировал важнейший торговый путь Южной Европы. С таким государем лучше было не ссориться даже могущественной державе Комнинов. Когда в низовьях Дуная попытался обосноваться князь-изгой Иван Берладник, создавший своеобразное государство, в котором жили беглые смерды, наемники, готовые воевать против кого угодно, явные разбойники и прочий сброд без роду и племени, Ярослав быстро навел здесь порядок. Берладнику пришлось бежать в Византию, где его отравили.

Хитроумный Осмомысл не собирался останавливаться на достигнутом и развил неприятную для Константинополя активность на международной арене. Князь обручил свою дочь с новым венгерским королем Иштваном III — непримиримым врагом Византии и пригрел двоюродного брата Мануила принца Андроника², организовав-

шего неудачный заговор против кузена. Это была серьезная опасность. Тем более что в Константинополе стало известно об участии русского отряда в боевых действиях против империи на стороне венгров.

Мануил направил на Русь большое посольство (1164-1165 гг.). С Киевом удалось договориться (точнее подтвердить прежний дружественный характер отношений). Довольно неожиданно разрешился конфликт и с Галичем. Историк Иоанн Киннам сообщает, что василевс «различными уловками» возбудил Ярослава против Иштвана. Выражаясь современным языком, он оговорил венгерского короля перед предполагаемым тестем, заявив, что если король и женится на княжне, «то будет с ней связан не более чем как с распутницей». Истории известны и худшие политические браки, но в данном



Памятник князю Ярославу Осмомыслу во Владимире-Волынском.
Современное фото

¹Их матерью была византийка.

²Этот колоритный персонаж был сыном галицкой княжны и также приходился Ярославу Осмомыслу двоюродным братом.



Роман Галицкий принимает папских послов.

С картины худ. Н. В. Неврева.

Князь Роман Мстиславич отверг предложенную папой Иннокентием III королевскую корону, ценой которой был переход в католичество, и сохранил православную веру

нополя, он, «собрав неожиданно большое и храброе войско, напал на землю половецкую и без всякого труда разорил ее». Подобный удар в тыл заставил куман спешно прервать очередной набег на ромейские владения и удалиться за Дунай.

На этом прямые контакты Ромейской державы и Руси практически завершились. В 1204 г. Византия рухнула под ударом «пилигримов» IV Крестового похода¹, а три десятилетия спустя монголы прервали поступательный ход развития русской истории. Восстановленная в 1261 г. империя являлась малым балканским государством и никогда не могла достичь прежних могущества и влияния. В XIV-XV веках отношения между двумя, в одночасье ставшими такими

случае приведенный аргумент подействовал безотказно. «Выслушав эти слова с какой-то варварской простотой, архонт тотчас же был убежден и на зятя стал коситься, как на врага, и согласился помогать всеми силами ромеям в войне против него».

Даже если Киннам преувеличивает степень доверчивости Осмомысла первому же навету, общий результат усилий византийской дипломатии не оставляет сомнений: союз Галицкой Руси с Венгрией так и не состоялся.

Доброжелательные отношения поддерживались с Русью и в период правления в империи династии Ангелов (1185-1204 гг.). Эти слабые и лукавые властители утратили контроль над Болгарией и целым рядом других провинций. Тогда же произошли новые вторжения на Балканы куман-половцев. На этот раз именно Галицкий князь Роман Мстиславич оказал Византии весьма существенную помощь. Около 1200 г., на основании прямой просьбы из Константи-

даlekими, странами поддерживались, прежде всего, по каналам православной церкви. Никея, а затем и Константинополь ставили на Русь митрополитов, но теперь эта процедура зачастую сводилась к простому утверждению кандидатур, предложенных великими князьями. Не в последнюю очередь это происходило потому, что среди греческих священнослужителей находилось мало желающих отправиться на далекий север, поработенный неверными².

Но даже при таком положении дел церковные вопросы решались с учетом мнения Великого хана. Недаром в 1254 г. в монгольской столице — далеком Каракоруме находилось посольство никейского императора Иоанна III Ватаца. Греков и русских одинаково беспокоили попытки папской курии обратить монголов в католичество и стремление Рима ставить на Русь своих иерархов. С учетом сложившейся обстановки, можно считать несомненным успехом византийской дипломатии тот факт,

¹Факт малоизвестный, но почти в то же самое время, 2 января 1203 г. объединенное войско смоленских и черниговских князей, да еще в союзе «со всею Половецкою землею», взяло и до конца разорило Киев. «Якого же зла не было от крещенья», — с горечью отметил летописец.

²В Киеве было просто негде служить. Монголы сожгли и разрушили все храмы.

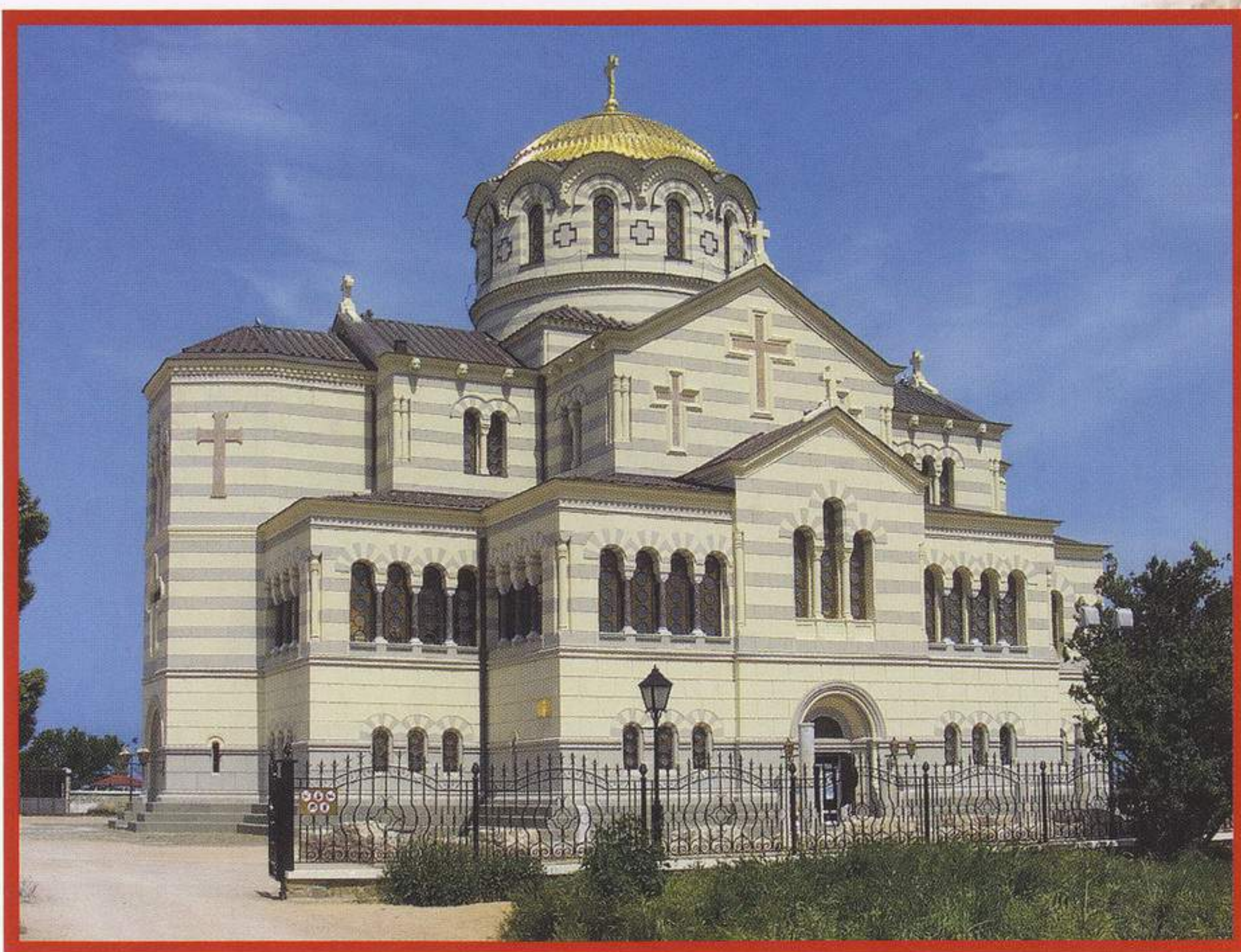
что Никейскому двору (при всей незначительности его политического веса) удалось отстоять характер русско-византийских отношений.

На Руси в указанный период центр политической жизни переместился во Владимир, а затем и в Москву. Их князья, равно как и правители других владений, одинаково зависели от грозного восточного соседа — Орды. Туда ездили за ярлыками на власть столь знаменитые деятели отечественной истории как Александр Невский, Даниил Галицкий, Иван Калита, Дмитрий Донской и многие, многие другие. Ханский контроль был довольно жестким. Начиная с 1283 г. в Орде должен был получить утверждение каждый вновь рукоположенный митрополит Киевский и Всея Руси. С другой стороны, Русь отвергла унию с католичеством, ценой которой правящая элита Константинополя пыталась спасти свою власть над постоянно сокращающейся империей.

Окормляя Русь духовно, Византия все более зависела от нее материально. Митрополиты и великие князья посылали деньги константинопольскому патриарху и императорам, поскольку в царской казне оставались лишь «воздух, пыль и эпикуровы атомы». В 1346 г. московский князь прислал деньги на восстановление храма Святой Софии, поврежденного землетрясением. В 1398 г. вспомоществование было еще более уместным, поскольку Константинополь осаждали турки.

В то же время политический идеал русские князья продолжали видеть на Босфоре. В 1452 г. Великий князь Московский Василий писал василевсу Константину XI: «Ты получил в наследие великий императорский скипетр, чтобы поддерживать всех православных христиан своего царства и оказывать великую помощь нашим русским владениям и всей нашей вере». Напомним, что эти строки появились всего за год до падения Византии, когда территория импе-

рии ограничивалась константинопольскими стенами. Но таковым уж продолжал оставаться авторитет Ромейского царства даже накануне его гибели. Когда же Константинополь пал под ударами османских ятаганов и был искренне оплакан христианами, на Руси родилась концепция Москвы как Третьего Рима.



Владимирский собор в Херсонесе.

Построенный в конце XIX века на месте предполагаемого крещения князя Владимира, он сохранил черты архитектуры византийских храмов

Эта доктрина имела, прежде всего, духовный смысл. Ее автор, псковский инок Филофей считал, что Второй Рим — Константинополь погиб, поскольку впал в «латинство»¹. Москва же, верная православию, будет стоять всегда. Беда заключалась в том, что не только духовные устои пришли на Русь из Ромейского царства. Широкое применение нашли также византийские методы борьбы за власть. Иногда невозможно избавиться от впечатления, что обитатели московских, рязанских, или тверских княжеских палат специально читали историю василевсов прежних веков.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в ходе феодальной смуты, охватившей Русь в середине XV века. Тогда ближайшие родичи, сошедшиеся в смертельной схватке за великокняжеский стол, нарушали крестоцеловальные клятвы, травили и ослепляли

¹«Царь не правильный и патриарх не правильный», — написал тогда русский архиерей.

друг друга в точности по византийским рецептам. С тех пор внук Дмитрия Донского Василий остался в памяти потомков с прозвищем «Темный» (т. е. лишенный зрения).

Сын Василия Темного Иван III (1462–1505 гг.) стал первым Великим князем Всея Руси. При нем византийские формы государственной власти получили окончательное закрепление. Женившись на племяннице последнего императора ромеев, Иван Васильевич перенес на Русь благодать, которой ранее обладали православные василевсы Константинополя¹. С тех пор над нашей страной простер крылья двуглавый византийский орел, а венчать на царство государей начали головным убором восточной работы — *Шапкой Мономаха*, по преданию присланной из Константинополя. Внук Ивана III Великого — Иван IV Грозный короновался уже как *Царь*, т. е. цезарь, достоинством равный римским императорам.

Шло время, века чередой сменяли друг друга. Русь становилась Россией. Росли ее мощь и величие. В 1721 г. царь Петр Алексеевич принял титул императора, а в последней четверти XVIII столетия Екатерина Великая замыслила поистине достойный ее титула Греческий проект. Турции предстояло расплатиться за унижение христианства трехсотлетней давности. На ее обломках должна была возродиться Византийская империя во главе с православным монархом. Недаром один из внуков царицы был назван Константином.

У России всегда хватало врагов, и из слишком смелого плана ничего не получилось. Но мечта о восстановлении исторической справедливости никогда не покидала русские умы. Правда, преобразились ее формы. В XIX веке славянофилы и патриоты западники, отложив нескончаемые споры, равно считали необходимым вернуть Константинополь.



Причем, не грекам, а православным славянам. Подобные настроения отразил Ф. И. Тютчев:

*Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?*

Теперь не на шутку встревожился Запад, и Россия так и не прорвалась к Босфору. В последний раз надежда увидеть крест на куполе Святой Софии вспыхнула с новой силой в 1914 г. Не только в державном Санкт-Петербурге или верной заветам старины Москве понимали остроту и значение переживаемого исторического момента. В самый разгар Первой мировой войны министр иностранных дел Германии дал предельно откровенную оценку (благо, что, когда говорили пушки, дипломатам не было необходимости скрывать мысли и намерения монархов) месту и значению русского исторического феномена: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над западной Европой как кошмар. Несмотря на влияние западной цивилизации... ее фундаментальная византийско-восточная культура отделяет ее от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной германо-латинским народам Запада...»

И в наши дни, несмотря ни на что, именно Россия является духовной преемницей Византии и несет бремя ответственности за византийское наследие. Что же до того, что надежды и чаяния на ее возрождение не сбылись, так ведь самая прекрасная мечта — та, которая не осуществилась.

¹Правда, с этим браком не все так просто. Его инициатором выступил папа Павел II, при дворе которого нашел убежище полностью зависевший от него отец Софьи Палеолог деспот Мистры Фома. Римский первосвященник надеялся вовлечь Московское государство в церковную унию, но Иван Васильевич, породнившись с династией византийских императоров, ни на какие уступки латинянам не пошел.



ПРИЛОЖЕНИЯ



Императоры Византии

Аркадий (395-408)
 Феодосий II (408-450)
 Маркиан (450-457)
 Лев I (457-474)
 Лев II (474)
 Зинон (474-491)
 Василиск (475-476)
 Анастасий I (491-518)
 Юстин I (518-527)
 Юстиниан I (527-565)
 Юстин II (565-578)
 Тиверий II (578-582)
 Маврикий (582-602)
 Фока (602-610)
 Ираклий (610-641)
 Константин III (641)
 Ираклеон (641)
 Констант II (641-668)
 Константин IV (668-685)
 Юстиниан II (685-695)
 Леонтий (695-698)
 Тиверий III (698-705)
 Юстиниан II (705-711)
 Филиппик (711-713)
 Анастасий II (713-715)
 Феодосий III (715-717)
 Лев III (717-741)
 Константин V (741-775)
 Артавасд (742-743)
 Лев IV (775-780)
 Константин VI (780-797)
 Ирина (797-802)
 Никифор I (802-811)
 Ставракий (811)
 Михаил I (811-813)
 Лев V (813-820)
 Михаил II (820-829)
 Феофил (829-842)
 Михаил III (842-867)
 Василий I (867-886)
 Лев VI (886-912)
 Александр (912-913)
 Константин VII (913-959)
 Роман I (920-944)
 Роман II (959-963)
 Никифор II (963-969)
 Иоанн I (969-976)
 Василий II (976-1025)
 Константин VIII (1025-1028)
 Роман III (1028-1034)
 Михаил IV (1034-1041)

Михаил V (1041-1042)
 Зоя и Феодора (1042)
 Константин IX (1042-1055)
 Феодора (1055-1056)
 Михаил VI (1056-1057)
 Исаак I (1057-1059)
 Константин X (1059-1067)
 Евдокия (1067)
 Роман IV (1068-1071)
 Михаил VII (1071-1078)
 Никифор III (1078-1081)
 Алексей I (1081-1118)
 Иоанн II (1118-1143)
 Мануил I (1143-1180)
 Алексей II (1180-1183)
 Андроник I (1183-1185)
 Исаак II (1185-1195)
 Алексей III (1195-1203)
 Исаак II и Алексей IV (1203-1204)
 Алексей V (1204)
 Феодор I (1208-1222)
 Иоанн III (1222-1254)
 Феодор II (1254-1258)
 Иоанн IV (1258-1261)
 Михаил VIII (1259-1282)
 Андроник II (1282-1328)
 Михаил IX (1295-1320)
 Андроник III (1328-1341)
 Иоанн V (1341-1391)
 Иоанн VI (1347-1354)
 Андроник IV (1376-1379)
 Иоанн VII (1390)
 Мануил II (1391-1425)
 Иоанн VIII (1425-1448)
 Константин XI (1448-1453)



Правители Руси эпохи русско-византийских войн Рюриковичи

| | |
|----------------------------------|-----------------------------------|
| Олег (Хельги) Вещий | (882-912) |
| Игорь (Ингвар) Старый | (912-945) |
| Святослав Игоревич | (945-972) |
| Ярополк Святославич | (972-980) |
| Владимир Святославич Святой | (980-1014/15) |
| Святополк Владимирович Окаянный | (1015-1016, 1018-1019). |
| Ярослав Владимирович Мудрый | (1016-1018, 1019-1054). |
| Изяслав Ярославич | (1054-1068, 1069-1073, 1076-1078) |
| Всеслав Брячиславич полоцкий | (1068-1069). |
| Святослав Ярославич черниговский | (1073-1076). |
| Всеволод Ярославич черниговский | (1076, 1078-1093). |
| Святополк Изяславич | (1093-1113). |
| Владимир Всеволодович Мономах | (1113-1025). |



ИСТОЧНИКИ

1. Анна Комнина. Алексиада. СПб, 1996.
2. Ахмед Ибн-Фадлан. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков. 1956.
3. Иоанн Киннам. Краткое обозрение Иоанна и Мануила Комнинов. Рязань, 2003.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
5. Лев Диакон. История. М., 1988.
6. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. М., 2006.
7. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
8. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина, т. 2, Рязань, 2003.
9. Повесть временных лет. М.- Л., 1950.
10. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб, 1992.

ЛИТЕРАТУРА

11. Алексеев С. В. Славянская Европа VII-VIII вв. М., 2007.
12. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
13. Архимандрит Тихон (Шевкунов). Гибель империи. Византийский урок. М., 2008.
14. Васильев А. А. История Византийской империи. тт. 1-2. СПб, 1998.
15. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. // Васильевский В. Г. Труды, т.1. СПб, 1908.
16. Вернадский Г. В. Древняя Русь. М., 1996.
17. Горелик М. Воины Киевской Руси IX-XI вв. Цейхгауз № 1, 1993.
18. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М., 2008.
19. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX — XII вв.). М., 1998.
20. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
21. История Византии. тт. 1-3. / отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. М., 1967.
22. Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX-X вв. М., 1960.
23. Каждан А. П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб, 1998.
24. С. Каинов, О. Федоров, Скандинавские наемники на Руси конец IX — начало XI веков. // «Военная иллюстрация. Альманах российской военной истории», вып.1, 1998.
25. Карамзин Н. М. История государства Российского, тт. 1-2. М., 1993.
26. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1-2. М.-Л., 1966; Вып. 3-4. Л., 1971-1973.
27. Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов. «Скандинавский сборник», вып. 22. Таллин, 1997.
28. Ключевский В. О. Курс русской истории, т. 1. М., 1990.
29. Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб, 2003.
30. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
31. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб, 2000.
32. Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб, 1999.
33. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. М., 1966.
34. Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Париж, 1990.

35. Новосельцев А. П. Образование древнерусского государства. // История Европы, т. II, М., 1992.
36. Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998.
37. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
38. Разин Е. А. История военного искусства VI-XVI вв. СПб, 1999.
39. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
40. Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в, кн. II. СПб, 2004.
41. Скрынников Р. Г. История Российская IX-XVII вв. М., 1997.
42. Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т.1, СПб, 1911.
43. Успенский Ф. И. История Византийской империи, тт. 1-3. М., 1996-1997.
44. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси 750-1200. СПб, 2000.
45. Хэлдон Д. История византийских войн. М., 2007.
46. Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства. М., 2009.
47. Chalandon F. Les Comnène, t.2, P., 1912.
48. Dawson T. Byzantine Cavalryman c. 900-1204. // Warrior series № 139, Osprey military. Oxford, 2009.
49. The Oxford Dictionary of Byzantium. // ed. A.P. Kazhdan. 1991.
50. Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. tt. 1-3, P.1896-1905.



ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|------------|
| От автора | 5 |
| Истоки | 9 |
| Основанье ратных сил..... | 20 |
| Межвременье..... | 34 |
| Иду на вы... .. | 54 |
| О любви и ненависти | 87 |
| Заключение | 108 |
| Приложения..... | 114 |
| <i>Императоры Византии</i> | <i>115</i> |
| <i>Правители Руси эпохи русско-византийских войн</i> | <i>116</i> |
| <i>Источники.....</i> | <i>117</i> |
| <i>Литература.....</i> | <i>117</i> |





Шиканов Владимир Николаевич

Византия. Из варяг в греки
Русско-византийские войны IX–XII вв.

Оригинальные цветные и черно-белые иллюстрации *Евгений Емельянов*
Дизайн и верстка *Панкевич А. В.*

Общероссийский классификатор продукции ОК-00-93 том 2, 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 15.08.2010. Формат 60х84/8

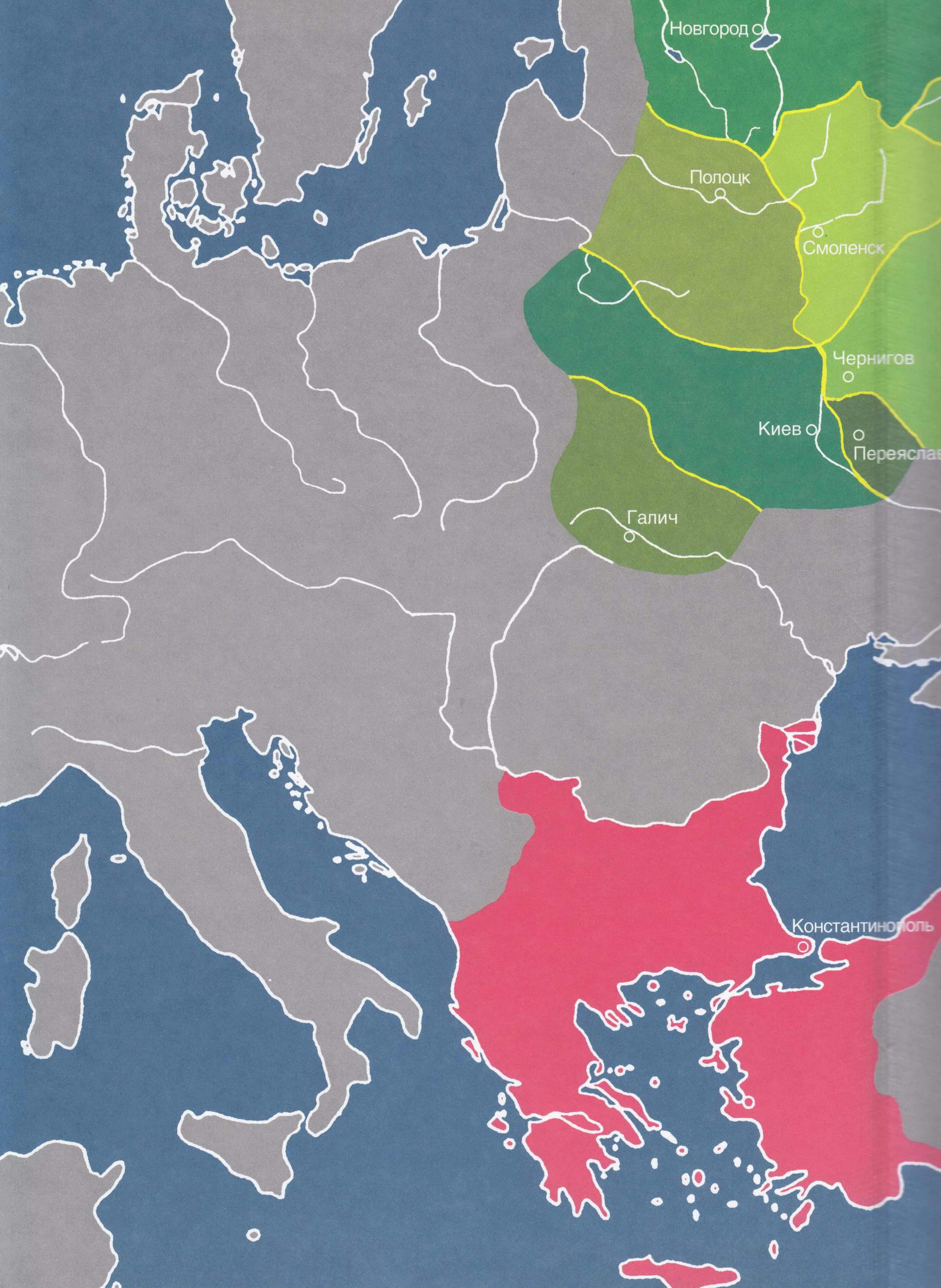
Бумага мелованная 100г/м².

Гарнитура «Кудряшов».

Усл. печ. л. 13.95. Тираж 500 экз. Заказ № 2430

Издательство «Рейтар», 103051 Москва а/я 116

Типография: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, г. Подольск, Московская область, Революционный проспект, д. 80/42



Новгород

Полоцк

Смоленск

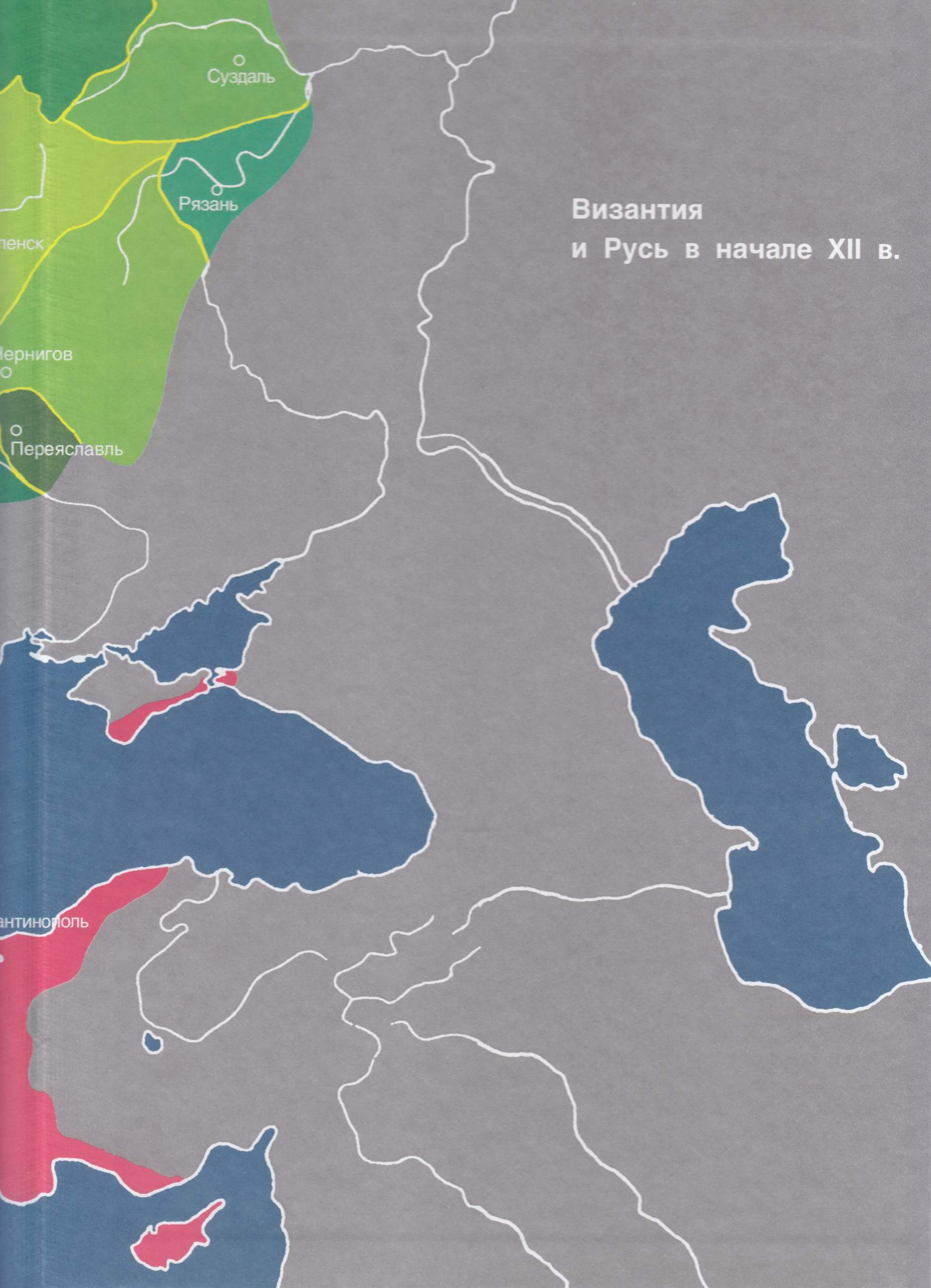
Чернигов

Киев

Переяслав

Галич

Константинополь



Византия и Русь в начале XII в.

○ Суздаль

○ Рязань

пенск

ернигов
○

○ Переяславль

антинополь



РОССИЯ

Огромная, многонациональная держава, которую веками скрепляет жесткая властная вертикаль. В этом наша страна похожа на великую православную империю Востока.

И в XXI веке Россию часто сравнивают с Византией. Настолько близки их судьбы и уникально место в истории человеческой цивилизации. Даже враги на протяжении веков были у нас общие, а друзей очень часто не хватало.

Но и между собой нашим предкам – ромеям и русичам не раз приходилось меряться силой оружия и отвагой своих воинов. Ведь Константинополь манил к себе не только паломников и купцов, но также любителей наживы. Империя и на этот раз оказалась победителем. Но победа была одержана Византией не одной лишь сталью мечей и мощью огнеметных батарей. Сыны Севера оказались навсегда пленены величием, духовной мощью и сладостной, поистине неземной красотой Византийской цивилизации.

Пятая книга проекта «Войны Византии» посвящена русско-византийским войнам.

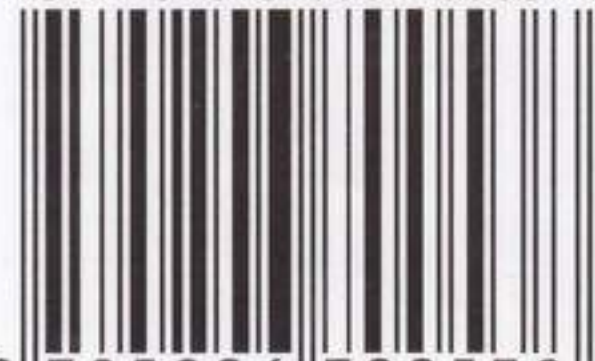
СПб Дом Книги 01.11.03.03.



780,00

Шиканов В.Н. Византия.
Из варяг в греки:

ISBN 978-5-8067-0053-4



9 785806 700538